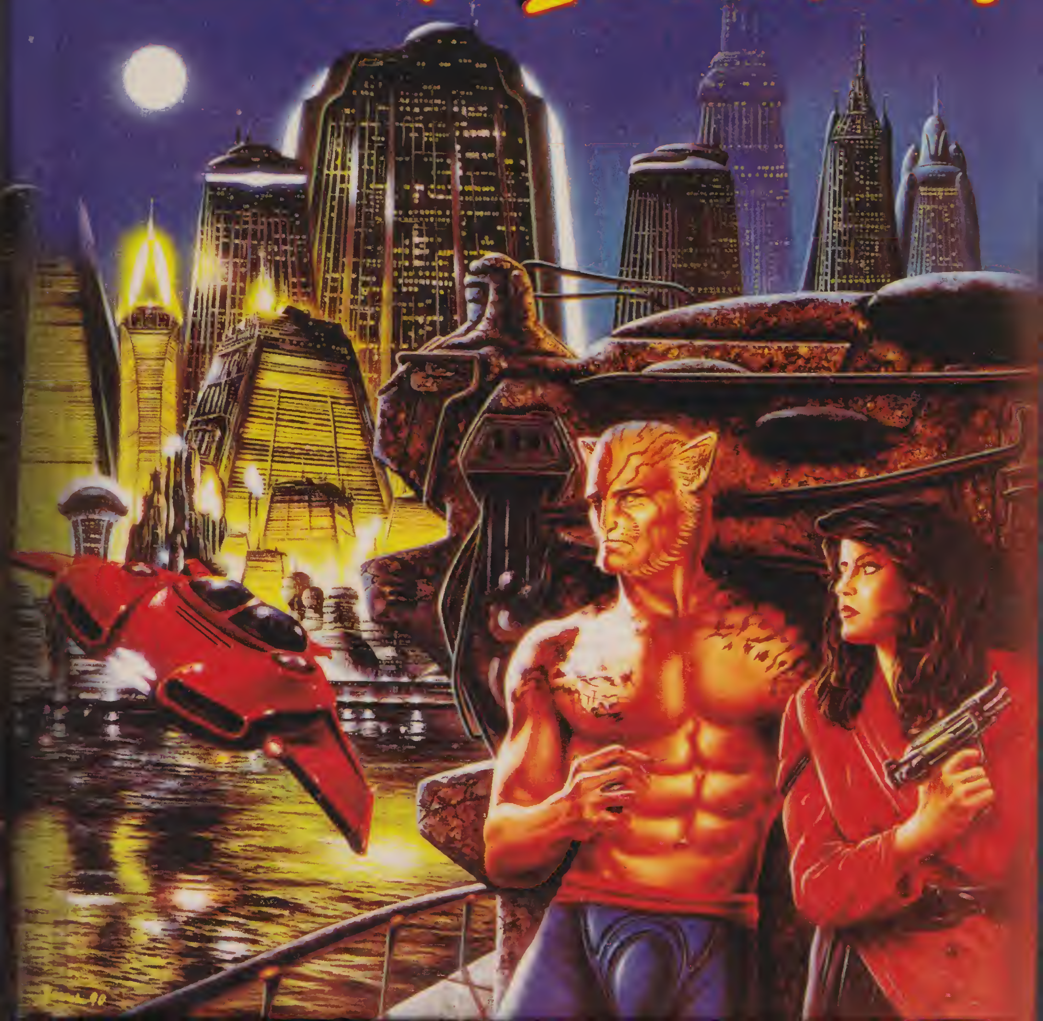
СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА

ДЖОНАТАН ЛЕТЕМ

ПИСТОЛЕТ С МУЗЫКОЙ

Москва

аст
издательство

1996

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Jonathan Lethem

ДЖОНАТАН ЛЕТЕМ

Gun, With Occasional Music

ПИСТОЛЕТ С МУЗЫКОЙ

ББК 84 (7США)
Л52

Серия основана в 1992 году

Серийное оформление: А.В.Сальников

Перевод с английского Н.К.Кудряшова

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc., New York*

Печатается с разрешения автора и его литературных
агентов The Richard Parks Agency
c/o Marsh Agency (London).

Летем Д.
Л52 Пистолет с музыкой: Роман/Пер. с англ. Н.К.Кудряшова. – М.: ТКО АСТ, 1996. – 416 с. – (Координаты чудес).

ISBN 5-697-00134-7

В нашумевшем романе Джонатана Летема фантасмагорический мир будущего описан так, словно автор только что оттуда вернулся.

Это мир реален и конкретен. Новые наркотики не только легализованы, но и обязательны для каждого благонамеренного гражданина. Индивидуальные карточки с уровнем кармы и морозильники для тех, кто потерял свою карму. Обращенные животные: кенгуру, овцы и коровы – плоды применения метода эволюционной терапии, теперь кто угодно может ходить на двух ногах и говорить. Здесь нет полиции, зато есть Инквизиция и инквизиторы – государственные и частные. В ходе расследования убийства частный инквизитор Конрад Меткалф оказывается втянутым в закулисные игры всемогущей Инквизиции и еще более всемогущей мафии будущего...

Посвящается Кармен Фаринья.

Дело было проще простого. Большой Шеф по обыкновению не опоздал, к тому же объект бросался в глаза, как кенгуру во фраке.

Раймонд Чандлер.

Часть 1

ГЛАВА 1

Когда я проснулся, клянусь, оно было со мной.

Предчувствие.

Я уже две недели не работал на Мейнарда Стенханта. Предчувствие было со мной и до того, как я включил музыкальную интерпретацию последних новостей. Впрочем, новости подтвердили то, что я и так знал: пора заняться делом. Видно, придется найти клиента. Вялые всплески скрипок прорывались сквозь завывания хора и пропадали, а потом все повторялось снова и снова. Тревожные звуки: что-то личное и трагическое — самоубийство или убийство, но уж никак не политика.

Музыкальные новости заставили меня навострить уши. Не так часто слышишь сейчас

об убийствах. А если и доведется услышать подобное, так ближе к вечеру, в промежутке между выпивкой — да и то, как правило, ты сам же и рассказываешь в баре о своем последнем расследовании, а на тебя смотрят и не верят.

Скрипки не отставали. Скрипки требовали: встань и иди в офис. Они говорили, что сегодня мне наверняка что-нибудь да подвернется. От их назойливых голосов мой бумажник пробрала голодная дрожь.

Итак, я принял душ, побрился и как следует расцарапал десны зубной щеткой, после чего поплелся на кухню прополоскать раны обжигающим кофе. Зеркальце по-прежнему лежало на столе, покрытое толстым слоем недонюханного зелья моего собственного состава — две полосы напоминали два скрещенных белых пальца. Лезвием бритвы я собрал порошок в пергаментный конвертик и вытер зеркальце о рукав. Потом не спеша допил кофе. Когда я со всем этим покончил, утро почти миновало. Как бы то ни было, я отправился в офис.

Приемную я делил с дантистом. Изначально офис принадлежал двум психоаналитикам, которым явно легче удавалось делить клиентов — клиентов, которым внушают, что все их проблемы от несдержанности

характера. А кстати, весьма неплохая шутка: психоаналитики правдами и неправдами пытаются лишить практики меня и мне подобных, но в конце концов все получается совсем наоборот.

Я, например, даже не представляю, как отвечать на все эти интимные вопросы. Я запросто нарушаю табу на задавание вопросов — в конце концов это моя работа, — но, когда дело доходит до ответов, я ничем не отличаюсь от любого другого. Не люблю этого и все тут.

Я проследовал мимо очереди к дантисту в свой кабинет и там, незамедлительно расстегнув воротник, наконец позволил себе ухмыльнуться. Я не наведывался сюда уже неделю, но кабинет ничуть не изменился. Лампочка все так же мигала, а когда я открыл дверь, под мебелью всколыхнулась свалявшаяся пыль. Хотя потеки сырости на обоях не видны: их загораживает спинка кресла, но я и так знаю, что они там. Повесив плащ на рогатую вешалку в углу, я уселся за стол.

Потом снял телефонную трубку и тут же повесил ее: телефон работал. Включил радио послушать устный выпуск новостей (если они будут, конечно). Слишком часто случается, что к тому моменту, когда к делу приступают дикторы, беспокойные аккорды ранних

выпусков уже успевают пригладить и все, что остается, — это тревожное ощущение: где-то когда-то что-то произошло.

Но не на этот раз. На этот раз новости действительно имели место. Мейнард Стенхант, состоятельный врач из Окленда, был застрелен в номере второразрядного отеля в пяти кварталах от своего офиса. Диктор сообщил имена инквизиторов, которым поручено расследование, добавил, что Стенхант разъехался с женой, и перешел к следующему сообщению. Я переключился на другую станцию в надежде услышать подробности, но на всех диапазонах передавали одно и то же.

Я испытывал несколько противоречивые чувства. Не то чтобы я успел близко познакомиться с убитым. Мейнард Стенхант был человеком надменным: богатый врач, с запасом единиц кармы, не уступающим его текущему счету в банке, — и он всегда давал вам это понять, хотя и довольно изящно. Он разъезжал не на обычной тачке, а на раритетном автомобиле. У него был офис в «Калифорния-билдинг» (о котором можно только мечтать) и платиновая блондинка-жена (о которой можно только мечтать), как-то вечером не вернувшаяся к нему — так, во всяком случае, он говорил. Пожалуй, он даже мог бы мне нравиться, не знай я его лично.

Мне он не нравился из-за его отношения к жизни. Доктор пристрастился к Забывателю. Поймите меня правильно: я и сам питаю пристрастие к зелью, как и любой другой, — возможно, даже больше, — вот только для Стенханта Забыватель был чем-то вроде индейки в День Благодарения. Я понял это, когда позвонил ему как-то ночью, а он даже не вспомнил, как меня зовут. Он не был пьян — он просто не помнил, кто я и зачем звоню. Мы никогда не встречались у него в офисе — возможно, он не хотел, чтобы какой-то там частный инквизитор топтал его дорогие ковры, — а теперь его вечернее «я» не имело представления о том, кто я такой. Ну что ж, это не нарушало правил игры. Я и в самом деле не подарок и вполне допускаю, что доктор содержал дом в образцовом порядке. Все, что касалось Мейнарда Стенханта, пребывало в образцовом порядке — если не считать работы, на которую он меня нанял: взять его жену за шкирку и вернуть ему.

Разумеется, он меня этим обрадовал не сразу. Такие люди никогда ничего не скажут прямо. Я проработал на него почти неделю — как мне тогда представлялось, простым соглядатаем, — прежде чем он сообщил, что, собственно говоря, ему от меня нужно. Я не стал тратить время на объяснение, что занялся

частной практикой как раз для того, чтобы избежать неприятной обязанности запугивать людей. Я просто отказался, и он меня уволил, а может, я сам ушел.

Значит, золотого мальчика шлепнули. Жаль. Я знал, что теперь мне не избежать визита из Отдела Инквизиции. Особой радости я не испытывал. Страха, впрочем, тоже. Визит будет чисто формальный: у инквизиторов наверняка уже имеется подозреваемый, иначе они бы не допустили утечки информации. Они уверены, что с блеском завершат расследование, — в любом другом случае в выпуске устных новостей ничего бы не сообщили.

По той же причине я знал, что мне в этом деле рассчитывать на работу нечего, а это весьма обидно. Все зацапают ребята из Отдела, и человеку вроде меня просто не хватит места — даже если найдется клиент. Дело явно относилось к категории «завести и закрыть», и тот, кто как раз мог бы стать моим клиентом, наверняка по уши в дерьме. А за убийство полагается морозильная камера, так что парень, на которого положили глаз инквизиторы, может считать, что его песенка спета.

Впрочем, меня это не касается. Я переключился на музыкальные новости. Они как раз успокаивали население убаюкивающими

переборами арф, на фоне которых уханье тубы обозначало неумолимую поступь карающего правосудия. Я позволил себя убаюкать и отключился, припав щекой к столу.

Не знаю, сколько я так проспал, но разбудил меня голос дантиста.

— Меткалф, проснитесь! — повторил он. — Там, в прихожей, сидит человек, которого если что и беспокоит, то уж никак не зубы.

Дантист повернулся и исчез, а мне пришлось вправлять челюсть после близкого знакомства с крышкой стола.

ГЛАВА 2

— Меня зовут Ортон Энгьюин.

Это был крупный парень, весьма напоминавший барана, и говорил он очень тихим голосом. Таким голосом меня не разбудишь — меня обычно надо потрясти за плечо. Впрочем, это сделал для него дантист, и мне оставалось только протирать глаза и накапливать слюну, чтобы заговорить. Все это время он с глупым видом стоял рядом со мной. Я махнул, чтобы он сел, поскольку понял, что без приглашения он этого не сделает, и внимательно посмотрел на него.

Обычно я пытаюсь определить уровень кармы человека еще до того, как он начнет говорить, так что сразу понял — у парня с этим не важно. Ввалившиеся глаза, сбитая

челка на потном лбу... Вряд ли ему больше двадцати пяти, — в любом случае он прожил достаточно, чтобы наделать дел, достойных сожаления. Ну и видок: как будто он упал с самолета и развалился на части, а теперь его собрали заново — вот только душа куда-то делась. По моим прикидкам все это произошло максимум недели две назад.

— Меня зовут Ортон Энгьюин, — повторил он. Голос звучал так, словно его полоскали в слишком большом количестве хлорки.

— О'кей, — ответил я. — Меня зовут Конрад Меткалф, и я частный инквизитор. Вам это известно. Вы это где-то вычитали и начали питать надежды. Позвольте сразу же сказать, дальнейшее питание этих надежд обойдется вам в семьсот баксов в сутки. Вдобавок то, что вы получите за свои деньги, вовсе не обязательно будет вам приятно. Я имею обыкновение становиться занозой для тех, на кого работаю, в не меньшей степени, чем для тех, за кем слежу. Большинство уходит из моего кабинета, узнав о себе много такого, чего предпочитало бы не знать, — если, конечно, не уходят после первой же беседы. Дверь видите?

— Мне нужна ваша помощь, и я готов платить, — выдавил он, когда я замолчал. — Вы мой последний шанс.

— Это я и так знаю. Все видят во мне последний шанс. Сколько кармы у вас осталось?

— Простите...

Ответ не отличался оригинальностью. В мире, где невежливым считается спросить у соседа, который час, я мог служить олицетворением бестактности. Я привык вытряхивать людей из того состояния дискомфорта, к которому они привыкли. Собственно, этим я и жил. Возможно, до сих пор Энгьюину не приходилось отвечать на прямо поставленные вопросы — если не считать тех, что ему задавали в Отделе Инквизиции. На эти вопросы отвечают все.

— Давайте-ка разберемся, — сказал я. — Вы мне платите за то, что я задаю вопросы. В этом вся разница между нами: я задаю вопросы, а вы нет. И мне нужна *ваша* помощь. Вы можете мне врать — так поступают почти все, — а можете потом проклясть меня. Только не шарахайтесь от меня так. А теперь гоните карточку. Мне нужно знать уровень вашей кармы.

Он слишком отчаялся, чтобы устроить мне сцену. Он просто полез в карман за куском пластика и протянул его через стол, старательно избегая моего взгляда.

Я сунул карточку в карманный детектор. Никаких показаний. Магнитная лента на кар-

точке чиста. Его уровень кармы равнялся нулю. Это означало, что он мало чем отличается от покойника. И насколько я понимаю, он знал это.

Если Отдел Инквизиции установит карточку на ноль, вы не сможете появиться ни в одном публичном заведении, не понизив тем самым уровень вашей кармы до отрицательной отметки. И стук захлопывающейся двери будет последним, что мир услышит о вас, — и очень надолго. Если не навсегда. Давненько мне не приходилось видеть карточку на нуле. Последний раз такую карточку держал трясущимися руками человек, окончательно тронувшийся рассудком.

Собственно, это уже пустая формальность: дело против вас завершено, и вам предоставляется последняя возможность еще денек-другой пошататься по улицам в качестве ходячей рекламы правосудия. Можно, конечно, попытаться повысить карму, помогая старым слепым козлихам переходить дорогу, а можно просто завалиться в бар и напиться вдрызбадан — это уже ничего не изменит. Между вами и вашей жизнью — стальная дверь, и вам остается только смотреть, как она медленно захлопывается.

Я вернул ему карточку.

— Да, это большая неприятность, — сказал я по возможности мягко. — Обычно в таких случаях от меня мало пользы. — По крайней мере я не кривил душой.

— Мне хотелось бы, чтобы вы попробовали, — произнес он с мольбой в глазах.

— Ну, если ничего другого не остается... — Ничего, кроме как принять деньги от ходячего трупа. — Но нам надо спешить. Я буду задавать вопросы — много вопросов, возможно, больше, чем вы слышали за всю вашу прошлую жизнь, — и мне нужен честный ответ на *каждый*. Так в чем вас обвиняют?

— Отдел Инквизиции утверждает, что я убил человека по имени Мейнард Стенхант.

Я чувствовал себя последним болваном. Мог бы ведь и догадаться, что Отдел уже нашел кого-то — правого или виноватого без разницы, главное — засунуть его в морозильник. И тем не менее я не узнал его, когда он приперся ко мне.

— Забудьте это, — произнес я. — Возьмите вот это и забудьте. — Я выдвинул ящик стола, вынул оттуда маленький конвертик и протянул ему. Это была моя собственная смесь, лучшее, что, на мой взгляд, могло помочь обреченному человеку. — Возьмите зелье и выматывайтесь. Что бы я ни сделал, вам это не поможет. Если я только попытаюсь вмешаться в дело Стенханта, это будет конец нам обоим. Пару недель назад я работал на Стенханта, так что мне и без вашего участия непросто будет отделаться от Инквизиции. — Я достал бритву и положил ее на стол рядом с конвертиком.

Энгьюин не взял конверт. Он просто сидел и смотрел на меня как ребенок. Я вяло махнул рукой и взял конвертик. Если он не хочет, мне самому пригодится.

Я высыпал содержимое на стол и порубил лезвием, не заботясь о том, что часть зелья останется в царапинах. Энгьюин встал и, пошатываясь, вышел. Я ожидал, что он хлопнет дверью, но он не стал. Может, он решил, что я не частный, а официальный инквизитор, и хлопанье дверями ему даром не пройдет. На такие штуки у него просто не осталось кармы.

Моя смесь в основном состояла из Принимателя плюс чуть-чуть Сострадателя для остроты и немного Усилителя. Обычно это помогало держаться даже в самые тяжелые минуты. Я втянул понюшку через трубочку, скатанную из стодолларовой бумажки, и очень скоро ощутил эффект. Это было хорошее зелье. Я искал нужные пропорции несколько лет, но раз найдя, сразу понял: это то, что мне нужно. От него я чувствовал себя именно так, как хотел, — лучше.

Во всяком случае, так было всегда. С моим родом деятельности Забывателем злоупотреблять нельзя — я перестраховывался, не нюхая его вообще. Вот как раз сейчас я не отказался бы от понюшки: общение с Энгьюином отрицательно сказалось на моих нервах. Вряд ли это угрызения совести — скорее, осознание того, что для последней надежды я выглядел хиловато. Всего-навсего еще один инквизитор, отвернувшийся от мольбы Энгьюина. Тот факт, что я работаю не на Отдел, а на самого себя, ничего не менял.

Если ты не решение проблемы, значит, становишься проблемой сам, верно?

Я втянул еще одну понюшку и вздохнул. Заниматься убийством Стенханта не просто глупо. И все же ощущение неизбежности, приходившее с началом нового расследования, не покидало меня. С ним я проснулся, и оно все еще было со мной. В молодости тебе кажется, что влюбленность обязательно обещает встречу с прекрасной незнакомкой. Мое утреннее ощущение было сродни этому. На деле же ты, как правило, оказываешься втянутым в интрижку с младшей сестренкой лучшего друга, которая много лет путалась у тебя под ногами и знает тебя в лучшем виде.

Вот и мое новое дело так. Я вытер столешницу рукавом, надел плащ и шляпу и вышел.

ГЛАВА 3

Мейнард Стенхант занимал офис в «Калифорния-билдинг» на Четвертой улице, у самого залива. Я подъехал и припарковал свою тачку на его месте — ему самому оно вряд ли понадобится, — вошел в вестибюль и стал ждать лифт. Все в вестибюле казалось как прежде. До сих пор в «Калифорния-билдинг» не случалось убийств.

В лифте моей попутчицей оказалась обращенная корова. На ней были шляпка и платье в цветочек; правда, пахло от нее все равно хлевом. Она мило улыбнулась мне, и я ухитрился выдавить ответную улыбку. Корова

вышла на четвертом этаже. Я вышел на седьмом и нажал звонок у таблички:

ТЕСТАФЕР И СТЕНХАНТ
урология

Ожидая у двери, я размышлял об иронии нашей жизни. Покидая этот офис две недели назад, я и не предполагал, что когда-нибудь вернусь сюда. Зажужжал открываемый замок, и я вошел.

В приемной не было никого, кроме парня в аккуратном костюме и с казенной стрижкой — он мог иметь отношение к Отделу, а мог и не иметь. Я прикинул шансы и воздержался от окончательного заключения. Он покосился на меня и уткнулся в свой журнал. Я закрыл за собой дверь. Секретарский стол был пуст, поэтому я присел на диван напротив мистера Костюма.

Как и все, кому приходится иметь дело с интимными аспектами человеческого здоровья, Тестафер и Стенхант драли бешеные деньги за комфортабельный прием и обходительность. Клиенты без проблем попадали на прием и выходили довольные уже тем, что их хорошо приняли, а также радуясь перспективе скорого выздоровления. Стенхант был в

деле недавно, во всяком случае — был до вчерашнего дня. Тестафер уже сворачивал свою практику. По части медицинской специализации между ним и Стенхантом не имелось никаких различий: оба занимались радикальной ампутацией значительной части клиентских кошельков. До сих пор мне довелось побывать здесь раз пять-шесть, так и не встретив ни разу доктора Тестафера, однако сегодня мне был нужен именно он.

В глубине приемной отворилась дверь и вышла сестра — рыжеволосая девица с бюстом, оставлявшим впечатление того, что она надела бюстгальтер задом наперед. Она узнала меня, и уголки ее рта заметно опустились. Из глубин памяти я выудил ее имя, но не успел я открыть рот, как она заговорила:

— Может, вы ищете новую работу? Вряд ли, вы не настолько глупы.

Ничего не скажешь, со своими служебными обязанностями она справлялась не так уж плохо.

— Я и не знал, что произвожу на вас такое впечатление, Принцесса. На деле я пришел за дружеским участием. Мне кажется, я мог бы оказать услугу доктору Тестаферу.

— Если я скажу доктору Тестаферу, чем вы зарабатываете на жизнь, он попросит меня передать вам, что его нет. Так что его нет.

— Вы умница, признаю. А теперь возьмите книгу записей клиентов.

— Мы не принимаем следующие сорок восемь часов. Уверена, вы понимаете почему.

Я решил немного сбить с нее спесь.

— Передайте Тестаферу, что я должен вернуть кой-какие материалы. Я их брал, когда работал на Мейнарда, — блефовать так блефовать. — Похоже, они больше не понадобятся.

— Вы собираетесь...

— Я собираюсь поговорить с доктором в полпятого, крошка. Запишите это. Скажите ему, что у меня жутко болит вот здесь. — Я показал рукой где.

К этому моменту мы-таки привлекли внимание м-ра Костюма. Он отложил журнал и поднялся, потирая челюсть мясистой пятерней, будто прикидывал сочетаемость этих двух частей тела — к примеру, как будет сочетаться моя челюсть и его лапа.

— Я все пытаюсь понять, мистер, — произнес он, — с чего это вы тут грубите.

Если он и был инквизитором, то не из самых сообразительных.

— И не пытайтесь, — ответил я. — Все равно не получится. Сам пробовал.

— Мой вам совет — ступайте домой и попробуйте еще раз. Вернетесь, когда научитесь извиняться. Не раньше.

— Вряд ли вы ждете извинений, глядя в зеркало, — заметил я. — Хотя вряд ли вы понимаете, что я имею в виду.

Я дал ему переварить последнюю фразу — это определенно должно было занять его на некоторое время.

— Так и запишите, — повторил я девице. — Я буду вовремя, постарайтесь, чтобы и доктор не опоздал.

Я повернулся к двери, оставив последнее слово за собой. Костюм не стал меня удерживать.

Спускаясь в лифте, я еще раз проиграл в уме всю эту сцену. По обыкновению я был неотразим в общении с девицей, хотя на деле это меня не трогало. С прекрасным полом я находился в состоянии перманентной войны. Лучше бы они меня ненавидели: если я начинал им нравиться, это все равно ничего не меняло. Меня нельзя назвать мужчиной. Это все проделки Делии Лаймитри, и этого я ей никогда не прощу. Если она, конечно, когда-нибудь заявится просить прощения.

Мы с Делией Лаймитри подверглись одной из этих теоретически обратимых операций, в результате которых вы меняетесь с кем-то нервными окончаниями, так что можете испытать ощущения женщины — если вы мужчина — и наоборот. По замыслу — классное

развлечение. Оно и было бы классным развлечением, не исчезни Делия Лаймитри прежде, чем мы успели пройти обратную процедуру.

Она даже записки не оставила. Я так и не узнал, довело ли ее обладание пенисом до сумасшествия или до самоубийства, или же, напротив, настолько понравилось, что она отказалась возвращать его. Все, что я знал, — это то, что мои мужские ощущения до сих пор оставались у нее, а у меня... ну, вам ясно, с чем она оставила меня. Внешне это все еще казалось мужскими причиндалами, да и, с точки зрения партнера, функционировало как положено, вот только все мои ощущения соответствовали женским. Врачи предлагали мне искусственный мужской комплект, но мне-то нужны были только мои собственные нервные окончания — те, что Делия использовала (или не использовала) Бог знает где. Рано или поздно я ее отловлю и отберу то, что принадлежит мне по праву, но до тех пор я решил воздерживаться. Ничего. Все равно я предпочитаю порошок.

Короче, я спускался в вестибюль, вполне довольный собой и тем, как я разделался с этой парочкой наверху, особенно с Костюмом. Вот тут-то два мордоворота из Отдела

шагнули ко мне с двух сторон и крепко схватили за руки.

— Шел бы ты домой, болван, — сказал тот, что слева. — Мы пошлем кого-нибудь переговорить с тобой. А пока сиди и не рыпайся.

— С твоей стороны было ошибкой приходить сюда, Меткалф, — произнес другой. Он нацелил на мой карман магнит, и я услышал, как прибор пискнул. — Пятнадцать единиц кармы, калоша. Чтобы остудить твой пыл.

Я сунул руку в карман и стиснул пальцами карточку, словно это могло ее сберечь.

— Пятнадцать единиц — не многовато ли? У меня ведь лицензия, ребята.

— Ты не показывал ее тем, наверху.

— Этому вашему парню? Ну да, у него в мозгу целых две извилины...

Тот, что справа, ухватил меня за воротник и попытался ударить по лицу. Я дернулся, но по зубам все-таки схлопотал.

— Не задавай вопросов *нам*, тупица. Мог бы и сам сообразить. — Они толкнули меня к выходу и вышвырнули сквозь вращающуюся дверь. — Проваливай.

Прижав руку ко рту, я вылетел на улицу. Навстречу мне двигалась пожилая обращенная такса. Дверь подхватила ее и швырнула в вестибюль. Такса приземлилась на ковер прямо перед инквизиторами, и когда я оглянулся,

они как раз помогали ей подняться на ноги. Славное зрелище. Я обогнул дом и подошел к машине. Рот болел, но крови на руке не было, только слюна.

До встречи с доктором Тестафером оставалось два часа, а я все еще не знал, о чем буду его спрашивать. Собственно говоря, у меня и клиента-то пока не было. Что еще? Да, дома меня могут ждать инквизиторы, да и в офисе тоже.

Зато мне удалось сбросить балласт из пятнадцати лишних единиц кармы.

ГЛАВА 4

Поначалу Стенхант нанял меня следить за его женой. Теперь-то я гадал, служило ли это только прикрытием, должно ли было мое подглядывание обеспечить чье-то алиби, а может, меня держали за дурачка задолго до того, как от меня потребовали рукоприкладства, а я отказался. Так или иначе, после недели слежки я мог считаться эдаким экспертом по объекту наблюдения. Они со Стенхантом разошлись совсем недавно, так что токи между ними были еще сильны — я хотел сказать, тогда, когда Стенхант еще мог генерировать хоть какие-то токи. Сейчас это можно охарактеризовать однозначно — короткое замыкание. Вот интересно: каково теперь

этой леди в полной темноте? А может, она сама обрезала провода?

Она видела меня только раз как парня, подсевшего к ней в баре, парня, от которого несет перегаром, а на уме только одно: быстрый перепихон. Стенхант подозревал жену в том, что она с кем-то крутит шашни, вот я и закинул удочку. Для убедительности запах спиртного был подлинным. Что-что, а актер из меня неплохой. Челеста Стенхант была хороша собой, а если тебе еще и платят за то, чтобы ты подглядывал за ней в окно, — так вообще раскрасавица. Короче, мне не было нужды раздевать ее мысленно.

Единственное, что мне предстояло решить, — это продолжать ли подглядывать за ней тайно или плюнуть на все и постучаться в дверь. Я выбрал второе. Если она меня узнает, я смогу сослаться на то, что работал на ее мужа, — рано или поздно это все равно выплывет наружу.

Я вел машину прочь от залива по тихим тенистым улочкам, мимо тихих уединенных домиков. Все это понравилось бы мне еще больше, если бы перед домами играла детвора. Почему бы им не бегать, шуметь, орать, почему бы, черт возьми, им не задавать друг другу детские вопросы. Так ведь и было раньше, пока ученые головы не решили, что дети развиваются слишком медленно, и не начали искать способы ускорить процесс. В конце концов они остановились на эволюционной терапии доктора Тустренда — тот же метод применялся для того, чтобы животные ходили на задних лапах и говорили по-английски. Плодом этих экспериментов стали башкунчики. Еще один триумф современной науки — ценой опустевших улиц.

Челеста Стенхант проживала в большом доме в самом конце Кренберри-стрит, там, где линия монорельса почти под прямым углом врезается в холм. Дом нависал над скалой, как стервятник над недоеденной тушей. Идти к парадному входу оказалось куда легче, чем карабкаться с заднего двора, чтобы заглянуть в эркер.

Я позвонил, и дверь открыла другая женщина. Я до сих пор не знал, как ее зовут, хотя за время своих наблюдений видел ее очень часто. Она была худа и бледна, словно никогда не покидала эти стены. Я, во всяком случае, ни разу не видел, чтобы она выходила. Она исполняла материнские функции по отношению к башкунчику, который то был дома, то уходил — чаще уходил, — и маленькому обращенному котенку, не выходившему из дома, за исключением тех редких случаев, когда он

2 Зак. № 644

забегал к соседям продать им кошачьих пирожков. Женщина заботилась об обоих, но котенку заботы доставалось явно больше.

Челеста Стенхант переселилась на Кренберри-стрит, когда ушла от Мейнарда. На мой взгляд, это была временная мера, пока она не найдет себе постоянное жилье или не вернется к мужу. Еще мне казалось, что они с бледной женщиной просто приятельницы, не более того. Наверное, мне стоило быть полюбопытнее. Ничего, сейчас узнаю.

Женщина открыла мне дверь и стояла молча. Конечно же, спросить меня, кто я такой, было бы невежливо.

— Я ищу миссис Стенхант, — произнес я.

Женщина удивленно приподняла бровь. Гости на Кренберри-стрит не частое явление.

— Меня зовут Конрад Меткалф, — мягко продолжал я. — Я понимаю, что время сейчас не лучшее, но именно поэтому я и пришел.

Она неуверенно отступила от двери. Моя вежливость ее несколько обескураживала. Вид у меня нельзя сказать, чтобы уж очень представительный, но и у нее немногим лучше.

— Входите, — сказала она. — Я доложу ей о вас.

Я проследовал за ней в гостиную.

Дом отличался элегантностью, высокими потолками и безукоризненной чистотой.

Впрочем, все это я знал и раньше. Женщина указала мне на диван, я сел, а она тем временем поднялась наверх. Дом явно был не из тех, где кричат, стоя на нижней ступеньке. Дом был из тех, где не спеша поднимаются наверх и сообщают о госте спокойным, ровным тоном, и она намеренно демонстрировала мне все это.

Я сел и попробовал прикинуть, о чем буду спрашивать миссис Стенхант и что буду делать с тем, что узнаю, если узнаю хоть что-то. Я импровизировал. Возможно, даже злоупотреблял импровизацией. Я нуждался в зацепке. Я нуждался в клиенте. Черт, да я нуждался даже в сандвиче. Хотя вряд ли мог надеяться на то, что Челеста Стенхант спустится ко мне с сандвичем на подносе.

Я не слышал легкого топота кошачьих лапок до тех пор, пока котенок не подошел ко мне совсем близко. Маленькая киска в красно-белом платьице с охапкой тетрадок — ни дать ни взять школьница. Она улыбнулась мне сквозь усики и потупилась.

— Привет, малышка, — сказал я.

— Я учусь читать! — гордо объявила киска. Она положила тетрадки на кофейный столик, уселась на ковер и сняла маленькие башмачки.

— Учишься читать? — переспросил я. — А я и не знал, что этому еще учат.

— В лагере для взросления. Я каждый день хожу. И в библиотеку хожу — с мамой.

— Твою маму зовут Челеста? — предположил я. Ох, несдобровать мне, если я и впредь буду вторгаться в чужие дома и допрашивать беззащитных кисок.

— Нет, дурачок. Мою маму зовут Пэнси.

«Бродячей кошкой зовут твою мать», — подумал я, но смолчал.

— Пэнси и Челеста живут вместе, — попробовал я еще.

— Челеста приходит в гости.

— Челеста раньше не приходила, — это было даже слишком просто.

— Нет, дурачок. Челеста приходит очень часто.

Я прикинул их возможные отношения: сестры, любовницы, хозяйка и служанка... В нашем деле поневоле начинаешь сортировать людей по категориям. Кстати, категорий этих не так уж много.

— Не называй меня дурачком, — сказал я. — Вы с Пэнси живете вдвоем.

— Нет, дурачок, — для нее это была забавная игра. — Барри тоже иногда живет с нами.

— Не называй меня дурачком. Барри — это кролик.

— Нет, дурачок. Барри — мальчик.

— Барри — башкунчик, мистер Меткалф, — поправила ее с лестницы Челеста Стенхант. — Саша, ступай наверх и дай нам с мистером Меткалфом поговорить. Пэнси тебя ждет.

— Иду, — сказала киска, однако ей явно хотелось остаться и поиграть еще. — Мистер Меткалф дурачок, Челеста.

— Знаю, — откликнулась Челеста. — А теперь иди.

— До свидания, Саша, — сказал я.

Киска начала подниматься по ступенькам: сначала на всех четырех лапках, потом, спохватившись, на двух. Сверху донеслись голоса и стук закрывающейся двери.

Челеста выглядела хорошо. Ее выдержка заслуживала уважения. Совершенно очевидно она узнала меня и не знала, как к этому отнестись. Ее нижняя губа дрожала, но едва заметно. Единственная слабость, причем ничтожная.

— К вашим услугам, мистер Меткалф. Полагаю, самое время вам представиться. — Она печально помолчала. — Вы работаете на Денни.

Денни. Я мгновенно занес это имя в тот потрепанный блокнот, что я называю своей памятью. Аж перо скрипнуло.

— Нет. Боюсь, что нет. Или это хорошая новость?

— Я ответила сегодня на столько вопросов, что мне хватит до конца жизни. Давайте-ка посмотрим на ваше удостоверение, или я позову на помощь.

— На помощь? — улыбнулся я. — Не самая удачная манера разговора.

— Некоторые ваши высказывания тоже не из самых удачных. — Она протянула руку. — Ваше удостоверение, крутой парень.

Я протянул ей свой фотостат.

— Последнюю работу я выполнял для вашего мужа, миссис Стенхант. Это было две недели назад.

Она изучила фотостат и положила его мне на колени.

— Так, значит, вы и впрямь частный детектив... — она попыталась сообразить, — так значит, вы не работаете на...

— Все верно, — ответил я. — Я не работаю на Денни. Собственно, сейчас я вообще ни на кого не работаю. Можете назвать это просто хобби.

— Вам придется простить меня за резкость, — сказала она. Ей явно хотелось перевести разговор в безопасное русло. — Последние двадцать четыре часа были сплошным кошмаром.

Теперь ее интонация стала иной. Она вполне соответствовала дому, машине и престижному врачу. Хотя ее защитная оболочка и дала брешь, ей удалось довольно быстро ликвидировать последствия этой аварии.

Я не стал ее разочаровывать.

— Вы не обязаны просить у меня прощения. Я и сам был резок. Вы имеете полное право вышвырнуть меня отсюда.

— Со мной уже обращались резко на допросе у инквизиторов, — произнесла она, и ее губа вновь предательски задрожала. Демонстрация женской слабости. Затем последовало новое действие: демонстрация силы воли. — Но если я могу помочь вам чем-нибудь... Другу Мейнарда...

— Вы меня переоцениваете, миссис Стенхант. Ваш муж не относил меня к своим друзьям. Наши отношения строились по принципу «услуга — оплата».

— Ясно. И ваши услуги...

— Я следил за вами около недели. Никаких эмоций. Просто работа.

Она вскинула брови.

— Так эта сценка в баре... тоже работа?

— Если я получаю работу, то работаю круглосуточно, если вы это имеете в виду. Если я что-то с этого имею, что ж, хорошо. — Я даже сам не совсем понял, что хотел этим сказать.

Она открыла сигаретницу на кофейном столике и взяла сигарету, потом долго колдовала со спичками. Все же она волновалась: обращалась с сигаретой как с сигарой, только что кончик не откусила.

— Я не совсем поняла, мистер Меткалф, на работе ли вы сейчас.

— Полагаю, что да. Простите, что вынуждаю вас тратить на меня время. — Я закинул ногу на ногу. — Сказав, что инквизиторы обращались с вами жестоко, вы имели в виду, что они подозревают вас?

Она улыбнулась.

— Нет. Они держались в рамках приличий. Если такая мысль и приходила им в голову, они этого не показали.

— Они не спрашивали вас, где вы находились в ночь, когда произошло убийство?

— Я ответила им, что была здесь, мистер Меткалф. Если об этом спросите вы, я отвечу так же.

— Тогда, пожалуй, я и не буду пытаться. Давайте-ка попробуем зайти с другой стороны. Вам известен некто по имени Ортон Энгьюин?

Она ответила быстро, но недостаточно быстро.

— До сегодняшнего утра — нет. Насколько я понимаю, он имел к Мейнарду какие-то претензии.

— Похоже, инквизиторы тоже так считают. Вы уверены, что он не объявлялся на горизонте? По большей части враги получаются из бывших друзей — да вы и сами это наверняка знаете. Он никогда не бывал в этом доме?

— Нет.

— Обычно отвечают: «Насколько мне известно, нет».

Она поняла шутку и оценила ее.

— Насколько мне известно, нет, — повторила она, подражая моей интонации.

— Неплохо. Вот только моя задача не покрывать лжецов, а разоблачать их. Так что случилось с Энгьюином?

— Если вы будете всех обзывать лжецами, это вряд ли поможет расследованию, мистер Меткалф. В вашей лицензии сказано, что вы имеете право задавать мне вопросы, но нет ни слова о том, что я обязана на них отвечать.

— Тут я полагаюсь на обстоятельства. Давайте-ка раскроем карты, Челеста. Вы не можете позволить себе отмахнуться от меня. Ведь вы не знаете, с кем следующим я буду говорить и что я узнаю. Вы хотите знать, на чьей я стороне — верно, я и сам хотел бы это знать. Мы оба замешаны в убийстве, только вы, сдается мне, замешаны чуть глубже, чем пытаетесь показать. Что до меня — я незави-

симый следователь. То, что мне платят, не означает, что от меня можно откупиться. Так вот, вам очень хочется, чтобы у меня сложилось впечатление, будто вы мне помогали. Что устроило бы нас обоих. Дело только в том, что на меня ложь не действует. Таким уж я уродился. Ложь отскакивает от меня на ковер, как блохи от собаки.

Раздумывая, она демонстративно закидывала ногу на ногу, снимала, потом снова закидывала. Подобное зрелище могло бы довести любого мужчину до умопомрачения. Но, когда я поднял глаза, взгляд ее был тверд.

— Вы пытаетесь создать впечатление, что, помоги я вам, я обрету ценного друга, — осторожно произнесла она. — Однако мой опыт научил меня тому, что такие крутые парни — не лучшие друзья.

День близился к вечеру, а мне предстояла еще встреча с доктором. Кроме того, до сих пор все мои поползновения ни к чему не привели.

— Вы вроде как снимаете маску, — сказал я с грустью. — Вот только под ней — еще одна. — Я поднялся с дивана.

— Не уходите...

— Если вы захотите связаться со мной в течение ближайшего часа, позвоните в офис вашего мужа, — люблю неожиданные телефонные звонки: они заставляют того, к кому

я пришел, нервничать, — если позже, звоните мне в офис. Номер есть в телефонной книге.

Неожиданно она вскочила с кресла и прижалась ко мне. Прижималась она мастерски. Казалось, у меня на теле нет точек, не соприкасающихся с ней. Она и не представляла себе, какую ошибку совершает. Я толкнул ее обратно в кресло, хотя и не слишком сильно.

— Вы... вы ублюдок!

Я отряхнул пиджак.

— Все ясно. Вы чего-то боитесь. — Я задержался в дверях. — Попрощайтесь за меня с котенком.

Вернувшись в машину, я открыл бардачок, достал карту и высыпал на нее пару понюшек своего зелья. Я втягивал порошок с кончика лезвия перочинного ножа до тех пор, пока меня не перестало трясти, потом ссыпал остаток в конверт, убрал карту и поехал обратно в Окленд.

Я выбрал путь через Фронтедж — между хайвэем и берегом залива. Небо было совершенно безоблачным. Я пытался сконцентрироваться на этом, чтобы забыть ту, что только что лежала в моих объятиях, прижимаясь к моему телу, а заодно и то, что вся моя жизнь — это снимание стружки с других людей. Впрочем, в день, когда я не справлюсь с жалостью к себе, меня можно будет списывать в запас.

Не судите меня слишком строго.

ГЛАВА 5

В вестибюле «Калифорнии» вроде бы не было никаких инквизиторов — именно такие вестибюли мне по душе. Я вошел в лифт и нажал на кнопку. Я опаздывал на несколько минут: задержался по дороге полюбоваться на океан, — но, если мой блеф сработал, Тестафер должен ждать меня. А я не сомневался, что блеф сработает. Я работал на Стенханта, а бизнес Тестафера слишком тесно связан с бизнесом убитого. Он будет ждать: вдруг мне известно что-то этакое.

Я уселся на тот же диван и стал ждать сестру, чтобы продолжить диалог, однако довольно долго никто не выходил. Затем из задней комнаты появился полный краснолицый мужчина, безупречно одетый, но с бегающими глазками. Он был не в халате, но я понял, что это и есть сам Тестафер. Я встал.

— Моя фамилия Меткалф, доктор.

— Очень хорошо, — ответил он, хотя вид его заставлял усомниться в искренности этих слов. — Я вас ждал. Пройдемте.

Я проследовал за ним в кабинет. Он сидел за столом Мейнарда Стенханта, только на этот раз табличка на столе гласила «Гровер Тестафер» и дальше — столбец медицинских званий. Он положил руки на стол, и я заметил, что они настолько же белые, насколько лицо красное.

— Дженни передала мне, что у вас находится ряд наших документов.

— Что-то она напутала, доктор. Все мои документы — вот здесь. — Я выразительно постучал себя по лбу. — Ваших у меня нет.

— Ясно. Полагаю, мне стоило бы знать, с какой целью вы хотели меня видеть.

Я выложил на стол свой фотостат.

— Я хотел видеть вас по вполне понятной причине. Я веду расследование, и мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. Не сомневаюсь, что я сегодня не первый.

— Нет. — Он выдавил улыбку. — Я провел сегодня час с инквизиторами. Для разминки перед беседой с вами.

— Простите, что не даю вам перевести дух, но у моего клиента чертовски мало времени.

— Да, — кивнул он. — У меня тоже сложилось такое впечатление.

— Возможно, вы сможете мне в этом помочь. В чем обвиняют Энгьюина?

— Они сказали, что нашли письмо с угрозами — как раз здесь, в этом столе. — Он ткнул пальцем в стол. — Они спросили меня, виделся ли я с ним, и я ответил, нет. Последнее время я редко появлялся здесь. Видите ли, я передал дело Мейнарду. Судя по всему, Энгьюин — из пациентов. Его имя встречается в книге записи на прием дважды за последние три недели. Я не припомнил его по описанию, но у нас было тогда много пациентов.

— Ага, — согласился я. — И к тому же вы обращаете внимание не столько на лица, сколько на... гм. Вы видели это письмо?

— Нет, хотя хотел бы. Инквизиция была здесь задолго до того, как я узнал о смерти Мейнарда.

— У вас нет никаких предположений относительно того, что не сложилось у Стенханта и Энгьюина?

Он сделал вид, будто думает. На деле же это могло означать все что угодно.

— Нет, — сказал он в конце концов. — По правде говоря, нет. Я полагаю, что это дело сугубо личного характера.

— Все, с чем вы имеете дело, можно назвать сугубо личным, — возразил я. — Вы не могли бы поконкретнее?

— Что-то между ними двумя. Не имеющее отношения к практике.

— Ясно, — сказал я и в некотором роде не покривил душой. Тестафер принадлежал к людям, которые стараются держаться подальше от того, что им неприятно. Подобная нерешительность призвана скрывать, что он каким-то образом вовлечен во все это, но отнюдь не характеризует его как личность.

— Мы с Мейнардом никогда не были особо близки, — объяснил он. — Я как раз собирался на пенсию, но по возможности не хотел закрывать практику. Мейнард был хорошим врачом, ему я вполне мог доверить дело. Наши отношения можно охарактеризовать как весьма удачное деловое партнерство, и мы уважали друг друга, но не более того.

— Вы молоды для пенсии. Сколько вам, пятьдесят пять? Пятьдесят восемь? Ей-богу, стариковский возраст.

От такой характеристики Тестафер зажмурился.

— Мне почти шестьдесят, мистер Меткалф. Впрочем, вам не откажешь в наблюдательности.

Он не стал продолжать тему «стариковского возраста». Я решил, что нажимать на него дальше не имеет смысла. Он будет гнуть ту же линию. Попробуем-ка поддеть его с другой стороны.

— И как вы будете теперь? — спросил я. — Будете искать еще одно молодое светило или прикроете лавочку?

Этим я его слегка разозлил.

— Я должен думать о пациентах. Я буду принимать их — во всяком случае, пока обстоятельства не изменятся.

— Ну разумеется. А что миссис Стенхант? Она унаследует пациентов Мейнарда или передаст их вам?

— Я не связывался еще с миссис Стенхант. Но о ней позаботятся... — необходимость импровизировать выводила его из себя.

— Пока обстоятельства не изменятся? — подсказал я.

— Ну... да.

Я пустил крученый мяч.

— Не думаю, чтобы в ваших планах фигурировал Денни.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Боюсь, я не совсем вас понял.

— Не бойтесь, — сказал я. — Я просто оговорился.

— Полагаю, что так.

Я забавлялся намеками достаточно долго, чтобы надоесть ему. В любом случае он не горел желанием говорить о Денни, кем бы этот Денни ни был.

— Что вы можете сказать о том месте, где находится Челеста Стенхант?

— Там живут Пэнси Гринлиф с сыном. Только он... он редко бывает дома. Он... он — башкунчик. — Меткалф произнес это слово не без отвращения.

— Я так и понял. Похоже, она завела себе в качестве замены обращенного котенка. Чем миссис Гринлиф зарабатывает на жизнь?

— Представления не имею, — ехидно произнес он. — У меня нет привычки расспрашивать. — Ударение на последнем слове показывало степень его раздражения. — Она дружила со Стенхантами, — добавил он уже спокойнее.

— С которыми вы не были особенно близки, — уточнил я.

— Вот именно.

Я демонстративно посмотрел на часы.

— Ну что же, не смею больше отвлекать вас. Вы весьма мне помогли.

— К вашим услугам, — ответил он, сглотнув. Ему не терпелось остаться одному.

— Если вы вспомните что-нибудь полезное для меня... — Я написал на бланке рецепта свой телефон и встал. — Пожалуй, мне пора. Прощайте, доктор.

Я вышел в вестибюль, закрыв за собой дверь кабинета. Сестра уже ушла. Я отворил выходную дверь и закрыл ее, не выходя. Потом подошел к шкафу с регистрационными картами.

Сначала я поискал карту Ортона Энгьюина. Таковой не оказалось. Я перелистал пару произвольно выбранных карт, но ничего подозрительного не нашел. Если с ними и было что-то не так, требовался профессиональный уролог, чтобы это обнаружить.

Я слышал шаги Тестафера за дверью, так что мне следовало спешить: стоило ему открыть дверь — и я бы оказался у него перед глазами. С другой стороны, он вроде бы не из тех, кто стал бы слишком шуметь из-за этого. Он боялся меня — это очевидно — и боялся до такой степени, что из кожи вон лез, только бы показать, что он помогает моему расследованию. Иначе он вряд ли согласился бы вообще встретиться со мной.

Оставалось неясным одно: *почему* он меня так боится? Конечно, я мог бы прямо спросить его, кто такой Денни, но ведь тогда он узнал бы, что мне самому это неизвестно.

Я взял с полки еще одну папку. Совершенно безобидная папка: парень по имени Морис Госпелс, шестидесяти семи лет от роду, диагноз — хронический уретрит или что-то в этом роде... Я закрыл шкаф и сунул папку под плащ. Затем шагнул к двери в офис и повернул ручку.

Тестафер склонился над столом, втягивая носом через металлическую трубочку что-то белое с поверхности маленького зеркальца. Увидев меня, он дернул головой, и из ноздри потекла белая струйка. Он не сказал ничего. Я тоже не торопился начинать разговор. Ощущение такое, словно видишь себя в зеркале лет через двадцать.

— Вот, — сказал я наконец и выложил на стол папку. Он прикрыл зеркальце руками, чтобы порошок не разлетелся. — Это то, что Стенхант дал мне на вынос из офиса. Мне это так и так уже не понадобится.

Тестафер лихорадочно пролистал карту Мориса Госпелса в поисках чего-то подозрительного. Белая струйка медленно сползала с нижней губы на подбородок. Я вышел.

ГЛАВА 6

Я возвращался в свой офис, настраивая себя на неизбежное столкновение с парнями из Отдела. Раньше или позже такого столкновения не избежать. Если мне повезет, они выведут меня на Ортона Энгьюина. Выйти из тупика в расследовании можно только с его помощью; что же до моего кошелька, то единственный шанс — это деньги Энгьюина. Я не особенно терзался. Если Энгьюину это и не поможет, деньги ему все равно будут ни к чему.

Однако в приемной не оказалось никого, за исключением пары обращенных кроликов в крошечных костюмах-тройках. Они углубились в изучение журналов и только мельком посмотрели на меня, пока я шел через при-

емную к своей двери. Из кабинета дантиста доносилось приглушенное повизгивание бормашины. «У кого-то проблемы с зубами, — подумал я, — а мой сосед-дантист не настолько процветает, чтобы отказываться от практики».

Я повесил плащ на рогатую вешалку, плюхнулся на стул, вздохнул, достал из кармана карточку и сунул ее в декодер на столе. Хотя инквизиторы, как правило, держат слово, не снимая и не добавляя кармы больше, чем заявляют, я довольно смутно помнил свой уровень до инцидента в вестибюле «Калифорнии».

Магнитная полоска на моей карточке хранила шестьдесят пять единиц. Не так плохо. Обычно инквизиторы возвращали мне отобранную карму по окончании расследования, а если его результаты были на руку Отделу, то могли немного и добавить. Шестьдесят пять единиц — уровень, с которым можно чувствовать себя более или менее уютно. Достаточный запас для работы; недостаточный, впрочем, для тех парней из Отдела, которые потехи ради могут его еще понизить. С точки зрения Отдела шестьдесят пять единиц — так, пустяк, но для такого типа, как я, многовато. Низкий уровень кармы — одна из вещей, к которым поневоле привыкаешь при моей работе.

Я поднял телефонную трубку, набрал номер забегаловки на углу и заказал сандвич с яичным салатом. Потом врубил компьютер и сделал несколько запросов. Я даже не удивился, когда информации на Ортона Энгъюина там не оказалось. Я набрал имя Пэнси Гринлиф — женщины, у которой оставалась пока Челеста, — и даже подсказал ее адрес на Кренберри-стрит, но получил в ответ фигу. Забавы ради я набрал свое имя и, разумеется, оказался в списке. Что ж, спасибо и на том.

Я просмотрел почту. Ее накопилось почти за неделю, в основном счета и рекламная макулатура, открытка от парня из Вегаса, который был мне должен, и авторучка-сувенир от одной из аэрокосмических фирм. Я вытряхнул ее из конверта, и она повисла в воздухе у меня перед носом: антиграв, первый, увиденный собственными глазами. Похоже, важнейшие изобретения всегда заявляют о себе таким обыденным образом. Ты ожидаешь чуда из чудес, а на деле тебе доставляют по почте ручку, или расческу, или соломину для нюханья порошка с телефоном торговца на конверте. К тому же ручка наверняка окажется барахляной. Попишешь такой неделю, и кончится стержень.

В дверь постучали.

— Не заперто! — гаркнул я, сунул ручку в карман и полез в ящик стола за мелочью расплатиться за сандвич. Но это был не разносчик.

Первый из них оказался примерно моего возраста, с кривыми зубами и десятидолларовой стрижкой. Абсолютно стандартный для Отдела тип. Они все на одно лицо и отличаются только сортом карамелек от кашля, которые постоянно сосут. У них и привычка такая: подойти поближе, чтобы ты мог понюхать и восхититься их оригинальностью. Я имел дело с такими миллион раз, и, несомненно, еще миллион раз мне придется иметь с ними дело в будущем. Я и сам бы таким стал, останься я в свое время работать в Отделе.

Второй... второй это совсем другое дело. Толстый, лысеющий, бритый кое-как, в подтяжках и с парой медалей на лацкане. Крепкий орешек, за версту видать. Он ввалился в комнату, захлопнул за собою дверь и произнес: «Меткалф?» — таким голосом и с таким взглядом, что я, признаться, аж вздрогнул.

— Он самый, — ответил я.

— Где ты был час назад?

— Вы, ребята, часом не полы полировать? Я не могу договариваться с вами в отсутствие доктора.

Тот, что больше, уселся в кресло, где еще совсем недавно сидел Энгъюин. Второй покосился на запыленное кресло в углу у раковины и решил пока постоять.

— Дай-ка мне свою карточку и лицензию, — буркнул здоровяк.

Пока он изучал мои документы, я демонстративно смотрел в потолок. Когда он положил их на стол между нами, я принципиально не стал брать их сразу — мол, не очень-то и хотелось.

— А где инквизитор Карбондейл? — спросил я.

— Его перебросили в приморский округ, — ответил здоровяк. — Моя фамилия Моргенлендер. Это — инквизитор Корнфельд. — При упоминании его имени молчаливый кивнул.

— Любо-дорого посмотреть на вас, ребята, в деле.

— Не могу ответить взаимностью, длинноносый, — ухмыльнулся Моргенлендер. — У нас к тебе пара вопросов по делу Стенханта. Мы не допустим, чтобы кто-либо спекулировал на этом.

— Нет проблем, инспектор. С превеликим удовольствием. — Я достал из ящика стола пачку сигарет.

— Фиг тебе удовольствие, — скривил рот Моргенлендер. — Не то у тебя положение. Ты у меня на подозрении, длинноносый.

— Я уже имел встречу с вашим подозреваемым, Моргенлендер. Парень на последнем издыхании. Ловко сработано.

— Энгъюину не позавидуешь. У него нет будущего. Мне бы не хотелось, чтобы такое случилось с длинноносым вроде тебя.

Я повернулся к Корнфельду — тот так и стоял с каменным лицом.

— У меня что, в самом деле нос такой длинный? Скажите, не стесняйтесь.

— Прибереги шуточки, длинноносый, — мрачно сказал Моргенлендер. — Твоя лицензия годна разве что подтираться, это я тебе говорю. — Он поправил галстук на бычьей шее. — А теперь расскажи-ка инквизитору Корнфельду про свою поездку к доктору.

— Я ходил показаться специалисту, — объяснил я. — Проконсультироваться, нельзя ли укоротить нос.

Я зажег сигарету и затянулся. Моргенлендер перегнулся через стол и выбил ее у меня изо рта. Она отлетела под кресло в углу и затерялась в пыли.

— Не тяни время, длинноносый. Лучше отвечай. — Он вытащил из кармана магнит и бесцеремонно нацелил на мою карточку.

Я сплюнул в угол. Черт, давно бы пора прибраться.

— Валяйте, — буркнул я.

— Кто впутал тебя в дело Стенханта?

— Я впутался в него до того, как оно стало «делом», — ответил я. — Я работал на Стенханта перед тем, как он заполучил дырку в голове.

— Ты работаешь на Энгьюина?

— Был бы рад. Я не знаю, где он.

— Вот говнюк, — сказал Моргенлендер. — Это он послал тебя к доктору. Он еще надеется выпутаться.

Вся эта карусель начала действовать мне на нервы.

— Иными словами Энгьюин занимался шантажом. — Я надеялся, что хоть этот вопрос вызовет ответную реакцию.

— Не прикидывайся простачком, длинноносый. Что он просил тебя передать доктору?

Я решил поиграть еще немного.

— Он не просил ничего конкретного. Я только прощупывал доктора Тестафера.

В дверь снова постучали. Инквизитор Корнфельд отступил от двери, и я крикнул, чтобы входили. Вошел обращенный ирландский сеттер-разносчик из забегаловки, зажав в лапах белый бумажный пакет. Он испуганно покосился на инквизиторов, потом подошел к столу и протянул мне пакет.

Я поблагодарил сеттера и заплатил на пять баксов больше, чем значилось по счету. Он благодарно кивнул, попятился к открытой двери и, развернувшись, поспешил из приемной с таким видом, будто готов улепетывать на всех четырех и с визгом. Корнфельд прикрыл дверь и прислонился к стене.

Никто не проронил ни звука, пока я открывал пакет и доставал оттуда сандвич с яичным салатом. Как раз в такие минуты любое нормальное человеческое действие обезоруживает разъяренного противника. Я откусил от треугольного сандвича и вытер губы бумажной салфеткой. Только после этого Моргенлендер начал допрос заново, забыв свои шуточки вроде «длинноносого». Каким-то образом за то время, пока рыжий щенок передавал мне сандвич, мы миновали этот этап.

— Чертовски запутанное дело, — сказал он. — Начальство выдало мне Энгьюина на блюдечке и, похоже, здорово давит, чтобы так все и оставалось.

Моргенлендер обращался теперь ко мне как к приятелю, и — возможно, мне это только показалось — Корнфельд продолжал молчать, но вроде бы чувствовал себя уже не так уютно.

— Энгьюин — паршивая крыса, — продолжал Моргенлендер. — Я не огорчусь, если он окажется в морозильнике, но только здесь все куда сложнее.

Я кивнул: пусть рассказывает дальше.

— Я не утверждаю, что он невиновен. Судя по всему, он его и укокошил. Я только говорю, что все сложнее. Хочу предупредить тебя, Меткалф. Если ты окажешься на моем пути, мне придется тебя топить. Вот оно как оборачивается. — Он убрал магнит обратно в карман и кивнул Корнфельду.

Я откусил еще кусок и попытался улыбнуться. У меня на языке вертелось еще много вопросов, но Корнфельд, похоже, предпочитал, чтобы я помалкивал. Есть более безопасные способы продвинуться в расследовании, чем допрашивать инквизитора. Я подвинул второй треугольный сандвич пальцем, и на оберточную бумагу выпал маленький белый яичный кубик.

— Пойми, я уважаю частных сыщиков, — сказал Моргенлендер. Он улыбнулся, и мне показалось, что о его язык можно зажигать спички. — Ты только усвой, когда лучше уйти в сторону. Сейчас вот как раз такой случай. — Он устало поднялся и одернул рукав.

До сих пор Корнфельд так и не вымолвил ни слова. Теперь он снял шляпу, сипло произнес: «До свидания», — и открыл дверь Моргенлендеру. В дверях здоровяк оглянулся и еще раз дал мне возможность полюбоваться его кривой улыбкой. Я поднял руку. Они закрыли за собой дверь, и я слышал, как они шагают через приемную — мимо кроликов — к лифту, оставив меня наедине с сандвичем и уймой вопросов без ответа.

Я подошел к окну и поднял жалюзи. Окно выходило на восток, но лучи заката окрашивали склоны холмов над Оклендом и горели в окнах домов по ту сторону залива, превращая пейзаж в золотое шитье. Что и говорить, на расстоянии холмы казались просто красивыми. Я вернулся к столу, отодвинул в сторону сандвич и высыпал на столешницу щепотку зелья. Я измельчил его перочинным ножиком и уже нагнулся, чтобы вдохнуть, когда зазвонил телефон.

— Меткалф, — буркнул я в трубку.

— Это я, Ортон Энгьюин, — послышался голос. — Мне нужно поговорить с вами.

— Идет.

— Я слышал, вы уже взялись за дело, — неуверенно произнес он.

— Верно. Почему бы вам не подъехать ко мне в офис. Я подожду.

— Нет. Я не хочу напороться на инквизиторов. Приезжайте сами.

— Я уверен, что инквизиторы и так знают, где вы, — спокойно возразил я. — Вы под колпаком.

— Нет. Не думаю. Мне кажется, я оторвался от хвоста. Я в баре отеля «Вистамонт».

— Ладно, — сказал я. — Ждите там, — и повесил трубку.

Я наклонился и втянул порошок ноздрей, завернул остаток сандвича в бумагу и кинул в мусорную корзину. Потом посмотрел последний раз на холмы в лучах заката, опустил жалюзи и спустился к машине.

ГЛАВА 7

У ближайшего киоска я притормозил и купил у старой козы-киоскерши вечерний выпуск «Окленд Фотогрэфик». Печатное слово уже давным-давно сдавало позиции, но полностью исчезло только год назад, когда его запретили. Вот такие дела. Я припарковал машину и просмотрел газету. Обычные фото без подписей, наглядно демонстрирующие деловую активность властей: президент, пожимающий руку верховному Инквизитору, конгрессмены, пожимающие руки делегациям избирателей, губернатор, пожимающий руку рекордсмену кармы этого месяца... Я поискал местную хронику и обнаружил несколько снимков номера, в котором убили Стенханта — силуэт, обведенный мелом на

ковре, красные пятна на постельном белье. Кроме этого, имелись фотографии инквизиторов, показывавших кровавые отпечатки ладони на шторе, и фотографии тела под белой простыней в момент погрузки в машину. Это напомнило мне стандартные фотографии лишившихся кармы в момент укладки в морозильную камеру хранения на неопределенный срок. На мой взгляд, разница не так уж и велика.

Последняя фотография показывала инквизитора Моргенлендера, обращавшегося к кому-то вне кадра. За его спиной, по обыкновению стиснув зубы, виднелся инквизитор Корнфельд. В общем, доблестные инквизиторы за работой на страже общественного порядка. Чертовски упрощенный взгляд: убийство не случается ни с того ни с сего — как, скажем, отрыжка. Убийство венчает цепочку взаимосвязанных событий, а последствия оного протягивают щупальца в будущее, так что обычными инквизиторскими методами не справиться. Я обдумал все это и усмехнулся своим мыслям. Убийство как распродажа. Убийство как учебное упражнение. Да что угодно, как то будет угодно нашей доблестной Инквизиции.

Я кинул газету на пассажирское сиденье и направил машину в холмы. Эшби-авеню была

в этот час тиха и живописна, и я еще раз перебрал в памяти события дня — вдруг придет свежая мысль. Мысль не приходила. Видимо, Приниматель уже растворился в крови и притупил эмоции. Возможно, мне стоило лучше послушать радио.

Отель «Вистамонт» был из дорогих — не чета той дыре, где Стенхант имел несчастье закончить свою жизнь. Случись здесь убийство, кровь с пола вытрут вместе с отпечатками пальцев, а труп перенесут в менее престижное место задолго до прихода инквизиторов. Как знать, может так было и со Стенхантом. Именно в таких местах, как «Вистамонт», останавливаются денежные мешки, которым хочется похвастаться, что они побывали в Окленде, но при этом не запачкать подошвы. Отель был огромен и похож на лабиринт, и в нем вполне хватало ресторанов и прочих заведений, чтобы у вас не возникало желания выглядывать в большой гадкий мир за стенами.

Я оставил машину на стоянке и вышел, зажав газету под мышкой. Я надеялся, что это поможет спровоцировать виновного на откровенность вне зависимости от того, видел он это раньше или нет. Одного вида этих фотографий хватит, чтобы выбить Энгьюина из колеи, а мне позарез необходимо признание.

3 Зак. № 644

Уж чем-чем, а избытком тактичности я никогда не отличался.

Я замешкался под оценивающим взглядом швейцара — пожилого негра, видимо, одного из последних на подобной работе. В наши дни этим занимаются по большей части обращенные животные, но «Вистамонт», судя по всему, гордился старыми дурацкими традициями, и негр являлся одной из них. Он одарил меня широкой улыбкой и распахнул дверь, а я приподнял шляпу.

В баре царил полумрак, из которого белыми льдинами выплывали столики. Последнее время в архитектуре интерьеров появилась мода создавать у человека иллюзию общения, оставляя его при этом на деле в уютном одиночестве, и бар «Вистамонта» мог служить эталоном подобного подхода. Я шагнул в темноту и начал оглядываться в поисках Энгьюина. Ничего не скажешь, он нашел-таки неплохое убежище. Я обнаружил его у дальней стены во вращающемся кресле за столиком, рассчитанным на двоих. Я уселся напротив, спиной к стене. Кресло было обтянуто бархатом, и я утонул в нем.

— Не очень-то вы спешили, — поднял глаза Энгьюин. Его лицо чуть заострилось, отвердело: он начал свыкаться с жестокой реальностью существования без спасительной

оболочки нескольких единиц кармы на магнитной полоске карточки.

— Вы пока не оплачиваете мое время, — заметил я.

— А вы предпочитаете деловые отношения, Меткалф? — фыркнул Энгьюин.

Он сунул руку в карман, вытащил конверт и бросил на стол между нами. Я взял конверт. Там лежало тысяча четыреста долларов.

— За сегодня и завтра, — сказал он, удостоверившись, что я сосчитал деньги.

— Сегодня за мой счет. Пусть это будет аванс за пятницу. — Я убрал купюры в бумажник и положил пустой конверт на стол. Адреса я в темноте прочитать все равно не мог, но иметь при себе что угодно, связывавшее меня с Энгьюином, было бы рискованно.

— Звучит оптимистично, — мрачно вздохнул он.

— Что именно?

— То, что вы надеетесь иметь работу еще и в пятницу.

— Если честно, мне не понятно, почему инквизиторы вас еще не заморозили. Впрочем, то, что мы с вами беседуем сейчас, уже внушает оптимизм. Моргенлендер раздражен: у него никак не выстраивается цельная картина, и это его бесит.

— Со мной он держался очень уверенно.

— Не будьте дураком, Энгьюин. Просто вы не привыкли иметь дело с инквизиторами. Моргенлендер — исполнитель. Это дело попало в прессу. На него оказывается давление, чтобы он закруглялся побыстрее, но он должен довести расследование до конца или по крайней мере помешать увести его в сторону.

— Не понимаю.

— Я тоже, но надеюсь понять. — Я махнул официантке, но привлечь ее внимание оказалось не легче, чем подавать знаки вертолету, сидя на дне лисьей норы. — Я узнаю, кто и почему убил Стенханта. И если это ваших рук дело, лучше заберите эти деньги обратно и потратьте их на порошок или на девочек, да побыстрее, поскольку покрывать вас я не намерен.

— Я невиновен.

Я шмякнул газетой об стол, но в темноте эффект получился явно не тот.

— Что они на вас имеют?

Последовало молчание. Я вглядывался Энгьюину в лицо, но оно ничего не выражало.

— Я ему угрожал, — выдавил он наконец. — У них есть мое письмо. Но они не так поняли...

— Моргенлендер назвал это шантажом. У вас было что-то против Стенханта?

— Сугубо личное дело. Моя сестра работала на него, и он сломал ей жизнь. Я хотел, чтобы он знал, как я к этому отношусь.

— Подробнее.

— У нее от него ребенок. То есть башкунчик. Это просто маленькое чудовище...

— Башкунчики — все чудовища, — сказал я, и тут до меня дошло. — Скажите, вашу сестру зовут Пэнси Гринлиф?

Похоже, это заставило Энгьюина отнестись ко мне с большим уважением. Он подался вперед так, что на его лицо упал свет.

— Да, — сказал он. — Вы, наверное, уже говорили с ней.

— Нет, но надо бы. Поговорю завтра, если смогу. Рассказывайте дальше.

— Теперь я уже не так уверен, — произнес он. — Мне кажется, он обрюхатил мою сестру и платит ей за молчание.

— Если судить по ее дому, не такая плохая сделка, — заметил я.

— Вы не понимаете. До моего отъезда из Лос-Анджелеса у нее была хоть какая-то своя жизнь. А теперь она скрытная. Боится сказать мне, в чем дело. Стенхант обращался с ней как с куклой какой-то.

— И вы решили оборвать нити, — предположил я, — или хотя бы подзаработать.

— Давайте, Меткалф, давайте! Можете издеваться и дальше. Весьма признателен.

— Сами хороши. Продолжайте, Энгьюин. Не очень-то приглядная получится история даже с тем немногим, что мне известно. Моргенлендер заподозрил в вас шантажиста, а доктор Тестафер показал инквизиторам ваше имя в книге записей на прием, и оно там встречается не раз. Так что вам от Стенханта далеко не уйти.

Он, как школьник, положил руки на стол перед собой.

— Сначала я его и в самом деле хотел убить. Я пошел к нему, я его обзывал, я угрожал, я пытался вызвать хоть какую-то реакцию, — его руки дернулись так, что я понял: это не пустые слова. — Но он и не пробовал защищаться. Он скрывал что-то, это точно, и чуть ли не силой заставил меня взять деньги.

— О'кей, потише. Так, значит, вы с ним пришли к своего рода компромиссу: обменяли ярость на кошелек.

— Еще он пытался запугать меня: говорил, что я впутался в это больше, чем думаю, и предлагал уйти. Он увидел, что я поубавил пыл, и предложил мне деньги, а я их взял. Для него это ерунда, а для меня — нет.

— Он просто ввел вас в семью. Как еще одну куклу.

— Идите к черту.

Я улыбнулся.

— Откуда вы такой взялись, Энгьюин? Где вы учились играть простачка? Да над вами грех не издеваться.

Вопросы — вообще неприятная штука, а этот к тому же звучал как оскорбление, поэтому я даже удивился, когда он уловил суть вопроса и ответил прямо. Хотя в его положении можно уже ничего не бояться.

— Я приехал сюда из Эл-Эй, — почти спокойно ответил он. — Я шесть лет прослужил в армии. Пытался дослужиться до звания, но мне надоели военные инквизиторы. Насколько я понял, все, что они хотят, — это чтобы кто-то чистил им сортиры. Вот я и уволился — с избытком кармы и без гроша в кармане. Тогда я и решил проведать сестру.

— Где вы остановились?

— Сначала у приятеля в Пало-Альто, потом на несколько дней у сестры — пока туда не въехала Челеста Стенхант. Теперь вот нигде. — Он повернул руку ладонью вверх, как бы демонстрируя это. — Моргенлендер дал мне понять, чтобы я и близко не подходил к дому на Кренберри-стрит. Я пару раз переночевал в ночлежке, но они пускают только с минимальным запасом кармы, так что теперь мне туда нет ходу.

Я начал проникаться к нему жалостью; впрочем, ничего удивительного. Со мной так всегда бывает, когда я сталкиваюсь с человеком в еще более отчаянном положении, чем я. В подобных ситуациях мои реакции не сложнее, чем у кобелей Павлова.

Где-то в глубине бара официантка посмотрела на свою схему и сообразила наконец, что мы здесь. Склонившись над столом, она спросила, что нам нужно. Я заказал стопку текилы и попросил принести зеркальце. Энгьюин только помотал головой, и официантка ушла.

Тут меня осенило.

— Ведь вы платите мне деньгами Стенханта, так?

Он помолчал немного, потом решился.

— Ага. Вы, наверно, теперь вернете их мне и снова предложите забыть все?

— Нет, — сказал я. — Просто мне это представляется забавным. Мы оба питались из одного источника, только теперь он иссяк. — Я похлопал по карману. — Это все?

— Почти.

Вернулась официантка. Она поставила на стол питье и положила рядом маленькое зеркальце неправильной формы и пластмассовую соломинку для нюханья с выгравированными на ней названием и телефоном отеля.

Я заплатил двадцатку и, расстегнув кошелек, вынул из него пакетик с зельем. Измельчая порошок ножиком, я поднял глаза и увидел, что Энгьюин наблюдает за мной.

— Вы не нюхаете?

— Нет.

— Армия отучила?

— Нет. Я и не начинал.

Я испытал еще один приступ жалости к пареньку, но это быстро прошло.

— Забавный из вас шантажист, Энгьюин. Стенхант злоупотреблял Забывателем, и еще как злоупотреблял. Так что идти к нему с угрозами, не зная, что он помнит на момент разговора, а чего не помнит, чертовски глупо. Вполне возможно, он даже не сообразил, кто такая ваша сестра.

Я нагнулся и нюхнул через пластмассовую трубочку, потом откинулся назад, давая зелью стечь по носоглотке. Нанюхавшись, я вытер зеркальце рукавом и спрятал фирменную соломинку в карман. Должно быть, Энгьюин все это время готовил речь, и, когда он заговорил, я с удивлением услышал следующее:

— Это изощренный вариант понятия «добрый фараон — злой фараон», — заявил он.

— Что-что?

— Вовсе вы не на меня работаете. Вы просто инквизиторская приманка. Вы следите за

мной и выпытываете у меня все. Вы играете на моем страхе перед ними, но разницы между вами нет. — Он хихикнул. — Это все просто игра. Они отобрали у меня карму, вы — деньги, вот игре и конец. Вам нравится казаться независимым циником, словно вы больше, чем шестеренка в механизме, но это только поза и ничего больше. — В его голосе проскальзывали истерические нотки, словно он пытался сам себя убедить. — Вы живете и работаете под их крылышком, иначе они бы вас прихлопнули.

— А вот и нет, Энгьюин. Все куда как сложнее.

— Угу. Это уж точно, — кивнул он. — Расскажите как.

У него был вид кролика, которого так напугали, что он разъярился.

— Во-первых, я ни за что не взялся бы за ваше дело, не верь я вам с самого начала. Инквизиторы всегда выбирают путь попроще, порой в ущерб истине — вот одна из причин, почему я ушел в частную практику. Вы правы, усматривая в моих отношениях с ними некоторый симбиоз, но уж разыграть «доброго фараона — злого фараона» они смогли бы и без моей помощи. Я сам долго думал, почему я ушел из Отдела, и это слишком сложно объяснить — уж во всяком случае, не сейчас.

Как я и предупреждал вас с самого начала, вы не покупаете себе нового лучшего друга. Да, я работаю на вас, но вы мне не начальник, поскольку я лучше знаю, как действовать. Если я огорчу вас — что ж, дверь морозильника открыта. Вступительный взнос вы уже заплатили. Я давно усвоил, что моя работа заключается в раскрытии тайн, которые люди хранят от самих себя так же крепко, как от других.

Я дал Энгьюину время переварить это, а сам отхлебнул из стакана и осмотрелся по сторонам. Глаза уже привыкли к полумраку, и мне даже почти удалось разглядеть клиентов за дальними столиками. Я был несколько удивлен, увидев обращенного кенгуру, одиноко сидевшего у окна со стаканом в лапе. Он смотрел в нашу сторону и, поймав мой взгляд, отвел глаза. Впрочем, слышать он нас все равно не мог, что я и отметил. Законы, ограничивавшие присутствие обращенных, повсеместно слабели, и консерваторам вроде меня приходилось с этим смириться.

— Я все обдумал, — сказал Энгьюин. — Меня заморозят.

Я отвлекся от кенгуру. Энгьюин снова превратился в кролика, но не разъяренного, а просто напуганного. Напуганного и до смерти уставшего.

— Что вы хотите этим сказать?

— Никуда мне не деться. Вы-то мне ничего не скажете, но я все обдумал, и это совершенно очевидно. Мне лучше приготовиться. Черт, я ничего про это и не знаю.

— Все очень просто, — сказал я. — Они хранят вас в морозильнике, и, если у вас есть хороший адвокат или высокопоставленные родственники, они будут присматривать за вами и рано или поздно разморозят. Насколько мне известно, это всегда делается так.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Единственное отличие между тюрьмой и морозильником то, что в тюрьме вы можете играть в карты, отмечать день рождения и вообще вести светский образ жизни, а в морозильнике — нет, что обходится дешевле и к тому же гораздо гигиеничней. Вы выходите таким же глупым и бедным, и ваша девушка уже давно нашла себе другого. Впрочем, у того, кто заказывает музыку, всегда имеются деньги и связи, чтобы скостить срок. У вас найдется кто-нибудь, кто может помочь?

— Сестра, — неуверенно произнес он. — Она может.

— Никого из Эл-Эй? Дружков по армии?

— Да нет...

— На вашем месте я бы не слишком рассчитывал на сестру, — возразил я. — Она растит ребенка от человека, которого предположительно убили вы. Когда вы с ней говорили в последний раз?

— Ни разу с тех пор, как я ушел оттуда. С момента появления Челесты.

— Я попробую поговорить с ней о вас, — предложил я. — Как ей поступать, если они заберут вашу карточку.

— Ага, — вяло кивнул он. — Это было бы хорошо.

Пару минут мы посидели молча. Я допил текилу и поднял стакан слизнуть те капли, до которых мог дотянуться языком. Я покосился на кенгуру, и тот снова поспешно отвел глаза.

— Вот ключи от моего офиса, — сказал я наконец. — Можете переночевать сегодня там, а утром оставите их дантисту. Не лазьте по ящикам и не отвечайте на телефонные звонки.

— Ладно, — удивленно ответил он. — Спасибо.

— Нет проблем. — Я надел шляпу. — Я пойду. У меня дома автоответчик. Звоните.

— Ладно.

— Когда я выйду, оглянитесь по сторонам и посмотрите, не выйдет ли кто-нибудь следом за мной. Ничего не делайте, просто запомните.

Я выбрался из своего бездонного кресла и на негнущихся ногах подошел к стойке, стараясь не оглядываться. Я положил на стойку еще двадцатку.

— Принесите моему другу выпить.

Девица кивнула и покосилась на стол. Я сунул руки в карманы и вышел из бара. Свет в вестибюле чуть не ослепил меня, зато дышалось здесь свободнее. Я небрежно кивнул портье и вышел.

С минуту я посидел в машине, чтобы понять дрожь в коленках. Я чувствовал себя неважно, хотя теперь мое время оплачивалось — парнем, у которого своего времени почти не осталось. Внутренний голос советовал мне поехать домой и принять еще понюшку, но другой внутренний голос резонно возражал, что, возможно, самое время поработать ногами. Я вздохнул и на этот раз решил послушаться второго голоса.

Поэтому я поехал посмотреть на место преступления. Убийство произошло ночью, и при правильном подходе мне может и удастся поговорить с парнем, обнаружившим тело. Если мне и везет когда с гостиничным персоналом, так только с ночной сменой, уж не знаю почему. Какие-то особые нити связывают меня с ночной сменой.

Плохо, если инквизиция еще не сняла оцепление, но даже в этом случае, может, мне повезет и все-таки удастся выведать хоть какие-то крохи информации.

Расплачиваться за них придется утром — головной болью. Что ж, вполне достойная плата.

ГЛАВА 8

Отели «Вистамонт» и «Бэйвью Эдьюлт Мотор Инн» разделяет долгий путь вниз по спирали кармы, но если уж Стенхант и его убийца его одолели, то одолею и я. Я загнал машину на стоянку и без труда нашел свободное место: там стояло всего с полдюжины машин, все с калифорнийскими номерами. «Бэйвью» служил местом отдыха для тех, кто хотел отдохнуть от мужа или жены. На стоянке здесь не увидишь машины из другого штата, поскольку там у них — собственные места отдыха вроде «Бэйвью». Вообще-то отсюда открывался неплохой вид на залив, хотя сомнительно, что кто-нибудь обращал на это внимание.

Я вылез из машины и замер: где-то сзади урчал мотоцикл или мотороллер. Повернувшись, я успел заметить мотоцикл, сворачивающий за угол. По дороге я видел несколько раз в зеркале одинокую фару, и по шее побежали знакомые мурашки: хвост! Тем не менее я вовсе не собирался впадать в панику. Слежка все равно что прыщ: вылезет в свое время. Можно, конечно, пытаться ускорить процесс, но лучше от этого не станет.

Я подошел к офису и заглянул в окно. В вестибюле одиноко сидел дежурный администратор, да еще где-то в задних комнатах негромко играло радио. Я вошел, постаравшись не вытирать ноги о то, что, видимо, изображало коврик у входа. Это могло бы нанести моим ботинкам серьезный ущерб. Чище, во всяком случае, они от этого не станут.

Отель был занюханный. Слово «занюханный», пожалуй, характеризовало его точнее всего. Новая, но безвкусно подобранная мебель. Стены, которым не помешала бы свежая покраска. Даже музыка, доносившаяся из задних комнат, казалась покрытой толстым слоем пыли. Портье оторвался от того, что читал или смотрел, и одарил меня угрюмым взглядом — точно такой же взгляд я вот уже сорок три года вижу по утрам в зеркале. На

вид ему около пятидесяти, комплекция — вроде столбика сигаретного пепла, а волосы явно проигрывали битву с лысиной за обладание поверхностью головы. Я закрыл за собой дверь, и колокольчик у стойки тихонько звякнул, объявив о моем прибытии.

Портье снова опустил глаза: журнал явно имел для него первостепенное значение. Я поздоровался.

— Покажите сначала вашу девицу, — заявил он. — С животными нельзя. Если у вас животное, поищите себе другое место.

— Я один, — сказал я. — Я инквизитор и веду расследование. Мне хотелось бы задать вам пару вопросов.

Он даже не поднял головы.

— Гоните лицензию.

Я вытащил фотостат, и он почти посмотрел на него. Подождав минуту, я убрал лицензию обратно.

— Частник, — буркнул он себе под нос. — Не пойдет. Обратитесь к менеджеру завтра утром. — Он вяло махнул рукой.

Я отошел от стойки и попытался заглянуть в заднюю комнату. Портье сделал вид, что меня здесь нет. Если не считать радио, там было тихо. Насколько я мог судить, мы здесь одни. Судя по доске с ключами, почти все но-

мера свободны. В конце концов я решил, что могу немного пошуметь, не привлекая лишнего внимания.

— О'кей, — сказал я, протягивая руку к ключам. — Я, пожалуй, пойду огляжусь.

Он закрыл свой журнал и отодвинул его в сторону, потом поднял глаза. Я снова встретил его взгляд и понял, почему он столь упорно не желал на меня смотреть. Мотель был деревня деревней, и портье тоже. Но не его глаза. Глаза были высшей лиги, только что не из Зала Славы. Этим глазам уже доводилось умирать, и не один раз, и все же они продолжали жить. Та часть меня, которая хотела пошуметь, почему-то передумала. Не то, чтобы я сомневался, что одолею его. Я сделал бы его одной левой, и все же что-то в этих глазах говорило мне, что этого делать не стоит.

— Ладно, — спокойно произнес он. — Шутки в сторону. Не на такого напали.

— Я хочу поговорить именно с вами.

— А я именно с вами не хочу говорить. — Он не повышал голоса, но пальцы нервно барабанили по стойке.

Я выудил еще одну купюру из пачки Энгьюина, подержал ее так, чтобы он разглядел, что это сотня, и порвал ее пополам. Одну по-

ловину я убрал в карман, вторую кинул на стойку перед ним. Он не пошевелился.

— Вторую половину — за экскурсию по номеру, в котором произошло убийство, — сказал я.

Портье улыбнулся, и нехороший огонек в его глазах погас.

— Как скажете.

Половинка купюры исчезла в ящике стола, ящик был заперт на ключ, а ключ убран в карман его брюк. Он встал из-за стойки, подвигал головой так, словно у него затекла шея, и снял со стены связку ключей.

Я протянул ему руку и представился. Он удивленно посмотрел на меня и руку не принял, но произнес: «Шенд». Я решил, что его так зовут, хотя по тому, как он сказал, это могло быть и просто кашлем.

— Вы дежурили в ту ночь? — спросил я, пропуская его вперед.

— Пожалуй, так, — бросил он через плечо.

Он проводил меня в тот самый номер. Я сразу узнал по фотографиям. Собственно, этот номер ничем не отличался от любого другого: большой видеомонитор на стене и камера, хищным стервятником нависшая над кроватью. Порванную штору уже заменили, но на столике у кровати сохранилась отметина там, откуда соскребали кровь.

— Убийство снималось на пленку? — поинтересовался я.

— Чушь. — Шенд задумчиво поковырял в носу. — Не думаю, чтобы они были здесь из-за нее.

— Кто?

— Мистер Стенхант и тот, кто убил его. — Шенд явно не отличался склонностью к философствованию.

— Вы его видели?

— Я видел мистера Стенханта.

— Он регистрировался один?

— Стенхант останавливался здесь несколько раз за последние две недели и всегда регистрировался один. Мне плевать, с кем он там развлекался. Он платил по счету.

— Да, он имел привычку платить по счету — возможно, это его и сгубило. Вы ни разу не видели его с кем-нибудь?

— Я же сказал: нет. — Шенд оставался у двери, всем своим видом намекая на то, что ему не терпится вернуться к журналу.

Я присел на край кровати.

— Вы первый нашли тело?

— Ага. Дверь была открыта. Я только посмотрел и пошел звонить в Отдел. Внутрь не заходил.

— Оружия не было?

— Не мое дело смотреть. Если инквизиторы и нашли чего, мне не докладывали.

Я кивнул. Шенд все смотрел на меня глазами, повидавшими уже столько всякого, что остальное видеть явно не стоит.

— Давно здесь работаете? — спросил я.

— Смотря как считать. В местах вроде этого давно, только меняю их часто.

— Мне показалось, что вы не отличаетесь любопытством.

Это ему понравилось.

— Все очень просто. — Порывшись в кармане, он вынул маленький флакончик. На моих глазах он отвинтил пробку, сунул внутрь палец и вытащил горстку белого порошка. Потом зажал пальцем одну ноздрю, втянул порошок другой, завинтил пробку и убрал флакон в карман. Я представил себе, как порошок — что бы это ни было, скорее всего Приниматель или Избегатель — заполняет пустоту в его кошмарных глазах.

Шум мотора на стоянке заставил нас переглянуться. Он повернулся ко мне спиной.

— На мой взгляд, довольно...

— Дайте мне побыть здесь еще пару минут, — попросил я.

Он пронзил меня очередным вынимающим душу взглядом, потом пожал плечами. Меня оценили и решили не связываться.

— Я вернусь запереть, — буркнул портье и побрел в сторону офиса.

Я не собирался специально искать что-нибудь в номере. Мне просто хотелось немного побыть тут и попробовать увидеть все глазами Стенханта. Что и говорить, уютом номер не отличался. Я представил себе, как Стенхант смотрит по сторонам так же, как смотрел на меня, — свысока. Все, что Мейнард Стенхант делал или говорил, отрицало и этот номер, и ту жизнь, которая текла здесь. Но привело же его сюда что-то, и приводило не раз. Что-то заставляло его изменять своим ценностям и проводить в этом номере часть своей жизни, а в конце концов найти здесь свою смерть.

Вот мне и работа: выяснить, что это было. Скорее всего, когда я найду ответ, он окажется очень простым. Впрочем, пока я не нашел ни единой зацепки.

Шаги в коридоре прервали мои размышления. Я оглянулся, ожидая Шенда, только это оказался не Шенд. В дверях стоял тот обращенный кенгуру, которого я видел в баре «Вистамонта». На нем была брезентовая куртка и пластиковые штаны, туго затянутые эластичным поясом, передние лапы он держал в карманах. Кенгуру шагнул в номер. Я встал.

— Глубоко копаешь, тупица, — произнес он. Говорил он монотонно, но слегка визгливо, пытаясь произвести устрашающее впечатление.

— Сам вижу, — ответил я.

— Надеюсь. Это ведь в твоих интересах. Мне не хотелось бы отрывать тебе яйца.

— Мне тоже, Джой. — Я попробовал выйти, но он заступил мне дорогу, и мы столкнулись плечами.

— Не так быстро, тупица. Надо поговорить. Пошли-ка в твою машину.

Я смолчал. Кенгуру сунул лапу в карман и вынул маленький черный пистолет. Он держал его небрежно, как держат шоколадку или кусок мыла. Правда, от этого пистолета вряд ли кто-то стал бы чище.

Он неуклюже забрался на правое сиденье. Я захлопнул свою дверцу, и плафон на потолке погас. Теперь я не видел пистолета в его лапе, но знал, что тот никуда не делся.

— Слушай, и слушай внимательно, — сказал кенгуру. Его голос срывался, и мне пришло в голову, что он оттачивал манеры крутого парня на младшем братишке. Если, конечно, оттачивал. Я неважно разбираюсь в возрасте кенгуру — в тех случаях когда не удается взглянуть на их зубы, конечно, но

было совершенно очевидно, что уши у Джоя слегка взмокли.

— Ты кое-кого огорчаешь, — продолжал он. — Ты и не представляешь, как плохо это может отразиться на твоем здоровье. Энгьюин — не лучшая компания. Тебе лучше бы пореже с ним видеться. Брось это дело и езжай домой. Может статься, мы подкинем тебе какое-нибудь бракоразводное дельце.

— Кто это «мы»?

— Не задавай мне вопросов, тупица. Я здесь не для того, чтобы отвечать на твои дурацкие расспросы.

— Не разыгрывай из себя человека, Джой. У меня такие же права, как и у любого другого по отношению к кенгуру. Кто тебя послал?

Чтобы я не забывал про пистолет, он ткнул мне им в живот. Как многие обращенные, этот кенгуру совершенно не думал о конспирации.

— Я работаю на Фонеблюма, если тебе это что-нибудь говорит.

Я попробовал сблефовать.

— На Денни Фонеблюма?

Он пересчитал мне ребра стволом.

— Верно. Хотя тебе стоит пожалеть о том, что ты вообще слышал это имя. Денни тошнит от тебя даже на расстоянии, и мне тебя

жаль, если ему случится познакомиться с тобой поближе.

Должно быть, его возня с пистолетом вытолкнула ручку-антиграв из моего кармана, так как она выплыла на волю и зависла между нами. Кенгуру с секунду озадаченно смотрел на нее, потом протянул лапу и толкнул ручку вниз, к ногам.

— Значит, вы с Денни большие приятели?

— Ага. — Он поерзал в кресле, поудобнее устраивая свой хвост. Ствол пистолета тем не менее по-прежнему давил мне на солнечное сплетение. Должно быть, такая поза была ему неудобна.

— Можешь передать ему кое-что?

— Ага.

— Попроси, чтобы в следующий раз, когда он захочет поговорить со мной, он не посылал для этого сумчатых.

Кенгуру отвел пистолет от моего живота, но в темноте я не видел, что он с ним делает. Потом он вмазал мне пистолетом по лицу. И надо сказать довольно сильно — я стукнулся затылком о подголовник и почувствовал на губах соленый вкус крови, хотя действие порошка несколько смягчило боль.

Стало неестественно тихо. Возможно, произведенный эффект поразил его самого. Насилие — это не веселая игра вроде пинг-

понга: отдаешь и получаешь обратно; насилие подводит черту под всем предшествующим, и можно только горько сожалеть о том, что не остался утром в постели или под ней.

— О'кей, — сказал я, перекатывая во рту слюну пополам с кровью, — ты крутой парень.

— Думаешь, что сможешь одолеть это дело, тупица? Ошибаешься. Не на этот раз. Не лезь куда не надо.

Я сжал руль, чтобы не поддаться соблазну и не удушить его.

— Послание получил. Уматывай, Кэссиди.

Он открыл дверцу, и плафон на потолке снова загорелся. Его кенгуриный рот скривился в недоброй усмешке, блестящий черный нос дернулся.

— Ты угадал с первого раза, тупица. Меня зовут Джой Кастл.

— Буду иметь в виду.

Не опуская пистолета, он выбрался из машины, хлопнул дверцей и исчез в темноте. Я достал ключи, завел мотор и хотел было пуститься в погоню, но понял, что чувствую себя слишком паршиво, чтобы вести машину.

Так я и сидел в машине с работающим двигателем и выключенными фарами. Я не стал вытирать рот: не хотелось пачкать руки. Сзади послышался шум мотора. Я оглянулся

и увидел красный отсвет катафотов выезжающего со стоянки мотороллера.

Я просидел еще десять или двадцать минут в самом препоганом настроении. Потом нащупал в кармане половинку сотенной бумажки, но не смог заставить себя вылезти из машины и идти к Шенду.

Я размышлял о кенгуру: ну и панк. Настолько зелен, что выболтал мне свое и фонеблюмово имена и не отрицал связи между ними. Да, за пистолет во рту стоило отплатить.

Впрочем, довольно. Я тронул машину и поехал обратно по петляющему над заливом шоссе. Так дольше ехать, но было в воде и ночи что-то такое, на что мне хотелось полюбоваться.

ГЛАВА 9

Свой будильник я завожу только тогда, когда веду расследование. Этим утром мне как раз снился замечательный сон: нормальный, генитально реориентированный секс с абстрактной идеализированной блондинкой — никакого сходства с Челестой Стенхант, — и тут сработал будильник, резко сменив тему сна. Мне привиделось стадо картонных овец, прыгавших через картонную изгородь на черно-белом фоне. Последняя овечка зацепила изгородь задними ногами и полетела кувырком, оставляя за собой шлейф блеяния и щепок. Из облаков высунулась огромная рука, подняла овцу, отряхнула ее и подтолкнула поближе к стаду. Рука повернулась

так, чтобы я мог разглядеть циферблат на запястье, и циферблат начал расти, а тиканье становилось все громче и громче, пока я окончательно не проснулся.

Я уселся за кофе с карандашом и блокнотом и попытался продумать свои следующие шаги, но кофе больно обжег разбитые десны, так что в конце концов мне пришлось сконцентрироваться на том, как пить одной стороной рта. Закончив сражение со второй чашкой кофе, я вернулся к блокноту и написал имя: ДЕННИ ФОНЕБЛЮМ. Просто так, чтобы было перед глазами. Пониже я написал в столбик: ПЭНСИ ГРИНЛИФ, ГРОВЕР ТЕСТАФЕР и ЧЕЛЕСТА СТЕНХАНТ. Нарисовав на листке еще несколько кружков и треугольников, я оторвал листок, скомкал и бросил в мусорную корзину.

Позавтракав, я позвонил в справочную и узнал телефон и адрес Тестафера. Еще я попытался узнать телефон дома на Кренберри-стрит, сообщить который мне отказались даже после того, как я продиктовал номер своей лицензии. То ли мне ограничили доступ, то ли покой Челесты Стенхант оценивался выше.

Так или иначе, но, чтобы перекинуться словом с Челестой — или с Пэнси Гринлиф, —

придется ехать туда самому. А мне очень даже нужно было перекинуться словом... черт, даже целой охапкой слов. Впрочем, еще не вечер. Времени сколько угодно. Для начала я решил смотаться в холмы Эль-Соррито проведать доктора Тестафера, тем более что я пребывал в подходящем настроении для прогулки по живописной местности.

Доктор проживал на Деймонт-корт — шоссе, открытом для общественного движения, но все равно пустом. Дорога привела меня к воротам. Почтовый ящик слева гласил «ТЕСТАФЕР». Я остановил машину на обочине и пошел дальше пешком, старательно скрипя ботинками по гравию, чтобы меня не заподозрили в тайном вторжении.

Дом был типично американской имитацией типично французского коттеджа с алюминиевыми ставнями на окнах и тарелкой спутникового телевидения на коньке низкой крыши. Машины перед домом не было видно, но я поднялся на крыльцо и позвонил.

— Доктора Тестафера сейчас нет дома, — послышался блеющий женский голос из невидимого интеркома.

— Меня зовут Конрад Меткалф, — произнес я без всякой уверенности в том, что меня слышат. — Я частный инквизитор. Мне хоте-

лось бы поговорить с вами, — кем бы вы ни были, добавил я про себя.

Последовало молчание. Я внимательно осмотрел дверь, но интеркома так и не нашел.

— Я... я сейчас, — произнес голос.

Я ждал на крыльце, но голос доносился откуда-то справа. Я повернулся и увидел маленькую дверь, отворившуюся в стене низенькой пристройки. Голос, как выяснилось, принадлежал черноухой овечке в шлепанцах и халате. Она стояла в дверях, придерживая копытом пояс халата и подслеповато щурясь.

Я подошел к дверце.

— Меня зовут Конрад Меткалф, — повторил я. Ростом овечка едва доставала мне до груди, и я сошел на ступеньку вниз, чтобы не слишком возвышаться над ней.

— Меня зовут Дульчи. — Розовая кожица между верхней губой и черным носиком при разговоре трепетала. — Пожалуйста... заходите.

Я кивнул.

— Тут немного низко, — предупредила она. — У меня нет ключей от главного входа.

Она повернулась и протопала в дом, оставив дверь открытой. Я не спешил заходить.

В длину и ширину помещение не отличалось от любого другого, зато было почти

вдвое ниже. Я постоял, согнувшись, в дверях, пока глаза не привыкли к полумраку, потом добрался до диванчика у дальней стены и уселся там. При желании я мог бы сейчас дотянуться до потолка рукой. Тестафер перестроил для овцы или кого-то еще такого же роста целое крыло дома. В цветовой гамме преобладали детские розовые и голубые тона, и почти все, кроме дверных ручек и выключателей, было обито плюшем. Плотные занавески не пропускали солнечный свет — комната освещалась двумя большими торшерами, которым пришлось сильно наклониться, чтобы влезть сюда. Я испытывал к ним симпатию: как и я, они казались пришельцами из реальной жизни в кукольном доме.

Овечка нервно протанцевала по комнате, потом немного успокоилась и уселась в удобное кресло напротив меня. Я наклонился вперед, опершись на колени.

— Доктор Тестафер говорил вам, что случилось с доктором Стенхантом?

— Д-да, — ответила овца. — Он был очень расстроен.

— Мы все расстроены, — сказал я. — Особенно мой клиент. Он стоит одной ногой в морозилке, и лично мне не верится, что доктора убил именно он. Вы хорошо знали Стенханта?

4 Зак. № 644

Овечка вздрогнула, хотя это могло ничего и не означать. Я не Айболит.

— Я видела его однажды, — проблеяла она.

— Он заходил сюда?

— Да.

— Вы выходите в город, Дульчи?

Она пожевала губами.

— Не очень часто.

— Здесь, должно быть, совсем одиноко, — предположил я.

— Я не имею претензий к Гроверу, если вы это хотели сказать. Я вполне счастлива здесь. Будь по-другому, я бы ушла.

— Конечно. Говорит ли вам что-нибудь имя Денни Фонеблюм? Доктор Тестафер не захотел обсуждать эту тему, и я подумал: а вы его случайно не знаете?

— Боюсь, что нет.

— Это уже любопытно, — заметил я. — Именно так отреагировал доктор Тестафер. Стоит только упомянуть Фонеблюма, и все как один боятся, что его не знают. Чего боитесь вы, Дульчи?

Ее глаза расширились, и из горла вырвался странный звук, этакое сдавленное блеяние.

— Я... мне не следовало говорить с вами. Гровер будет сердиться.

— Вам не приходилось видеть этакого крутого кенгуру по имени Джой Кастл? Он

работает на Фонеблюма, по крайней мере работал вчера.

— Нет, — это она произнесла твердо. Похоже, она была счастлива хоть раз ответить правду.

— Ладно. Давайте-ка зайдем с другой стороны. Тестафер беспокоился насчет пропажи бумаг из офиса. Вы можете сказать что-нибудь об этом?

— Ничего. — Она скинула шлепанец с левого копыта и с неестественной сосредоточенностью почесала бок, словно ее кусала блоха.

— О'кей, — сказал я. — Вы боитесь кого-то и не хотите говорить правду. Отлично. Я терпеливый человек, хотите верьте, хотите нет. Эта цепочка крепка, но не все ее звенья подогнаны друг к другу так, как вы с Тестафером. Так что мы обнаружим, что же скрывается за всем этим. — Я поздравил себя с удачным сравнением и прикинул, что сделать дальше. Я и наполовину не был уверен в том, что говорил, да и терпения мне на самом деле не хватает. Еще как не хватает.

— На Гровера оказывают давление, — неожиданно сказала овца. — Вы же понимаете, это не его вина. Ведь Денни Фонеблюм...

— Довольно! — послышался голос от двери.

Это, конечно, был Гровер Тестафер собственной персоной, и в руке он держал пистолет, нацеленный на меня. Электронный пистолет, стреляющий дротиками, и держал он его так, что вполне мог знать, как с ним управляться.

— Привет, доктор, — сказал я.

Овца молча тряслась в своем кресле.

Тестафер шагнул в комнату и захлопнул за собой дверь. Судя по всему, ему отлично удавалось перемещаться по апартаментам Дульчи на полусогнутых ногах. Доктор проковылял на середину и остановился под сгорбленным торшером. При таком освещении его лицо стало театрально-дьявольским.

— Встать! — скомандовал он.

— О'кей, — нехотя кивнул я.

— Вон!

Я улыбнулся Дульчи и, согнувшись, пробрался к выходу.

— Проваливай! — Он обернулся к овце: — Ты останешься, — голос его срывался.

Я взялся за дверную ручку.

— Одна загвоздочка, Гровер. Шли бы вы первым...

— Заткнись.

Ну что ж, я честно пытался предупредить его. Я открыл дверь, сделал шаг влево и прижался к стене.

— Черт! — выругался Тестафер.

Я смолчал. Ему пришлось сложиться пополам, чтобы пролезть через низкую дверь, и, как только пистолет высунулся на улицу, я ударил его так сильно, как только мог — то есть достаточно сильно. Потом я развернулся и отвесил ему правой снизу, чуть не сломав руку о челюсть. Жирная туша осела в дверях, но я ухватил его за шиворот прежде, чем он упал внутрь. Я прислонил Тестафера к стенке и потянулся за пистолетом, но моя правая рука никак не могла дотянуться до него, так что я просто отшвырнул его ногой на несколько футов. Пистолет упал и потерялся в густой траве.

Тестафер так и сидел, привалившись к стене, а я держал его за шиворот. На его лице отчетливо читались все пятьдесят лет жизни в страхе. Изо рта капала слюна. Мне его даже жалко стало, ей-богу.

— Зайдем-ка внутрь и побеседуем, — предложил я, хотя голос мой был едва слышен.

Он молча кивнул и побрел, шатаясь, к главному входу. Насколько я мог судить, Дульчи старательно выполняла приказ: из пристройки не доносилось ни шороха.

Покои Тестафера отличались несколько большим вкусом и значительно большими размерами. Гостиная была светлой и про-

сторной, во всяком случае так казалось после апартаментов Дульчи. Одну стену целиком занимали полки со старыми журналами в ярких пластиковых обложках. В открытую дверь виднелась кухня, облицованная бело-голубой плиткой, а за ней — заднее крыльцо. Тестафер прошел на кухню и прополоскал рот над раковиной, поболтав воду во рту, словно дегустатор вино редкого урожая. Когда он сплюнул, я не заметил крови, но моя рука до сих пор здорово болела, хотя крови на ней я тоже не заметил.

Приведя себя в порядок, доктор вернулся в комнату и стал передо мной. За это время самообладание к нему вернулось.

— Садитесь, — предложил он, и я сел.

Стол между нами — срез древесного ствола, отполированный до зеркального блеска. На столе ничего, кроме маленькой серебряной шкатулки, и я не особенно удивился, когда он открыл шкатулку и высыпал на стол горстку порошка.

— Вы очень настойчивы, мистер Меткалф, — сказал он, и я почти увидел, как его язык шарит по зубам и деснам, оценивая ущерб.

Я решил перейти прямо к делу. Мне осточертело прощупывать людей с нулевым результатом.

— Мне надо поговорить с Фонеблюмом. — Я постарался, чтобы это прозвучало должным образом.

— Надеюсь, что смогу вам в этом помочь, — осторожно ответил он. — Вы действуете не так, как люди из Отдела.

— Стараюсь.

— Я должен предупредить вас, что вы превышаете свои полномочия.

— Одно из преимуществ моей работы заключается в том, что я сам устанавливаю пределы своих полномочий, — сказал я. — Кто такой этот Фонеблюм, что ему так подчиняются?

Тестафер наклонился и начал измельчать порошок ножичком с рукояткой слоновой кости. Он глянул на меня из-под бровей и снова уставился на порошок, рассыпанный по блестящей поверхности. Солнце светило прямо на стол, и, пока Тестафер стучал ножичком, в солнечных лучах парили облачка белой пыли.

— Почти всю свою сознательную жизнь я провел в поисках ответа на этот вопрос, — ответил он, махнув рукой. — Мне неуютно в городе. Я не люблю людей. Я люблю готовить и слушать музыку. — Он убрал нож в шкатулку. — Мы живем в мире компромиссов. В иде-

альном мире Денни Фонеблюму не нашлось бы места.

Я кивнул, чтобы поддержать разговор.

— Нас познакомил Мейнард, и мне известно только то, что их отношения были необходимы Мейнарду, хотя не знаю почему. Видите ли, он обыкновенный грязный гангстер. Но он имеет долю в делах Мейнарда, и я обнаружил это слишком поздно.

— А в ваших делах?

— Нет, нет. — Тестафер еще раз осторожно подвигал челюстью. — Фонеблюм умеет манипулировать событиями и кармой в своих интересах. Он мог бы испортить мне жизнь, но не делал этого. Но доли в моих делах у него нет. Ни кусочка. — Он достал из шкатулки трубочку и склонился над столом.

— Вы назвали его гангстером — чем он занимается?

Тестафер перестал нюхать, но разгибаться не стал.

— Я не знаю.

— А кто знает?

Тестафер выпрямился и рассчитанными, аккуратными движениями врача поправил рукава. Его лицо оставалось красным, но в целом вид уже был значительно лучше.

— Наверное, сам Фонеблюм.

— Не знаю, не знаю. У меня сложилось впечатление, что еще минута — и ваша овца все бы мне рассказала. Если вы не знаете, почему бы вам не пойти и не спросить у нее?

Говорить об овце ему явно не хотелось. Его пальцы с такой силой вцепились в колени, что костяшки побелели — точно так же, как в офисе при нашей первой встрече.

— Дульчи редко разговаривает с незнакомцами, — с усилием произнес он. — Она очень... впечатлительна. — Он посмотрел на меня в упор и резко встал, словно его дернули за веревочку. — Вы еще молоды, — сказал он.

— Старше, чем кажусь, — фраза была заимствованная, но я повторял ее так часто, что считал почти своей.

— Вы не помните, как все было до Инквизиции.

— Нет, — согласился я.

Он подошел к полкам и взял один из старых журналов.

— Это телепрограмма, — сказал он. — У них было столько программ, что требовался справочник, чтобы выбрать, какую смотреть.

— Должно быть, держать такой журнал запрещено законом, — предположил я.

— Мне плевать. Я их собираю. Это мое хобби. Вот, гляньте. — Он протянул мне жур-

нал, обернутый прозрачным пластиком. На обложке красовалась фотография циркачей — жонглеров или иллюзионистов, не знаю точно — и название их шоу. — Так что абстрактное телевидение — вовсе не шаг вперед, — продолжал он. — Ушло нечто, что было в порядке вещей. Целиком исчезнувшая форма искусства.

На меня это особого впечатления не произвело.

— Глядя на эти журналы, вы только вспоминаете то, что известно многим, даже если им этого и не полагалось бы знать. И телевидение здесь ни при чем. Пропало совсем другое: то, что объединяло разных людей. И для меня это не новость. Программы, о которых вы говорите, — всего лишь отражение этого.

— Вы не понимаете. Я говорю об утраченной форме искусства...

— Я никогда не видел древнего телевидения, — сказал я. — Но уверен, оно тогда мало отличалось от нынешнего. Искусство отражает культуру. Абстрактная дребедень сегодня просто показывает, насколько все паршиво. Вам кажется, что вы тоскуете по каким-то допотопным программам, а на самом деле вам не хватает простых человеческих отношений — того, чего сейчас больше нет. — Фразу я придумал только что, и она удалась.

Он забрал у меня журнал.

— Вы чувствовали бы себя иначе, если бы застали то время.

— Возможно. Послушайте, доктор, не то чтобы все это не интересовало меня, но я пришел сюда поговорить о Фонеблюме. Мне необходимо повидаться с ним.

Он осторожно поставил журнал на место и повернулся ко мне с загадочной улыбкой.

— Я понимаю, что вам это необходимо, — сказал он. — Хотя и не советую. Так или иначе, у меня нет возможности связать вас с ним. Фонеблюм появляется и исчезает, когда сам сочтет нужным.

— Вы знаете настолько больше, чем говорите, что это лезет из ушей, доктор. Что вас так пугает?

Его улыбка испарилась.

— Вы не понимаете. Если вы посмотрите на себя моими глазами, то увидите: вы с Денни Фонеблюмом одного поля ягоды. Помните это, когда встретитесь. Вы оба опасны, темпераментны, обожаете вламываться и требовать что-то от людей, которые с удовольствием не имели бы с вами дела. Вы оба навязываете другим свои убийственные нормы.

Единственная разница между вами — это то, что Денни более последователен в своем зле — он не рядится в тогу защитника общества — и к тому же опаснее вас. И если вас интересует мое мнение, я бы ставил на него.

— Ага, конечно. — Я встал и собрался уходить. — Вы надеетесь подняться на уровень выше. Наверное, этого требует ваша натура. Только на сей раз вам стоило бы соорудить ковчег: похоже, собирается дождик.

— Интересная теория.

— Конечно, интересная.

Я пошел к двери. Он остался стоять. Мне показалось, я мог бы найти у них с овцой уязвимое место, но в голову ничего не шло. Я отворил дверь и вышел на улицу. На улице был день.

Я обернулся.

— До встречи, Гровер.

— Как вам угодно.

Я закрыл дверь, а его идиотская улыбка все стояла у меня перед глазами. Прежде чем направиться к машине, я пошарил в траве, подобрал электронный пистолет, поставил его на предохранитель и сунул во внутренний карман пиджака.

Маленькая дверь в комнаты Дульчи была заперта, но в щель под ней пробивался свет.

Услышав, что я завел мотор, Тестафер скорее всего пойдет к овце, и я некоторое время думал, что они скажут друг другу. Займутся любовью? Он побьет ее? Интересно, он сильно ее бьет?

Иногда лучше не задавать себе вопросы. Никак не могу избавиться от этой привычки.

ГЛАВА 10

Иногда по утрам мне кажется, что за ночь из меня выветрилось все зелье и что мне оно больше не нужно и не будет нужно никогда, и тут до меня доходит, что оно действительно выветрилось, и я начинаю лихорадочно шарить по полкам в поисках еще одного пакета и соломинки. Так вот, к концу беседы с Тестафером остаток Принимателя, должно быть, бесследно распался в моей крови, а когда я добрался до машины, мне отчаянно не хватало понюшки-другой.

Я вывернул карманы в надежде найти хоть что-нибудь — перебиться до возвращения домой. Фигу. Потом я вспомнил, что мне вроде бы попадались в бардачке два початых пакета. День выдался на славу, а дальше за

подъездной аллеей начиналась просека, которая, похоже, вела куда-то в лес. Дома Тестафера из машины не было видно, и единственными звуками здесь были птичий щебет и шелест ветра в листве над головой. Я сидел, не закрывая дверцы. Потом вывалил все содержимое бардачка прямо на колени.

В конце концов я нашел-таки старый пакет, сохранившийся с тех пор, когда я не добился еще идеальных пропорций зелья и экспериментировал с составом. Порошок ссохся в шарик на дне пакета, и я раскрошил его пальцами. Скорее всего я не задумывался о возможных последствиях, поскольку щепотку за щепоткой затолкал его в свой задранный нос, а когда посмотрел на пакет в руках, тот был уже пуст.

Я выкинул его из машины и захлопнул дверцу. Пока я ждал реакции организма на зелье, меня неожиданно пронзила боль в руке, которой я двинул Тестафера. Ощущение уединенности прошло, и, когда я поворачивал ключ в замке зажигания, зелье ударило в кровь.

Меня даже позабавила разница между этим порошком и моим обычным составом. Не то чтобы я помнил, какое именно действие оказывает на меня мое обычное зелье, но наверняка оно здорово отличалось. В этом

составе я безошибочно угадывал необычно большой процент Доверятеля, а совершенно необходимый Сострадатель почему-то отсутствовал начисто. Я сидел в машине с работающим движком, сквозь ветровое стекло мне в лицо било солнце, а самого меня захлестывала волна новых ощущений.

Забавное зелье этот Доверятель. Он делает окружающий мир донельзя уютным и безобидным — во всяком случае, так он действует на большинство людей. Но не на меня. Мой внутренний скептицизм вступает с ним в борьбу, и, как следствие, меня бросает в другую крайность: граничащую с паранойей подозрительность. Я имею в виду, еще большую, чем обычно. И все же тогда, сидя на солнце в тупике у дома Тестафера, я принял Доверятель как положено и позволил ему унести меня прочь. Да, воображаемая уютная действительность не была моей, да и не могла быть, и все же благодаря завалявшемуся в бардачке пакетику я жил ею. Дорого бы я дал, чтобы вернуться на несколько лет назад и предупредить того юнца, который нюхал такую дрянь, какой опасной чушью он занимается. И еще предупредить его насчет блондинки с серыми глазами, которая собирается превратить его в преждевременно опустошенного старого дурня.

Когда я посмотрел наконец на часы, они показывали уже без четверти час. Мне стало стыдно: я вспомнил об Ортоне Энгьюине, доживающем последние часы этой жизни, пока я нежусь на солнышке и размышляю о сравнительных качествах наркотиков. Я снял ногу с тормоза, и колымага выкатилась задом из тупика. Выбравшись из лабиринта улиц Эль-Соррито, я покатил к заливу.

Первый импульс был до предела усилить эффект от повторного появления в доме на Кренберри-стрит. Легкий ветерок на шоссе слегка проветрил мозги, и я вернулся к размышлениям о деле. Действие зелья уже здорово уменьшилось — такие полярные ингредиенты, как Приниматель, Доверятель и Избегатель, всегда приводят к этому, — но в крови его оставалось еще достаточно, чтобы жизнь казалась терпимой и даже сносной. Копни любое зелье, и везде обнаружишь одно и то же: Пристраститель. Все остальное — не более чем глазурь на пирожном.

Когда я глушил мотор перед крыльцом дома на Кренберри-стрит, у меня и в мыслях не было прятать машину или скрывать свое присутствие до последнего момента. На улице стояли еще машины, но ни одной знакомой, так что я не знал, есть ли кто дома. Оно и к лучшему. Кто бы там ни оказался, у

нас найдется о чем поговорить, а если в доме не будет никого, я и сам найду, чем занять себя.

Я нажал на звонок и подождал, но дверь никто не открывал, а когда я взялся за ручку, она повернулась, можно сказать, сама. Через прихожую я мог заглянуть в гостиную, где сидел вчера, болтая с котенком, а потом с Челестой, но там тоже было пусто. Я вошел, прикрыл за собой дверь и огляделся по сторонам.

Все на этом этаже казалось ухоженным, слишком ухоженным — словно это не жилье, а музей какой-то. Окна проектировались так, чтобы пропускать в дом максимум солнечных лучей, что они и делали: весь дом казался сотканным из света. Никто не позаботился сообщить окнам и солнцу, что в доме никого нет и они могут немного отдохнуть.

Я прошел на кухню. Тоже пусто. Сунул нос в холодильник и шкаф: они были набиты под завязку, но есть мне не хотелось. Я вернулся в гостиную и подошел к окну. После всех тех часов, что я провел, глядя сюда снаружи, мне хотелось посмотреть на мир с этой стороны. Долгую минуту я следил, как монорельсовые пути, убегая вниз, ныряют в туман, надвигающийся с залива, потом сменил фокус и вместо того, чтобы видеть мир за окном, увидел свое отражение в стекле: некто в мятом плаще и

столь же мятой шляпе в безумно изысканной гостиной. Кого я разыгрываю? Какого черта смотрю на залив из специально предназначенного для этого окна? От моего дома до залива пять минут езды, и этих пяти минут я никак не выкрою.

Я начал подниматься по лестнице. Ковер приглушал шаги, и мне даже показалось, что я взломщик. Все в этом доме заставляло чувствовать себя здесь чужим. Сначала я зашел в комнату Челесты и опустил жалюзи — так вроде бы лучше, спокойнее. Кровать не застелена, на подушке лежит отглаженная блузка. Если бы не это, комната казалась бы такой же ухоженной, как и помещения на первом этаже. Я подошел к гардеробу и выдвинул пару верхних ящиков: чулки и белье. В нижних ящиках хранилась одежда, средние — полупустые. Челеста жила здесь не больше двух недель, и комната это подтверждала. Это была комната для гостей, и Челеста жила в ней как гостья, а если у нее и имелись секреты, она хранила их где-то в другом месте. От белья хорошо пахло, и я позволил себе наклониться к нему поближе, но только на мгновение. Потом выключил свет и вышел.

На верхнем этаже имелись и другие комнаты. Я заглянул в захламленную комнату — должно быть, здесь проживал башкунчик — и

в прибранную — она скорее всего принадлежала котенку, но его здесь сейчас не было. К тому времени я окончательно убедился, что нахожусь в доме один, и даже не старался вести себя потише.

Когда я открыл дверь в комнату Пэнси Гринлиф, моим глазам потребовалась минута, чтобы привыкнуть к полумраку и различить фигуру на кровати. Женщина в ночной рубашке спала или лежала без сознания — ее темные волосы, разметавшиеся по подушке, и подсказали мне, что на кровати лежит что-то еще, кроме смятого белья. Я вошел, не зажигая свет.

Столик у кровати был усыпан кучками порошка вперемешку с предметами, необходимыми для внутривенных инъекций. Судя по обилию того и другого, занималась она этим не в первый раз. Я прикоснулся к шее — пощупать пульс, и ее глаза механически открылись. Она моргнула раз, другой, потом все-таки смогла заговорить:

— Вы — инквизитор, — произнесла она, не шевельнувшись. Голос словно исходил из крошечного живого сосуда, заключенного в мертвую плоть.

Я сказал ей, что она права.

— Я знала, что вы придете, — продолжала она. — Моя карточка на комоде.

— Я не собираюсь снимать карму с вашей карточки, — сказал я. — Я не из тех инквизиторов.

Она снова закрыла глаза. Она казалась частью интерьера, изредка пробуждавшейся к жизни и вновь замиравшей. Я подобрал с кровати шприц и переложил его на столик, чтобы Пэнси на него не напоролась.

Судя по всему, она обладала богатым опытом сидения на игле, но также очевидно было, что сейчас она не в лучшей форме. Мне не очень хотелось бы, чтобы она умерла, пока я здесь. Я подошел к комоду, где лежала ее карточка, стараясь производить как можно больше шума, но она не реагировала.

Комод был завален бумагами. Я бегло просмотрел их. Счета, рецепты, рекламные листовки и прочая ерунда — я копался в них до тех пор, пока не наткнулся на папку с архитектурными синьками и пояснительной запиской. Я не обратил бы на них особого внимания, если бы в пояснительной записке оно не называлось пристройкой к дому на Кренберри-стрит. Это заставило меня приглядеться повнимательнее.

Я не слишком разбираюсь в чертежах, но план верхнего этажа оказался довольно простым. На нем была обозначена целая стена с

двухъярусными кроватями, что походило на ночлежку для обращенных животных. Я посмотрел еще внимательнее. Кровати — восемь пар — примыкали к северной стене, — это если я держал план правильно. Длина стены не превышала двенадцати футов, то есть не больше трех футов на кровать. Идея показалась мне забавной: упаковать всех этих зверей, как солдат в казарму, особенно учитывая то, что все это размещалось на задах дома на Кренберри-стрит. Я запомнил название архитектурной фирмы и сложил чертежи обратно в папку.

— Это мои бумаги, — произнесла она, обращаясь к моей спине.

— Я ищу свидетельство о рождении, — ответил я.

— Барри?.. — в ее голосе проскользнула паническая нотка. — Вы его там не найдете.

— Мне начхать на Барри. Я имею в виду вас.

— Не понимаю.

— Я друг вашего брата, мисс Гринлиф. Мне просто интересно, что случилось с фамилией Энгьюин. Кто такой мистер Гринлиф и где он?

Она вцепилась в край кровати и с усилием повернула голову в мою сторону.

— Нет такого, — еле слышно прошептала она.

— Ясно. Пэнси Энгьюин?

— Патриция.

— Замужем не были?

— Нет.

Я закрыл распахнутые створки комода и вернулся к кровати. Пэнси ввалившимися глазами молча следила за тем, как я поковырял пальцем порошок на столике и поднес его к носу.

— Чей ребенок Барри?

Мне показалось, она думала, что я буду спрашивать про наркотик, так как она пару раз перевела взгляд с разгрома на столике на меня и обратно, словно между нами существовала какая-то связь. На самом-то деле мне просто нечем было занять руки.

— Это мое личное дело, — ответила она наконец. Ее глаза отчаянно слипались, но она сопротивлялась изо всех сил. Я здорово мешал ей. Если мне удастся заставить ее говорить, пока она еще не пришла в себя, то, возможно, я что-нибудь и узнаю.

— Вы ведь работали на Стенханта, — напомнил я. — Что вы для него делали?

Откуда-то из глубины распростертого тела вырвался чих, она закрыла лицо руками и осталась в этой позе, словно раненый солдат, придерживающий свои кишки в плохом

фильме про войну. Я сложил из стодолларовой купюры маленький конвертик, зачерпнул им щепотку порошка, завернул и убрал в карман прежде, чем она отняла руки.

— Вам принести воды? — спросил я.

Пэнси кивнула. Я прошел в ванную, наполнил стакан и принес ей. Она взяла его обеими руками и медленно выпила.

— Вы хотели рассказать мне про работу у Стенханта, — напомнил я.

— Стенхант... — начала она и осеклась.

— Он купил вам этот дом.

Она резко открыла глаза.

— Нет. Я купила его сама.

— На какие деньги?

Она соврала бы, но на ум ей явно ничего не приходило, поэтому она смотрела на меня молча. Человеку, столько времени ухитрявшемуся не вызывать подозрений, сам процесс ответа на прямые вопросы представляется мучительным. Такой человек не способен держаться так, как умеют опытные лжецы. Им, должно быть, кажется, что вопросы — вроде как мухи и их можно отогнать прочь, не отвечая на них.

— Ваш брат считает, что Барри — сын Стенханта и что дом — своего рода плата за молчание.

— Вы тоже так считаете.

— Буду рад выслушать другую версию. Ваш брат не слишком силен в логике. Если вы были подружкой Стенханта, какого черта Челесте искать убежище именно здесь? — Иногда, если рассуждаешь вслух, люди испытывают непреодолимое желание вмешаться и поправить тебя.

— Мы с доктором Стенхантом никогда не были любовниками.

— Я вам верю. Мейнарду Стенханту вполне хватало Челесты. Челеста из тех, кого хватает выше головы. Да вы, наверное, и сами знаете.

— Челеста — моя подруга, — заявила она и даже выпрямилась в кровати. Она бросила на меня взгляд, из которого следовало, что время вопросов и ответов истекает. — Я предложила ей лучшую комнату. И не жалею об этом.

— Мне почему-то кажется, что все гораздо сложнее.

Внизу позвонили, и мы оба вздрогнули. Это могла быть Челеста — я вообще редко видел, чтобы она выходила из дома. Впрочем, Челеста не стала бы звонить.

— Я открою, — предложил я. Я прикинул, что, будь это ребята из Отдела, они копошились бы вокруг моей машины, которую я видел из окна.

Пэнси поставила пустой стакан на столик, и белый порошок тут же налип на мокрое донышко.

— Ладно, — сказала она.

Похоже, она продолжала выкарабкиваться из тумана.

Я спустился на первый этаж, сделал глубокий вдох и открыл дверь. На крыльце стояла аккуратно одетая дама лет этак тридцати, а следом за ней по ступенькам поднимался паренек в костюме с галстуком.

— Хелло! — сказала дама.

Я поздоровался.

— Мы изучаем психологию. Если вы не слишком заняты, нам бы хотелось прочитать вам несколько отрывков из Фрейда.

Чтобы оправиться от изумления, мне потребовалась целая минута. Такого в моих краях еще не бывало.

— Нет, — ответил я. — Благодарю вас, нет. Я и сам неверующий.

Она восприняла это нормально и попрощалась. Посмотрев им вслед, я увидел, как паренек в костюме поднимается на крыльцо соседнего дома.

Когда я вернулся наверх, Пэнси Гринлиф — а может, лучше Патриция Энгъюин? — сидела на кровати. Она привела в порядок свою ночную рубашку. Да и взгляд стал куда

более осмысленным. Столик возле кровати был чисто вытерт.

— Я не знаю, как вас зовут, — сказала она.

Я назвал себя и подождал, пока она соберется с мыслями.

— Вы должны знать, где мой брат...

— Ваш брат по уши вляпался в историю. Я позволил ему переночевать у меня в офисе. То, что будет дальше, во многом зависит от вас.

— Вы имеете в виду — уход за его телом?

— Я имею в виду, вы знаете об убийстве столько, что я смог бы разрушить обвинение. Он еще не заморожен, Пэнси. Он просто запуганный ребенок. Он ошибся, связав вас со Стенхантом, но я не думаю, что он убил его. А вы?

— Не знаю.

Я только улыбнулся.

— Скажите мне что-нибудь. Что будет дальше? Вы сохраните за собой этот дом?

— Смерть доктора Стенханта не имеет к этому ни малейшего отношения.

— Ну да, я и забыл. Смерть Стенханта вообще вас никоим образом не затрагивает. А как насчет башкунчика?

— Вот сами у него и спросите, — ответила Пэнси. Она приходила в себя — в том смысле, что мои инквизиторские штучки бесили ее

все больше. — И не думаю, что он проявит к этому особый интерес.

— Это я, пожалуй, могу сделать, — сказал я. — Где он живет? Я хотел сказать, когда его нет здесь, — это я добавил из вежливости. На Кренберри-стрит он задерживался не дольше, чем требуется, чтобы ухватить сандвич.

— Он торчит в беби-баре на Телеграф-авеню. Думаю, они там и ночуют.

— Он отдаляется от вас, ведь так?

На ее лице вспыхнул гнев и сразу же пропал.

— Он ничем не отличается от всех прочих. Это все ускоренное развитие. Он теперь совсем не такой, как раньше.

— А как Челеста? — спросил я. — Что будет с ней?

— Я думаю, вам лучше спросить это у нее самой.

— Я думаю, что последую вашему совету. Где она сейчас?

— Не знаю. Когда я встала сегодня, ее уже не было.

— Когда она вернется?

— Это ее дело.

— Вы ее ждете, скажем, к обеду?

— С Челестой я привыкла не загадывать.

Наш разговор приобрел характер славной игры в пинг-понг без партнера. Я не знал, каким будет мой следующий ход. Одно я понимал совершенно отчетливо: возможности этого хода полностью исчерпаны.

— Я ухожу, — сообщил я. — Не хотите передать что-нибудь брату на прощание?

Она отвернулась. Тело у нее было красивое, хотя я сомневался в том, что оно такое же здоровое внутри. Всего десять минут назад она не дотянулась бы до шприца на столике.

— Убирайтесь, — сказала она, наконец собравшись с силами.

Я пошел к двери.

— И не думайте, что моя жизнь вращается вокруг моего брата, — сказала она мне вслед. — Я не видела его несколько лет. Я не знаю его, а он не знает меня. У меня своя жизнь. Если он совершил ошибку, пусть сам и расплачивается.

— Он совершил ошибку, пытаясь помочь вам, это точно.

Она скрестила руки на груди и одарила меня ледяным взглядом.

— Убирайтесь. Держитесь подальше от меня и моего дома. И если вы еще раз припретесь в мою комнату, когда я сплю, видит Бог, я убью вас голыми руками. — Она говорила это ровным голосом, сидя на краю кровати, как будто обсуждала прогноз погоды, но я видел, как трясет ее тощее тело.

Я не стал объяснять ей, что то состояние, в котором я ее обнаружил, можно назвать как угодно, но только не сном. Я просто вышел и сел в машину. Я окинул улицу взглядом, но Фрейд капитулировал и ушел домой. На небе собирались облака, с холмов задувал сырой ветер, и у меня начала зябнуть шея. Собирался дождь. Я поднял стекла и поехал в центр.

ГЛАВА 11

Вряд ли они ожидали, что я просто возьму и войду в Отдел с парадного входа. Что угодно, только не это. Когда я назвал себя у стойки, они послали мне навстречу не Моргенлендера, не Корнфельда и вообще не кого-нибудь из парней, связанных с делом Стенханта. Собственно, это вообще был не парень. Это была дама, или птица, или львица... — никогда не знаю, как назвать такую, не показавшись грубым. Я всегда груб. Но при виде ее мне по крайней мере захотелось исправиться.

Я выбрался из кресла, в котором ждал ее, и она шагнула мне навстречу, и неожиданно мы оказались ближе друг к другу, чем ожидали. Мне это нравилось, но мы стояли слиш-

ком близко — она не могла даже подать мне руку. Я чуть отодвинулся. Возможно, мне это только показалось, но, и отодвинувшись, я продолжал ощущать тепло ее тела, будто она оставила на моей одежде какой-то тепловой отпечаток.

— Меня зовут Кэтрин Телепромптер, — сказала она. — Что привело вас сюда, мистер Меткалф?

Из этих слов я понял, что она тоже инквизитор. Инквизитор Телепромптер. Что ж, мне приходилось встречать пару раз таких же молодых. Хотя таких красивых — ни разу. Я состроил не совсем пристойную гримасу и предложил поговорить у нее в кабинете.

Она провела меня по лабиринту коридоров в свой кабинет — комнатку размером с оптический прицел. Я понял, что она новичок здесь. Она села за стол, а я — в кресло, и места в комнатке почти не осталось.

Она откинулась на спинку кресла, и черная завеса ее волос перелилась через плечо, открыв шею — такой шеей я мог бы любоваться час безотрывно. Час в день... или час каждые пять минут. Эта шея здорово мешала нам начать деловой разговор: я смотрел на нее, а она смотрела, как я смотрю на нее, и она знала это, и я тоже, и так далее в геометрической прогрессии. Она разрушила магию, повернувшись к компьютеру, и ее лицо осветилось розовым светом от дисплея. Мне показалось, она носит очки, но стесняется надеть их.

— Конрад Меткалф, — произнесла она.

— Совершенно верно.

— Частный инквизитор. Лицензия подлежит продлению в мае. Последняя информация о вас подписана инквизитором Моргенлендером. Он написал, что хотел запретить вам расследовать это дело.

— Ей-богу, не пойму, почему вас ругают за бюрократизм. Это имело место только вчера. Примите поздравления.

— Полагаю, вы хотели бы поговорить с Моргенлендером.

— Хотел, пока не встретил вас.

— Что вас интересовало? — оборвала она меня.

— Можно сказать, мне нужен старт с ускорением, вот я и хотел узнать, не найдется ли у него фитиль.

Она выдвинула ящик стола.

— Дайте мне вашу карточку, мистер Меткалф.

Я порылся в кармане.

— Видите ли...

— Карточку, — перебила она.

Я передал ей карту и подождал, пока она сунет ее в декодер.

5 Зак. № 644

— Маловато кармы для человека, позволяющего себе глупые шутки вместо ответов на мои вопросы, мистер Меткалф. — Она положила карточку на стол перед собой.

— Я насчет этого дела, — сказал я. — Мне предлагают не соваться в него, но дело само тянет меня, как бы я ни упирался руками и ногами. Я хочу, чтобы Моргенлендер знал: я пытался последовать его совету. — Я одарил ее одной из лучших своих улыбок, и она приняла ее, хотя и не сразу.

— Я посмотрю, здесь ли он, — предложила она.

— Не надо. Сначала позвольте мне задать вам пару вопросов. — Я потянулся за карточкой, но она накрыла ее рукой. Я почти положил свою ладонь на ее, но в последнее мгновение передумал. — Так вот, насчет Моргенлендера, — продолжал я, отчаянно пытаясь сосредоточиться на деле. Я не был мужчиной, и вид хорошенькой девушки-инквизитора лишний раз напоминал мне об этом. Но не мог же я позволить себе сорваться здесь, за работой. — Кто дергает за нити в этом деле и зачем? Он ведь чужак, из другого района, так почему это дело отдано именно ему, тем более что вы не позволяете ему развернуться?

Она пристально посмотрела на меня.

— Вам не стоило бы задавать такие вопросы, не зная точно, кому вы их задаете. Вы можете получить еще кое-что, кроме ответов.

— Не уверен, что имел в виду именно это, — я никак не мог угомониться.

— Не сомневаюсь, что имели, если понимаете, о чем я. Вот, возьмите. — Она подвинула карточку поближе ко мне. — Я хочу, чтобы вы покинули мой кабинет. Я не имею возможности продолжать эту беседу.

Она нажала кнопку на пульте связи и попросила Моргенлендера. Когда тот взял трубку, она назвала мое имя и попросила его проследить, чтобы меня проводили. Потом выключила связь.

— Жаль, — заметил я. — Мы могли бы славно поговорить.

— Вы ведь работали в отделе, верно?

— Да.

— Инквизитором?

— Иначе я не получил бы лицензии.

Она в первый раз внимательно посмотрела на меня.

— Что случилось?

— Или это случится и с вами, или вы не поймете моего ответа на этот вопрос, — сказал я. — Я даже не буду пытаться.

В дверь постучали, точнее, поскреблись. Инквизитор Телепромптер нажала на кнопку, и дверь скользнула вбок. За ней стоял инквизитор Корнфельд — тот, что маячил у меня в дверях, пока мы беседовали с Моргенлендером. Судя по всему, они с Моргенлендером продолжали работать в паре, несмотря на очевидную напряженность в отношениях. Он приятельски кивнул Кэтрин Телепромптер, словно я был какой-то посылкой, которую надлежало доставить по адресу, и ткнул пальцем сначала в меня, потом в сторону выхода. Именно в таком порядке.

Я забрал карточку и спрятал ее в карман пиджака — там мои пальцы наткнулись на пачку слегка растрепанных визиток. Я вынул одну и положил ее на стол, за которым осталась сидеть моя карма.

— Звоните, — сказал я, хотя не видел ни одной причины, почему ей следует это сделать. Потом поклонился и улыбнулся на прощание.

На Корнфельда это особого впечатления не произвело. Он держал дверь открытой, как бы напоминая мне, чтобы я не тянул с прощанием.

— Не забывайтесь, — произнесла инквизитор Телепромптер, глядя на меня в упор.

Однако ее ноздри раздувались, и — я не сомневался — колени под столом были крепко сжаты. Я смог-таки пробить брешь в ее глухой обороне, хоть и крошечную.

Корнфельд закрыл дверь, чуть не столкнувшись со мной в проходе. Я ожидал, что меня выставят вон, поэтому удивился, когда он взял меня за руку и повел к лифтам, прочь от главного входа. На мгновение меня охватил страх: меня тащат в недра Отдела, а я даже не знаю за что. Нельзя сказать, чтобы с тех пор, как я работал здесь, это место изменилось. Собственно, именно эта незыблемость и навевала острое желание выдернуть руку и бегом бежать к ближайшему выходу.

Мы вошли в лифт. Корнфельд прислонился к стенке и нажал на кнопки, а я стоял, размышляя о чем-то отвлеченном. Когда двери закрылись, он повернулся ко мне, и на мгновение глаза его вспыхнули — он подошел ко мне, сжав кулаки, и двинул мне под дых.

Изо всего, что имело место между нами до сих пор, это ближе всего стояло к разговору. Пожалуй, мне стоило испытывать к чуваку благодарность за то, что он хоть так, но открылся мне. Я сложился пополам — скорее от нехватки воздуха, чем от боли, хотя и ее хватало. Корнфельд снова прислонился к стенке

лифта — он полностью выложился. Парень оказался лаконичным даже в насилии.

Лифт остановился, он снова взял меня за руку и повел по коридору, хотя я шел все еще согнувшись и глотая воздух. Когда мы подошли к двери Моргенлендера, я сумел собраться с силами и идти почти прямо, хоть и побагровев лицом.

Моргенлендеру как залетному начальству отвели шикарное помещение с ковром и маленьким холодильником для пива и закусок. Кресло, в которое я рухнул, было если и не кожаным, то из отличного заменителя. Моргенлендер являл совершенно ту же степень небритости, как и вчера, когда он нанес мне визит. Руки его зарылись в кипу бумаг, за ухом торчал карандаш.

— Спасибо, — сказал он, обращаясь к Корнфельду. — Оставь-ка нас вдвоем.

Последовала нерешительная пауза.

— Нет, — произнес наконец Корнфельд. — Нет, этого я сделать не могу.

Моргенлендер только кивнул, и Корнфельд отошел в сторону и уселся в кресло у стены. До сих пор мне представлялось, что Корнфельд исполнет роль мальчика при большом начальстве. Теперь я сообразил, что, возможно, недооценил всю сложность их профессиональных отношений.

Однако Моргенлендер совладал с собой.

— Хорошо, что ты пришел, — сказал он мне. — Похоже, ты всегда выбираешь самый странный способ вести расследование. — Он устало облокотился на стол и похрустел суставами пальцев.

— Я комедиант, — сказал я. — Вы оба играете роли нормальных людей, выходит, моя роль развязывает мне руки.

— Гм, — хмыкнул Моргенлендер, — забавно. Это хорошо, что ты комедиант. В качестве частного инквизитора ты хуже занозы в жопе. Очень уж из-за тебя все усложняется. Тебе известно, что Энгьюин провел ночь в твоем офисе?

— Я сам дал ему ключи.

Моргенлендер улыбнулся пошире — к уголкам его глаз сбежались морщинки, как у Санта-Клауса из универмага, когда к нему на колени забираются девочки.

— Зачем ты пришел сюда, Меткалф?

— Вы хотели убрать меня, чтобы не мешался, но дичь все равно бежит на меня. — Я ощущал себя рыболовом и отчаянно хотел, чтобы рыбка клюнула. — Так вот, я хочу перебросить ее вам. Не замораживайте Энгьюина, пока не разберетесь с кем-то по имени Денни Фонеблюм.

Моргенлендер не выказал к этому имени никакого интереса. Он покосился на Корнфельда, потом снова на меня.

— Кто такой Фонеблюм?

— Вам известно столько же, сколько мне. Пока это всего лишь имя, но имя, неизменно всплывающее в этом деле. Не говорите только, что я не помогаю следствию.

— Выведи его отсюда, — сказал Моргенлендер.

Он откинулся назад и запустил пятерню в волосы. Корнфельд встал и положил руку мне на плечо.

— В моем округе не дают лицензии таким как ты, Меткалф. Там, откуда я пришел, ты был бы счастлив, не оказавшись в морозильнике. — Он посмотрел на Корнфельда. — Сними с него двадцать пять единиц и вышвырни на улицу.

Корнфельд проводил меня в лифт, и на этот раз я держал руки наготове, защищая живот. Он провел меня запутанными коридорами к вестибюлю, а оттуда на улицу. Начинался дождь — крупные продолговатые капли сразу же намочили мне колени и шею за воротником. Корнфельд вынул свой магнит и навел его на мой карман.

— У меня и так только шестьдесят пять, — сказал я.

Он стоял, не двигаясь.

— Сорок — слишком мало, — настаивал я. — Вам это известно.

Ветер подхватил дождь и швырнул мне в лицо. На стоянку за нашей спиной вырулила инквизиторская машина, и двое инквизиторов, подняв воротники, пробежали мимо нас к дверям. Мы с Корнфельдом уже основательно промокли. Он сделал движение пальцем, и я увидел, как зажглась красная лампочка на его магните.

— Тебе не стоило упоминать Фонеблюма, — сказал он, и в его голосе я неожиданно услышал что-то похожее на сожаление.

— Вот спасибо, дружок, — сказал я, инстинктивно сжав пальцами карточку в кармане. — Теперь буду знать.

— Идиот сраный, — сказал он, поворачиваясь к дверям. — Маленький сраный идиот.

ГЛАВА 12

Я забрался в машину. Я чувствовал себя очень паршиво, и причин тому имелось несколько: удар под дых, двадцать пять единиц кармы, которых недоставало на моей карточке, и две-три понюшки, которых недоставало в моей крови. Плюс попавший за шиворот дождь... да и сандвич мне бы сейчас не помешал. Тучи на небе все собирались, словно бандиты на стрелке — похоже, с солнцем они разобрались основательно. Я до сих пор не решил, что буду делать дальше, а на то, чтобы перекусить в машине, пока не заработал. Поэтому я поехал домой. Сворачивая за угол, я чуть не наехал на кучку пешеходов, и, когда я посигналил, ближайший ко мне парень вытащил из-за пазухи здоровую трубу и задудел

в ответ. Должен признать, последнее слово осталось за ним.

Я припарковался так близко к дому, как только мог, и все равно это оказалось недостаточно близко. Дождь лил теперь непрерывным потоком и ручьями стекал по мостовой к забитым всякой дрянью решеткам. Съежившись, я рванул бегом от машины к подъезду, нырнул в темноту под аркой входа и постоял там с минуту, глядя на то, как всего в нескольких дюймах от меня льется с козырька вода. В данный момент я разыгрывал приманку.

Приманка была заброшена верно. Кенгуру появился всего минуту спустя; судя по тому, что он и не думал скрывать свое присутствие, он не ожидал, что я заметил его.

Он был одет в пластиковый дождевик и какое-то подобие тюрбана вместо шляпы, прижавшее ему уши к голове. Темнота хорошо скрывала меня, и я успел хорошенько разглядеть его прежде, чем наши глаза встретились. И стоило этому произойти, как я выдал ему все, что имел.

Внезапность сработала на меня. Возможно, я превосходил его интеллектом или опытом, но в драке с кенгуру я предпочитаю полагаться на внезапность. Я использовал это преимущество максимально, войдя в

клинч — обхватив руками его шею и замолотив коленками по потрохам так сильно и так часто, как только мог. Я не великий боец, но все прошло как надо. Потасовка вытолкнула нас под дождь, почти на середину проезжей части.

Я знал, что он у меня в руках, но еще не довел задуманное до конца. Я протащил его до противоположного тротуара и швырнул на стоявшую там машину, прижав бедром к правой дверце. Я зарылся лицом в шерсть у него на шее; от нее резко и неприятно пахло, но я знал: стоит мне отцепиться от него — и он пустит в ход свои ноги, чего я допустить не мог. Я поднял руки, сцепил их у него под подбородком, потом двинул его затылком о крышу машины. Накрученная на голову ткань размоталась и упала мне на руки словно флаг капитуляции. Я двинул его затылком еще раз и почувствовал, как его передние лапы, вцепившиеся мне в плечи, слабеют и повисают плетьми.

Вот и все. Мощная мускулатура нижней части тела не позволяла ему упасть, зато все остальное слегка разладилось. Я схватил кенгуру за плечи, отвел в вестибюль, прислонил к стенке и пошарил у него в сумке на предмет пистолета. Гидравлический поршень затворил входную дверь, приглушив шум дождя на

улице. Единственное, что я слышал, — это биение пульса в висках. Я нашел пистолет, сунул его в карман, оттолкнул кенгуру и обессиленно прислонился к перилам. Бой остался за мной, хотя по моему виду этого и не скажешь. С ног натекли лужицы воды.

Веки Джоя дрогнули и приоткрылись.

— Сукин сын, — произнес он, ощупывая затылок передней лапой. Затылок оказался мокрым — и не только от дождя.

Я вынул из кармана пистолет.

— Марш в лифт.

Мы поднялись наверх. Сидя на моем диване, скрестив свои устрашающие задние ноги и спрятав бесполезный сейчас хвост под плащ (со стороны это напоминало чудовищную эрекцию), кенгуру являл собой презабавнейшее зрелище. Сбрасывая пиджак и запирая дверь, я перекладывал пистолет из руки в руку, ни на мгновение не сводя с Джоя. Каким-то образом тот ухитрился не потерять грязную белую тряпку и теперь снова водрузил ее на голову, только напоминала она уже не тюрбан, а простой бинт. Я вытер лицо бумажным полотенцем с кухни и уселся напротив.

Я опустошил карманы пиджака. Электронный пистолет Тестафера я положил на полку за спиной, конверт с зельем Пэнси Грин-

лиф — в нагрудный карман рубашки. Потом положил пистолет на стол, а зеркальце — себе на колени.

Порошок в пакетике у зеркала — мой последний запас. Я вытряхнул его из пакета и провел несколько волнистых линий углом спичечного коробка. Кенгуру мутным взглядом следил, как я втягиваю порошок. Привычное зелье сделало свое дело: действительность вновь стала уютной. Я вытер нос тыльной стороной ладони, взял пистолет и откинулся в кресле.

— Я хочу, чтобы ты отвез меня к Фонеблюму, — сказал я.

— Зря ты это делаешь.

— Мне виднее. — Я протянул ему телефон. — Позвони.

Джой взял телефон и набрал городской номер. Красные глаза беспокойно шарили по комнате в ожидании ответа. Трубку сняли после третьего или четвертого гудка.

— Алло, — произнес он. — Это Кастл. Надо поговорить с Денни. Срочно. Скажи ему, я с ищейкой. Нет, только скажи и все.

— Тебе повезло, — сказал он, отодвинув трубку ото рта, — если это можно считать везением.

Я ухмыльнулся, и он вернул мне телефон. Я продолжал целиться ему в сердце — если я,

конечно, правильно представляю себе анатомию кенгуру.

— Алло, — послышалось в трубке.

— Алло, — откликнулся я. — Меня зовут Меткалф. Насколько я понимаю, вы хотели поговорить со мной.

Последовала секундная пауза.

— Я посылал кое-кого переговорить с вами, если вы это имеете в виду. Мне казалось, мое послание было вполне ясным.

— Вы послали кенгуру туда, где требовалась мужская работа, — заметил я. — Меня не так просто запугать, как доктора Тестафера.

В трубке рассмеялись.

— Доктор Тестафер покрепче, чем кажется, мистер Меткалф. Нет, право, вы меня удивляете. Мне-то казалось, человек с вашим родом занятий должен знать, когда остановиться. До вас в деле участвовал другой инквизитор, которому пришлось помочь понять...

— Не сомневаюсь, вы продумали кучу вещей. Когда и где мы могли бы встретиться, чтобы напрямую обсудить наши проблемы?

Последовала еще одна пауза.

— Я не уверен, что понимаю целесообразность такой встречи.

— Ну почему же, — мой клиент стоит одной ногой в морозильнике, и, если уж я не могу помешать этому, мне по крайней мере

хотелось бы знать, почему это выпало именно ему и вместо кого его туда засунут. Вы не можете откупиться от меня, но, если Джой в самом деле служит вам, вам от меня и не отвязаться. Соглашайтесь на встречу, или он отправится прямиком к Моргенлендеру. Не думаю, что умельцы из Отдела не смогут его расколоть, Фонеблюм. Если вы со мной не согласны, можете назвать это блефом.

— Моргенлендер... да, это проблема, — задумчиво произнесли в трубке. — У вас неверное представление почти обо всем, но Моргенлендер — это действительно проблема. Ладно, приезжайте. Там разберемся... — Он хихикнул, потом продиктовал мне адрес в Пьедмонте.

Я положил пистолет на стол и записал адрес на пустом конверте из-под порошка. Он назначил встречу на семь часов, и я согласился. Потом передал телефон кенгуру, а сам начал разряжать его пистолет.

Кенгуру несколько раз произнес «да», потом повесил трубку.

— Мне надо идти, — сказал он. — Отдай пистолет.

Я ссыпал патроны в карман и кинул ему пустой пистолет. Он поймал его, прижав к груди.

— Умница, — похвалил я его. — Фонеблюм будет доволен твоей работой. Ты только не ошивайся здесь больше, ладно?

— Пошел ты... — сказал кенгуру, блеснув глазами из-под грязной белой шерсти.

Я указал ему на дверь.

Он уже уходил, когда я добавил:

— Непохоже, чтобы Фонеблюм слишком за тебя переживал. Так что не слишком удивляйся, если ковер выдернут у тебя из-под ног. — На самом деле я ничего такого не знал, просто мне выпал шанс поиграть мускулами.

Джой раздул ноздри и хлопнул дверью. Я подошел к окну и полюбовался, как он шлепает по лужам к своему мотороллеру. Когда он скрылся за углом, я перевел дух и попытался расслабиться, хотя противный звон в ушах все не стихал. Я попробовал глубоко дышать, зажмурившись, но через пару минут сдался и пошел на кухню выпить.

Я стоял у окна, потягивал скотч из стакана и смотрел на то, как темнеет небо, как солнце прячется за завесой облаков где-то у входа в залив. Дождь перестал, но солнце так и не оправилось от поражения и уползало на ночь. Пусть себе ползет. Я и сам бы не прочь отправиться за ним куда-нибудь подальше. Я посмотрел на часы: полшестого, целых полтора часа до встречи с Фонеблюмом. Потом по-

смотрел на холодильник. Даже не открывая его, я знал, что он пуст.

Я как раз дозвонился до ближайшей пиццерии, когда в дверь постучали.

— Войдите, — крикнул я, рассудив, что, кто захочет, так или иначе войдет.

Это оказался Энгьюин, только теперь он походил скорее на свое объемное изображение, чем на живого человека. Лицо его стало белым как мел, а голос упал до шепота. Для допроса мне пришлось бы слегка успокоить его.

— Я ездил на такси к Тестаферу. В доме никого не было, но дверь в пристройку была распахнута. Я подошел к ней, а на дверной ручке — кровь... Возможно, я оставил там свои отпечатки... не знаю.

Я сказал в трубку, что перезвоню.

— Что вы увидели? — спросил я.

— Только кровь, везде кровь. Я не хотел, чтобы меня там поймали.

— Что вы хотели от Тестафера?

Энгьюин уставился в пол.

— Я не мог просто сидеть и ждать. Я хотел узнать, что ему было известно про Стенханта и сестру. За мной не следили, я уверен. Они пытались, но я от них ушел.

— Вот дурак, — вздохнул я, поставив недопитый стакан на полку рядом с электронным пистолетом Тестафера.

Энгьюин опустился на диван, где за несколько минут до него сидел кенгуру. Я выдвинул ящик стола, убрал туда пули и пистолет Тестафера, потом задвинул его и запер.

— Оставайтесь здесь, — сказал я. — Я схожу на разведку.

— Мне надо делать что-то, а то я рехнусь.

— Заткнитесь, ладно? Я это понимаю.

Он затравленно посмотрел на меня, и мне показалось, будто он может разреветься. Я не придумал ничего, чем мог бы утешить его, поэтому вышел, так ничего и не сказав.

ГЛАВА 13

Поднявшись в гору, я на минуту остановил машину и полюбовался на последние лучи заката, растворяющиеся в ночи. Мне приходилось видеть закаты и красивее, но и этот казался куда лучше моего настроения. Потом я сел в машину и поехал дальше в лабиринт улиц, которые вели к Деймонт-корт. Там ждал первого, кто зайдет, залитый кровью дом Тестафера. Так почему бы этим первым не оказаться мне? На этот раз я остановил машину, не доезжая квартал, и прошел остаток пути пешком по мокрому асфальту. Ни одной машины, ни следа инквизиторов. По крайней мере в данный момент я был один.

В темноте дорога казалась длиннее. Деревья смыкались у меня над головой, и просве-

ты в листве, отражаясь в лужах, смахивали на волшебную сеть, протянувшуюся от ворот к дому. Подойдя к дверям, я остановился и прислушался: никого и ничего. В лунном свете чернела открытая дверь в покои овцы.

На дверной ручке и в самом деле запеклась кровь. Я вспомнил про Энгьюина и попробовал протереть ее рукавом, но она уже засохла. Свет в комнате был выключен, так что мне пришлось шарить по стене в поисках выключателя. Первое, что я увидел, когда свет зажегся, была моя собственная рука — вся в крови, а ведь я почти ни к чему не притрагивался. Я отвел взгляд от руки и чуть не опрокинул кресло, отпрянув от тела — оно оказалось прямо у меня под ногами.

Кто-то изрядно постарался, разделывая бедную овечку. Кто-то просто вывернул ее наизнанку. Она лежала на пропитанном кровью ковре, а отдельные части ее тела валялись по всей комнате. Тошнотворный, тяжелый запах свидетельствовал, что ей вскрыли даже кишечник. Моя рука инстинктивно дернулась ко лбу прежде, чем я подумал о крови на ней, и я измазал себе бровь. Я выпрямился, чтобы прислониться к чему-нибудь, и стукнулся затылком о потолок.

Я заставил себя еще раз посмотреть на тело в поисках каких-либо еще особенностей

убийства, но никак не мог сконцентрироваться. Взгляд мой против воли все возвращался к дыре в овечьем теле, в глубине которой виднелось искромсанное черно-красное сердце. Какие уж тут особенности — я выключил свет и вышел на улицу.

Я поднялся на парадное крыльцо, но дверь оказалась заперта. С неожиданным для меня самого облегчением я сунул руки в карманы и побежал обратно к шоссе. Я добрался до машины так никем и не замеченный и поехал в Беркли.

Должно быть, я плохо следил за тем, куда еду, поскольку на Алькатраз-авеню нарвался на патруль. Прежде чем я сообразил, что происходит, инквизиторы отсекли движение в целом квартале. Мою машину залил ослепительный свет прожекторов. Где-то по соседству голосили перепуганные собаки.

В окошко моей машины постучали. Я поспешно вытер лоб ладонью и опустил стекло. У машины стояли два инквизитора в касках с фонариками и дубинками. Тот, что стоял ближе, наклонился к окну и сказал:

— Предъяви карточку и рабочую лицензию.

Я порылся в кармане и молча протянул ему то и другое. Инквизитор передал их второму и снова наклонился. Я вжался в сиденье, но все равно он оставался слишком близко.

— Куда едешь?

— Домой, — ответил я.

— Откуда?

— Так, катался...

— Это частная ищейка, — сообщил второй. — Конрад Меткалф.

— Катался, говоришь? На работе?

Должно быть, я дрожал. Образ изрубленной овцы все стоял у меня перед глазами, и на какое-то мгновение мне показалось, что они все знают и что патруль выслан специально за мной.

— Так, ерунда, — ответил я.

— Сорок пять единиц, — сообщил второй. — Негусто.

— Именно это я говорил тому парню, что отпустил меня так.

— Что ты такого сделал?

— Ничего.

— Если мы запросим Отдел, что они нам расскажут про тебя?

— Попробуйте — узнаете.

— Вот и попробую, — обиделся первый инквизитор. — Поворачивай к обочине и глуши мотор.

Я повиновался и стал ждать, пока он запросит мое досье. Ребята досматривали машины вполне профессионально, у некоторых даже багажники потрошили. Похоже, часть кармы

уходила с карточек на их декодеры, поскольку, возвращая их владельцам, они укоризненно качали головами. У одной машины они сгрудились и обыскали водителя, ярко одетого брюнета. Рутинная процедура. В свое время мне приходилось видеть и хуже.

Немного погодя «мои» инквизиторы вернулись к моей машине и отдали мне карточку и лицензию. Первый загадочно улыбался.

— Твое досье изъято для изучения, — сообщил он. — В архиве его нет.

— Что это значит?

— Тебе повезло, парень. Приятно было познакомиться. Езжай.

— Нет в архиве?

— Сказано тебе: езжай!

Они отодвинули рогатку, и я уехал.

ГЛАВА 14

Поднимаясь в лифте на свой этаж, я терзался мрачными предчувствиями, но в офисе все оказалось до неправдоподобия по-прежнему. Энгьюин спал на диване, где я его оставил. Свет горел, из радио слышалась негромкая музыка. Я протянул руку и выключил ее, взял с полки недопитый стакан и ушел с ним на кухню. Лед давно растаял, но я не обращал на это внимания.

Я взвесил свои шансы. Весь дом Тестафера был усеян отпечатками моих пальцев, к тому же патруль засек меня, едущим с той стороны. Допустим, убийство совершено самим Тестафером — это означает, что он вот-вот вернется домой и поднимет шум. Выходит, в

моих интересах связаться с Отделом первым и рассказать им все, что мне известно, пока они не завалились ко мне с допросом. Если Энгьюин действительно отделался от слежки, я могу заработать несколько столь необходимых мне единиц кармы, наведя их на него. Ему это уже не повредит, а мне так и так надо подбирать все возможные крохи с тем, чтобы это дело двигалось без помех — черт, да чтобы оно вообще двигалось.

Я стоял в дверях и смотрел на храпящего Энгьюина. Я испытывал к нему жалость, но не чувство вины. Все равно я не мог сделать для него больше того, что делал. Он был из тех парней, что то и дело наступали на грабли в те времена, когда еще были грабли, чтобы на них наступать. В наше время у него вообще не было шансов. Правда, для людей вроде меня наше время тоже не лучшее. Я не особенно сокрушаюсь по этому поводу. Я выключил свет над Энгьюином и прошел со стаканом в спальню.

Сидя на краю постели, я набрал номер Отдела и спросил Моргенлендера. Дежурная ответила, что его нет в здании. Я попросил Кэтрин Телепромптер — с тем же результатом. Тогда я сказал дежурной, что хочу заявить об убийстве, и она сообщила мне, что проверит,

откуда я звоню. Я сказал, что удивлен, почему она не сделала этого раньше, и она не ответила, просто переключила канал. На этот раз трубку взял инквизитор-мужчина с усталым, брезгливым голосом.

— Вы хотите заявить об убийстве? — переспросил он.

— Совершенно верно. Убита обращенная овца. Я обнаружил труп.

— Это не убийство, — возразил он. — Как вас зовут?

— Частный инквизитор Меткалф. Я расследую убийство Стенханта, и, мне кажется, эти два случая связаны между собой.

— Где это случилось?

— В частном доме в районе Эль-Соррито. — Я продиктовал адрес.

— Где вы находитесь сейчас?

— У себя дома.

Несколько мгновений он колдовал со своим компьютером — я слышал, как он барабанит по клавиатуре.

— Конрад Меткалф, — сказал он.

— Правильно.

— Вам бы лучше приехать, Меткалф. Нет, лучше оставайтесь дома, а я пошлю к вам кого-нибудь. Не выходите из квартиры. Мы сейчас приедем.

— Звучит разумно, но у меня другие планы. Спасибо.

— Я приостановлю действие вашей лицензии, — сказал он. — Оставайтесь дома.

— Извините. Поговорим в другой раз. Передайте Моргенлендеру, что он может оставить сообщение на автоответчике.

Я положил кудахчущую трубку и допил виски. Я действовал по наитию. Возможно, это глупо, но по-другому я не умею. Отдел явно собирался прикрыть дело, и мне необходимо было переговорить с Фонеблюмом прежде, чем они это сделают.

Фонеблюм стоял за всем этим. Он имел какое-то отношение к Пэнси Гринлиф, доктору Тестаферу, кенгуру и обоим Стенхантам, включая убитого. Вполне вероятно, он имел отношение также к инквизитору Корнфельду. И ему явно не по вкусу пришлось мое упоминание Моргенлендера — твердого орешка, поставившего на уши Корнфельда, Телепромптер, а возможно, и весь Отдел.

Мне недоставало информации. Каким боком относятся к этому делу убийство овцы или синьки общежития для животных на Кренберри-стрит? Что Мейнард Стенхант мог делать в этом занюханном мотеле? И вообще какое отношение могущественные Стенханты имели к замухрышке Пэнси Гринлиф? Я был бы рад поверить в теорию Ортона Энгъюина насчет связи Пэнси с доктором, но не мог.

Нет, я просто не имел права ждать приезда инквизиторов. У меня было дело, пусть я и не знал, в чем оно заключается. Оставалась одна загвоздка: как быть с Энгъюином. Бросить его спящим в офисе означало преподнести его Отделу на блюдечке.

Я поставил пустой стакан в раковину. Энгъюин все храпел. Я подошел к нему и потрогал его ногу носком ботинка. Он заморгал и сонно уставился на меня.

— Я ухожу, — сказал я. — Дверь захлопывается сама. На вашем месте я бы здесь не оставался.

Я достал из шкафа шляпу, надел пиджак и отпер ящик, в котором лежал пистолет. Мне не хотелось усложнять жизнь парням, которые будут обыскивать квартиру. Когда я выходил, Энгъюин все сидел на диване с таким видом, словно его пробудили от волшебного сна.

Я как раз переходил улицу к своей машине, когда у подъезда затормозил инквизиторский микроавтобус. Я нырнул за машину и сквозь окна наблюдал, как они вылезают и косяком хищных рыб исчезают в подъезде. Когда все до одного исчезли, я сел в ма-

шину и завел мотор — рука на рычаге ручного тормоза слегка дрожала. Я никак не мог позволить себе подождать еще и посмотреть, что случится. Все и так было яснее ясного. Дрожь в руках унялась, только когда я проехал пару кварталов.

«В каком-то смысле работать, не имея на плечах Энгьюина, будет даже легче», — подумал я. Теперь я мог действовать как независимый агент, не защищая ничьих интересов, кроме своих собственных. Если в результате мне удастся отделить правду от лжи, Энгьюин получит результат за свои деньги. Если же нет — ну что ж, я старался, и в конце концов это ведь не совсем его деньги. Все о'кей.

Я чувствовал себя полнейшим ублюдком.

ГЛАВА 15

Часы показывали полседьмого. Я въехал в Окленд, оставил машину на тихой боковой улочке и пошел дальше пешком. Единственным открытым заведением на улочке оказалась порошечня, и ее неоновая вывеска отражалась в лужах и витринах закрытых магазинов. С залива задувал свежий ветерок. Когда я отворил дверь, зажужжал электронный звонок. Я опустил воротник и подошел к стойке.

— Сейчас займусь вами, — сказал порошечник, не отрывая взгляда от монитора, бросавшего на его лицо и очки зеленоватый отсвет.

Ему было около сорока пяти, но голову украшала обширная лысина, а волосы у ушей были такие же белые, как щепотки порошка

на его лабораторном столе. Не сводя глаз с экрана, он списал какую-то химическую формулу, потом вызвал на дисплей длинный столбик имен и рецептов и принялся изучать его, бормоча что-то под нос. Я стоял и ждал.

— Имя? — спросил он наконец, поворачиваясь ко мне. Глаза его, увеличенные линзами очков, скользнули по мне совершенно равнодушно.

— Конрад Меткалф, — ответил я и тут же огорошил его составом моего фирменного зелья. Не знаю уж зачем, но я заучил его наизусть.

Он повернулся к компьютеру и отстучал команду.

— Приниматель, — сказал он.

— В основном.

— Редко сейчас увидишь состав без Забывателя.

— Никогда не увлекался.

— Обычно...

— Ладно. Послушайте... если я назову вам пару имен, можете ли вы найти рецепты их порошков?

Он оторвался от клавиатуры и посмотрел на меня в упор.

— Вы задали мне вопрос, мистер.

Я выложил на стойку свою лицензию и подождал, пока он изучит ее. Одной рукой

порошечник придерживал очки, а другая зависла в воздухе, будто боясь прикоснуться к чему-то приносящему несчастье. Когда он поднял взгляд, я убрал карточку в карман плаща.

— Ну так как?

— Вы же знаете, я не могу сделать этого, — заискивающе произнес он.

Я выудил из кармана одну из энгъюинских сотен, порвал ее пополам — как раз по портрету — и положил половину туда, где только что лежала лицензия. Порошечник посмотрел на нее уже с меньшим омерзением, чем на лицензию. Он водрузил очки на нос, потом, не отнимая руки от лица, посмотрел на меня.

— Согласен по одной за каждое имя, — тихо произнес он.

Я улыбнулся, достал еще сотню, порвал и положил половинку рядом с первой, оставив две вторые половины в кармане.

— Гровер Тестафер, — назвал я.

Он нервно набрал имя на клавиатуре.

— Придется минутку подождать, — извинился он. — Мне надо поискать код. Он пользуется другой порошечней.

Его пальцы стремительно порхали по клавишам, а бровь отсвечивала зеленым — ни

дать ни взять какое-то подземное чудище. На экране высветился рецепт.

— Ничего особенного, — объявил он. — Забыватель, Избегатель, Добавлятель. Ничего особенного. Довольно много Избегателя.

— Расскажите мне про Избегатель. Никогда не пробовал.

Такой разговор его вполне устраивал — как-никак разнообразие в вечернюю смену.

— В принципе подавляет раздражительность. И мнительность. Могу добавить в вашу смесь на пробу.

— Спасибо, не надо.

От двери послышался звонок, заставивший нас обоих оглянуться. Я быстро подошел к двери и распахнул ее. Парень на улице держался за ручку, так что я выдернул ее из его руки.

— П-простите... — сказал он.

Я достал лицензию и помахал у него перед глазами достаточно быстро, чтобы он не смог прочитать. Он открыл рот и с секунду собирался сказать что-то, но вслух так ничего и не произнес.

— Мы закрыты на несколько минут, — объявил я. — Извините за неудобства.

Парень увидел, что я не двигаюсь с места, и понуро ушел. Я закрыл дверь и вернулся к стойке. Две половины сотенных бумажек

уже исчезли. На их месте лежал флакон моего зелья с ярлычком порошечной и кодом рецепта. Я сунул его в карман плаща и улыбнулся.

— О'кей. Забудем Тестафера. Попробуйте Мейнарда Стенханта.

Если он и узнал фамилию, то вида не подал.

— Тут несколько интереснее, — сказал он, когда на мониторе высветилась формула.

Я заглянул ему через плечо, но знаки на экране мне ничего не говорили.

— Смесь — почти чистый Забыватель, — сообщил он и пригляделся повнимательнее. — Что тут любопытно — так это состав, который у него в качестве добавки. — Он сдвинул формулу в верхнюю часть экрана и принялся изучать остальные данные на Стенханта.

— Что вы имеете в виду?

— Я слышал, что это на подходе, — ответил он, — но сам вижу в первый раз. Он использует ингредиент, растягивающий время. Дозы следуют друг за другом так, что трезвой головы у вас просто не бывает. Неглупо, если использовать как надо.

— А если как не надо?

Он хохотнул.

— Вы забываете все: чем вы зарабатываете на жизнь, улицу, на которой вы живете, как вас зовут — вообще все.

— И какой в этом смысл?

Он вопросительно посмотрел на меня: он сообразил, что разболтался, и задумался, а стоит ли. Я уже начал бояться, не заткнулся ли он совсем, но он продолжил:

— Я не знаю, что теперь со мной будет.

— Ничего с вами не будет. Я выйду отсюда, а вы станете на пару сотен богаче. Так какой смысл в этой добавке?

Он потер лоб пальцами, и я заметил, как тяжело он дышит.

— Ваш человек — врач. Или у него есть знакомый врач, помогающий ему. Или он слишком глуп. В любом случае пытаться регулировать действие Забывателя — дело чертовски деликатное. Рано или поздно научатся это делать, но пока еще нет. — Он странно улыбнулся. — Если он научился, он может стирать этой гадостью отдельные участки памяти, а промежутки заполнять этим растягивателем времени. Вот вам и смысл: вы можете заниматься тем, о чем вам даже думать противно. Это в случае, если он принимал его как надо, что невозможно. — Он неожиданно злобно посмотрел на меня. — Если это все...

— Не совсем. — Я покопался в кармане и нашел сверток из стодолларовой бумажки, в котором лежал порошок со столика Пэнси Гринлиф. Плата и упаковка сразу. — Посмотрите-ка это, — сказал я и протянул ему.

Его выпученные глаза пару раз перебежали с моего лица на конверт и обратно. Затем любопытство взяло верх, и он сунул порошок под микроскоп. Я перегнулся через стойку и стал смотреть. Он покосился на меня, потом начал листать толстенный справочник, лежавший на столе. Потом справился о чем-то у компьютера, потом сунул порошок в конверт из плотной бумаги и положил обратно на стойку. Сотня исчезла.

— На вашем месте я бы никому этого не показывал, — осторожно произнес он.

— Что это?

— Вычиститель. Запрещенный ингредиент. Спрячьте его подальше.

— Что он делает?

Количество морщин на его лбу удвоилось.

— Я расскажу вам про Вычиститель, но потом я хочу, чтобы вы забрали его и ушли. Я сделаю вид, будто думаю, что вам про него ничего не известно.

— Как вам угодно.

— Вычиститель — вещество, действие которого изучено очень плохо. Поначалу его

предполагали использовать примерно так же, как сейчас используют Забыватель. Но Вычиститель запретили, когда обнаружили, что он начисто стирает собственное «я» подопытных. Те, кто его принимал, продолжали жить, но по инерции. — Он поправил очки на носу. — Считайте это полной противоположностью deja vu — ничего и ни о чем вам не напоминает, в том числе о вас самих.

— Хорошенькая картинка.

— Рад, что вам понравилось. А теперь заберите его, давайте деньги и ступайте, пока я не позвонил в Отдел.

Я посмотрел ему прямо в глаза, и он зажмурился. Потом забрал конверт и сунул в карман. Порошечня неожиданно начала раздражать меня, а маленький, похожий на сову порошечник показался самым мерзопакостным, что мне довелось повидать за всю мою жизнь. Прежде чем мы оба осознали, что я делаю, я перегнулся через стойку и схватил его за ворот.

— Держите свои половинки денег, — сказал я, — а я сохраню свои. Ваша помощь мне скоро понадобится. А хотите вызвать Отдел — валяйте. По-моему, и вам, и мне ясно, что это не самая удачная мысль. До встречи завтра или послезавтра. — Я оттолкнул его от

стойки, застегнул плащ и вышел прежде, чем он успел что-то сказать.

Вернувшись в машину, я опустил стекло и с минуту посидел не двигаясь. Ветер посвистывал в вентиляционной решетке и шуршал упавшими на крышу листьями. Не могу сказать, чтобы настроение у меня поднялось. Мне вообще не очень нравилось вести дело, единственной зацепкой в котором пока оставались разные наркотики, принимаемые причастными к нему лицами. Я и сам в этом плане далек от идеала.

Я пошарил в кармане — просто чтобы убедиться, что не забыл новый флакон с порошком. Он был на месте. Вместе с Вычистителем. Долгую, очень долгую минуту я раздумывал, не попробовать ли мне его, потом достал конверт, открыл дверцу машины и высыпал порошок в сточную решетку.

ГЛАВА 16

Адрес, который Фонеблюм продиктовал мне по телефону, привел меня в холмы. Его дом располагался как раз на вершине одного из них. Дом впечатлял. Впрочем, подойдя поближе, я заметил по сторонам дорожки голубоватое свечение голографических проекторов, а стоило мне миновать луч, как дом растворился в ночи, а на его месте остался навес из гофрированной жести над уходящей под землю лестницей. Все это напоминало вход в подземку. Ступени были оклеены оранжевым синтетическим ковром, а стены сплошь исписаны неразборчивыми надписями. Фонеблюм быстро разочаровывал. Я мог бы остановиться и добавить что-нибудь от себя, но уже слегка опаздывал, да и на ум не пришло

ничего достойного увековечения. «Может, напишу на обратном пути», — подумал я.

Лестница вела вниз и упиралась в ярко освещенный бетонный пол. Сверху я видел только тень, отбрасываемую электрической лампочкой без абажура. Я спустился до половины лестницы, и в поле зрения оказалась пара ног, торчавших из-под стола. Ноги притопывали по полу в ленивом ритме. Я спустился вниз.

Парню за столом вряд ли было больше пятидесяти, но его лицо имело интенсивный красный цвет, словно все вены пытались вырваться из-под кожи. Раз обоняв его дыхание, я полностью разделял их чувства. Запах ударил мне в нос, и я чуть не задохнулся. «Если это сам Фонеблюм, — подумал я — наш разговор вряд ли продлится долго, а если нет — ясно, почему парня посадили на входе». От него не стоило ожидать проку в деле, ибо запах как личное клеймо выдал бы его заранее. Парень улыбнулся, от чего запах усилился, и я чуть не лишился чувств. Похоже, он обрадовался моему приходу, и я понял причину этой радости, когда мне в спину уперся ствол пистолета.

Пистолет находился в лапе кенгуру. Не отнимая его от моей спины, он другой лапой обыскал мои карманы. Добравшись

до кармана с флаконом, он вытащил его. Через плечо я видел, как он, наморщив в умственном усилии мохнатую бровь, силится прочесть рецепт. Чтобы избавить его от мучений, я выхватил у него флакон и сунул обратно в карман.

— Ничего, — сказал наконец кенгуру и, взяв меня за плечо, подтолкнул вперед.

Мне показалось, что он огорчился, не найдя повода лягнуть меня в живот.

— Отлично. — Человек за столом улыбнулся снова. — Отведи его вниз.

Кенгуру почти ласково взял меня за шею и повел в поджидавший нас лифт. Мы вошли и развернулись лицом к дверям, не обращая внимания друг на друга — ни дать ни взять обычные пассажиры обычного лифта, если не считать пистолета в его лапе. Осрамившись у меня в подъезде, кенгуру делал вид, будто я ему безразличен. Меня это вполне устраивало.

Мы медленно опустились этажа на два, а потом лифт со скрежетом остановился. Двери раздвинулись, и кенгуру выпихнул меня в комнату, игравшую в фонеблюмовом убежище роль гостиной.

Должно быть, убранство комнаты имитировало тот дом, что стоял когда-то на холме

и от которого теперь осталось только голографическое изображение. Вокруг весьма натуралистично выполненного камина полукругом стояла антикварная мебель. Возле камина даже лежали стопкой поленья, так что, как знать, камин мог быть и настоящим. Потолок украшала пышная лепнина, и все же меня не оставляло впечатление, что все это декорация к какому-то старому фильму, только выполненная качественнее обычного. На стенах висели шторы. Я понимал, что никаких окон за ними нет. Будь там окна, в них виднелись бы только земля да ходы земляных червей. Как стенд в классе биологии. Это было бы даже забавно, хотя вряд ли проектировщики имели в виду такой эффект.

— Спрячь-ка пушку, Джой.

Фонеблюм — на этот раз я не сомневался, что это и есть Фонеблюм, — вошел в комнату из спальни и выудил сигару из пепельницы на столе. Он поднес ее к носу, понюхал и аккуратно положил рядом с пепельницей. Его пальцы были пухлыми, но не лишенными изящества — свое суждение об остальных частях его тела я приберег на потом. Должно быть, под этой грудой мяса скрывался мощный скелет, но, если там и имелась хоть одна острая кость, найти ее я не смог бы. Он был

одет в футболку и брюки, казавшиеся на этой туше туго натянутыми парусами. Поверх этого пребывал необъятный свитер, а шею укрывал соответствующих размеров шарф, примотавший белоснежную бороду к монументальной груди. Высокий лоб, как ни странно, обрамляла неплохо сохранившаяся шевелюра; пышные брови интеллигентно кустились над глубоко утонувшими глазками. Но несмотря ни на что, он держал себя с достоинством, видимо, желая напомнить, каким он был когда-то, словно внутри этой чудовищной туши прятался стройный юноша.

— Ступай наверх, — бросил он Джою, и кенгуру беспрекословно направился к лифту.

Я продолжал стоять. Толстяк повернулся и одарил меня отеческой улыбкой.

— Присаживайтесь, мистер Меткалф.

Я сел в кресло, оставив Фонеблюму диван: он как раз подходил ему по размеру. Когда двери лифта за кенгуру задвинулись, толстяк обошел диван и, облокотившись на спинку, навалился на нее всей тушей, уронив конец шарфа на подушки.

— Вы говорили, нам есть о чем побеседовать? — Голос его отличался зычностью и легкой наигранностью, хотя тон оставался нейтральным.

— Пока что я почти за каждым углом натыкаюсь на вашего кенгуру, — ответил я. — Для начала хватит и этого.

— Вы — инквизитор.

— Совершенно верно.

— Вас не раздражают вопросы? Я с пониманием отношусь к тем, кто их не любит.

— Ничего. Вопросы — мой хлеб. С маслом.

Похожее на мясной пирог лицо снова осветилось улыбкой.

— Отлично. И я постараюсь помочь вам понять, с какой стороны на ваши вопросы мажут масло и кто его мажет. Видите ли, я живу достаточно долго, мистер Меткалф, чтобы помнить те времена, когда... впрочем, мои воспоминания вас утомят. Позвольте предложить вам выпить...

Я кивнул. С неожиданной для такой туши легкостью он поднялся с дивана и открыл шкафчик, полный янтарных бутылок и соответствующих стаканов. Не спрося моего согласия, он налил мне полный стакан того, что на поверку оказалось шотландским виски, и я взял его, не поблагодарив. Пока он устраивался на диване, я успел высосать почти половину.

— Джой отличается повышенным самомнением, — почти извиняющимся тоном

произнес он. — Он не хотел ничего плохого. Он старается услужить мне и вовсе не так глуп. Вот только слишком уж горячо берется за дело, никак не могу его отучить.

— Я всегда считал, что кукол не учат. Просто дергают за нити.

— О! Это не совсем верно, мистер Меткалф. Джой далеко не кукла, да и я предпочитаю быть кем-то посложнее кукловода. Ну, например, катализатором.

Он умел говорить — и это в наши дни, когда умеющих говорить почти не осталось. Я и сам умею говорить, но меня обязывает профессия. Фонеблюм занимался этим из чистой любви к искусству.

— Меня мало интересует, кем вы предпочитаете быть, — сказал я. — Вы послали Джоя заставить меня отказаться от расследования. Я заработал себе на этом сломанный зуб.

— Мне казалось, такие вещи входят в вашу профессию.

— Из этого не следует, что я должен их любить. Вы хотите, чтобы я отказался от дела. Почему?

— Меня совершенно не заботит это дело. Вы огорчаете людей, о которых я забочусь, поэтому я и прошу вас остановиться.

— Люди, о которых вы заботитесь. Кто они?

— Доктор Тестафер, Челеста Стенхант и дети с Кренберри-стрит.

— В настоящий момент на Кренберри-стрит только один ребенок, Фонеблюм, и тот котенок. Люди, о которых вы, по-вашему, заботитесь, — это та самая компания, что меняется в лице при одном упоминании вашего имени.

Это немного укоротило его. Его брови сомкнулись и скептически приподнялись на обширном лбу — похоже, в условиях, когда остальная часть тела остается инертной, они компенсируют это своей экспрессией. Он поднял свой стакан и отпил, обдумывая ответ.

— Моя жизнь сложна, — пожаловался он. — Инквизиция отняла у меня большую и любимую часть моей собственности. Вся моя жизнь прошла в отрыве от общества. Я изо всех сил стараюсь сохранить хрупкие связи между тем, что было, и тем, что стало, но — увы! — часто мне это не удается... — Он прикрыл глаза, словно от душевной боли.

Актер из него был никудышный. Из меня тоже не ахти какой, но из него — совсем никуда.

— Доктор Тестафер назвал вас гангстером, — сказал я. — Он ведь тоже немолод...

— Доктор Тестафер может не принимать мое участие, — сердито перебил он, — но, по-

верьте, он живет только благодаря моей любезности.

Я забросил крученый мяч.

— Я был там сегодня вечером. Кто-то зарубил его овцу.

Фонеблюм встрепенулся. Он выпрямился и отставил стакан.

— Не беспокойтесь, — утешил я его. — Они повесят это на Энгьюина. На то есть приказ.

— Вы теряете клиента, — заметил он.

— Именно так. Возможно, цели у вас и у Отдела полностью противоположны, но, с моей точки зрения, и вы, и они в выигрыше оттого, что его подставили.

— Я никогда не встречался с Энгьюином.

— И не встретитесь. Его время вышло. Вы с Отделом пируете за его счет.

— Тогда позвольте спросить, какой вам смысл продолжать расследование?

— Я любопытен. Я вижу, что обвинение шито белыми нитками. И если я найду, за какую нитку потянуть, все это может обрушиться на вас.

— Прекрасное сравнение. Желаю вам удачи. Уж не думаете ли вы серьезно, что Отдел заинтересуется вашими подозрениями после того, как сам закрыл это дело? Кстати, как у вас с кармой?

— Моя карма вас не касается. Мне хватит.

— Ну-ну. — Он снова взял стакан и философски вздохнул — он мог себе это позволить. — Вы напоминаете мне меня самого. Таким, каким был когда-то. Даже сейчас мы не очень отличаемся друг от друга. Оба нетерпеливы — только вы еще и упрямы. Никакой гибкости. Компромиссы ведут к силе, к власти. А ваш характер не доведет вас до добра.

— Но ведь не я живу под землей, Фонеблюм.

— Вот-вот. Очень вы любите рычать. Это пугает.

— Мне не нужно рычать, чтобы запугать Челесту Стенхант, — возразил я. Я хотел вернуть разговор ближе к делу, к уликам, если их можно так назвать. — Она панически напугалась, приняв меня за одного из ваших парней. Что вы имеете против нее?

— Вы неправильно понимаете наши взаимоотношения. Я познакомил Мейнарда Стенханта с его будущей женой. Можно сказать, их союз — моих рук дело. Челеста очень забывчива, но обязана мне многим, и, надеюсь, она еще вспомнит об этом.

— Творение ваших рук под конец никуда не годилось. Стенхант нанимал меня следить за Челестой, когда она сбежала на Кренберри-стрит.

— Да, — мрачно согласился он. — Она такая. Нам все время приходилось приглядывать за ней.

— Пэнси Гринлиф — ее подружка?

Его брови почти завязались в узел.

— Нет, нет. Ничего такого. Просто друг семьи.

— Еще один друг, живущий только благодаря вашей любезности?

— Как вам будет угодно считать.

— Ну, малютке Пэнси ваша любезность не идет впрок. Я обнаружил ее в отключке после дозы запрещенного порошка. Чего-то под названием Вычиститель — для тех, кому недостаточно просто забывать. Если верить порошечнику, с которым я беседовал, Пэнси чистит свою голову изнутри словно тыкву на Хэллоуин.

— Ее брат совершил убийство. Я могу понять, почему она хочет...

— Ага, — перебил я. — Кстати, кто снабдил ее этим зельем?

— Вы меня в чем-то обвиняете?

— Как вам угодно считать.

Он улыбнулся и отпил еще из своего стакана. Я использовал паузу, чтобы распрямить спину и перевести дыхание. Мне это было очень кстати. Я не привык к встречным рас-

спросам. Вдобавок я ощущал себя неуютно в этом подземном доме. Я вспомнил о кенгуру и вонючем парне, ожидающих в ярко освещенной бетонной камере, и подумал, так ли легко будет выбраться из этой дыры, как я попал внутрь.

— Я не нюхаю порошок, — заявил Фонеблюм, сделав еще глоток. — Тем более не поставляю его. Мне не первый год известно про пристрастия Пэнси. Жаль, конечно, что она села на иглу, но я знаю, что не в силах остановить это. А вы нюхаете? Сам я никогда этого не понимал.

— У меня есть состав на случай необходимости. — Я выругал себя за то, что сказал это, будто оправдываясь.

— Отдел и изготовление порошков для меня почти одно и то же, — сказал он. — Порошок — это средство контроля над людскими массами. Он ограничивает их способность к сопротивлению, вы со мной не согласны? Вам кажется, что вы одиночка, борец за истину в мире лжи, и тем не менее сами покупаетесь на самую страшную ложь. Вы втягиваете ее носом и позволяете ей попадать в вашу кровь.

— Пошли вы знаете куда?

— Фу!

— Давайте поговорим о деле, — сказал я.

Инициатива в разговоре безнадежно от меня уплывала. Кроме того, Фонеблюм напомнил мне о том, что мне не помешало бы принять понюшку-другую, хотя я не видел для этого подходящей поверхности.

— Вы знакомы с Пэнси несколько лет. Кто отец ребенка?

— Не имею ни малейшего представления.

— Кто заплатил за дом? Это ведь дорогой район.

Он снова вздохнул.

— Вы заставляете меня касаться не самых приятных подробностей, мистер Меткалф. В свое время Пэнси Гринлиф работала на меня. Я помог ей приобрести недвижимость на Кренберри-стрит два с половиной года назад.

— Два с половиной года назад. Как раз тогда Челеста вышла за Стенханта.

— Правда? Как занятно.

— Ага. Занятно. Челеста с Пэнси уже тогда были подругами?

— Я рекомендовал Пэнси на работу в офисе Мейнарда, — объяснил Фонеблюм. Это начинало смахивать на импровизацию, но его искусство рассказчика компенсировало логические погрешности. — Тогда это не получилось, однако женщины остались дружны.

— Несколько лет назад офис не принадлежал Мейнарду Стенханту, — поправил я. — Он принадлежал доктору Тестаферу. Насколько я понял, вы помогли в этой передаче.

— Разумеется.

— Какое вам дело до их практики? Что вы с этого имели?

— Я пользуюсь услугами врачей, — ответил он.

Я ждал, что он продолжит, но он молчал.

Я допил стакан и поставил его на пол между нашими ногами.

— Вы говорили о детективе, который понял намек лучше, чем я.

— После того как вы отказали Мейнарду в услугах, он обратился ко мне, чтобы я нашел ему кого-то для слежки за Челестой. Я нанял другого специалиста, чтобы тот начал с того места, с которого ушли вы. Мейнард предоставил выбор мне: после неудачи с вами сам он не хотел видеться с новым детективом, так что я ему в этом помог.

— Как его зовут?

— У меня есть подозрение, что вы собираетесь побеспокоить его.

— Совершенно верно.

— Видите ли, он занимался делом совсем недолго. Его уволили за шесть дней до убийства.

— Отлично. Так как его зовут?

Толстяк хихикнул.

— Не вижу, с чего бы мне называть его вам.

— Очень просто. Я так и так узнаю. Или вы сами назовете его, или мне придется побеспокоить ваших протеже.

— Отлично. Знаете, мне даже нравится оставлять вас в убеждении, будто ваши угрозы меня трогают. Нет, вы мне решительно симпатичны. Его зовут Уолтер Сёрфейс. Но вы обнаружите, что ему ничего не известно.

— Мне все-таки любопытно. Кто следил за Челестой после Сёрфейса?

— После двух неудач я смог убедить Мейнарда в бесполезности слежки со стороны. Он попросил, чтобы за ней приглядывали мои люди, и я согласился. Вот и все.

— Кто-нибудь следил за ней в момент убийства?

Фонеблюм помрачнел. Я задел его за живое, хотя не знал как. Он надул щеки, потом спустил их, как сдутые шарики. Свободной рукой он теребил бороду, а брови так и порхали по лбу.

— Увы, нет, — мягко произнес он. — У нас нет записей ее выходов.

Может, убийство совершено все-таки Челестой? Может, Фонеблюм пытается прикрыть ее? Версия не внушала доверия, но другой у меня не было.

— Что делал Стенхант в «Бэйвью»? — спросил я.

— Хотелось бы мне знать.

— Вас еще не допрашивал Отдел? Вы ведь в этом деле по уши.

— Отдел меня не допрашивал, — невозмутимо ответил он, и мне показалось, что он говорит правду. — Так или иначе, мои руки чисты. Думаю, это понятно даже вам.

— Непохоже, чтобы вы боялись Отдела — и все же тогда в разговоре вы подпрыгнули при упоминании Моргенлендера. Чем он отличается?

— Моргенлендер — чужак. Этакий крестоносец, только его здесь не хватало.

— Вы сами себе противоречите, Фонеблюм. Отдел либо друг вам, либо нет. Но не то и другое одновременно.

— У нас с Отделом взаимопонимание. А иконоборец вроде Моргенлендера угрожает стабильности. Он сует нос в дела, которые ему вовсе незачем знать. Вроде вас.

— Спасибо. Я испытываю мгновенное чувство признательности к парню, давшему мне в зубы.

— Вы ворчун, мистер Меткалф. Мне казалось, такие оказии для вас уже в порядке вещей.

Я слишком устал, чтобы придумать достойный ответ. Я подобрал стакан и встал из кресла.

— Виноват, — спохватился Фонеблюм. — Мне стоило предложить вам еще.

— Нет, спасибо. Я пью на пустой желудок. — Я поставил стакан на полку к бутылкам и вытер влажную ладонь о штаны. — Я думаю, не стоит больше вас задерживать. Простите за беспокойство.

— Минуточку. Как вы думаете, почему я позволил вам допрашивать меня?

— Так скажите.

— Вы мне нравитесь. Я верю в чистоту ваших намерений. Мне приятно избавить вас от неприятностей. Откажитесь от дела, и я прослежу, чтобы вашу недостающую карму возместили. У этого дела нет будущего, мистер Меткалф. Никакого будущего.

— Вам нравится смешивать угрозы с посулами, Фонеблюм.

— Я никому не угрожаю. Я только хочу возместить нанесенный ущерб.

— Ущерб, нанесенный Энгьюину, вот-вот сделается невосполнимым. За его телом никто не будет следить. Он затеряется в недрах морозильника и сгинет навсегда.

Фонеблюм странно улыбнулся. Мне вновь показалось, будто я затронул что-то, не знаю

что, и Фонеблюм не может ответить мне прямо.

— У вас очень циничный взгляд на нашу пенитенциарную систему, мистер Меткалф, — мягко произнес он. — Циничный и несколько наивный. С чего вы взяли, что тела без присмотра остаются замороженными?

— Вы имеете в виду невольничьи лагеря? — переспросил я и вздрогнул.

Надеюсь, он этого не заметил. Мне показалось, что Фонеблюм просто не в силах совладать с собой, чтобы не побахвалиться хоть немного.

— Да.

— До меня доходили эти слухи. — Я немного оправился. — Что до меня, я не вижу особой разницы между заморозкой и псевдожизнью с блоком раба под черепом. Впрочем, если мне доведется увидеть Энгьюина, я спрошу, что он предпочитает, и передам вам ответ. Может, вы подсобите.

Я готов был уходить и собрался уходить. Я уже стоял перед дверьми лифта и только тут заметил, что на том месте, где положено находиться кнопке, расположена замочная скважина.

— С вашей стороны невежливо предполагать, что я могу подсобить вам в этом, — сказал Фонеблюм почти весело. Но когда я обер-

нулся, он больше не улыбался. — Впрочем, я мог бы этого от вас ожидать. Вы абсолютно невоспитанны.

— Спасибо.

— И теперь вы хотите уйти.

— Совершенно верно.

— Мне хотелось бы услышать от вас, что вы бросаете дело.

— Мне хотелось бы сказать это.

Фонеблюм нахмурился. Он поднял телефонную трубку и нажал на единственную кнопку.

— Да, — произнес он почти сразу же. — Пошлите Джоя вниз, мистер Роуз. Наш гость готов уходить.

Он положил трубку на место.

— Пожалуйста, угощайтесь, пока он спускается.

У меня не было возможности отказаться. Лифтовые двери за моей спиной разошлись, и прежде чем я успел повернуться, что-то тяжелое и твердое ударило меня по затылку. Я успел еще подумать: кенгуру нашел-таки возможность отплатить. Потом пол изогнулся, охватывая мою голову, а ворсинка ковра оказалась у меня в ноздре. Ощущение было любопытным.

ГЛАВА 17

Я пришел в себя, сидя в машине. Я не могу благодарить их за это. Ключи оказались не в том кармане, из чего я заключил, что они обыскали меня с ног до головы. Во всем остальном могло бы показаться, что я просто уснул в машине, когда бы не боль в затылке и звон в ушах.

Я был один. Я осторожно покрутил головой, проверяя шею, потом выглянул в окно. Голографический дом все стоял тихо и торжественно такой, каким я увидел его в первый раз. С тех пор я познакомился кое с какими его секретами, но на внешности дома они не отражались. Если повезет, этот голографический дом будет стоять на холме и после

конца света, такой же тихий и торжественный. Эта мысль почти успокаивала.

Я посмотрел на часы. Девять. Я провел два часа с Фонеблюмом, да еще около получаса без сознания в машине. Мне хотелось есть и хотелось понюшки, а потом, возможно, выпить — я пока не знал точно. Мне нужно было обдумать все, что я узнал от Фонеблюма, и определить, что это мне дало. Все дело было с ног до головы в отпечатках пальцев толстяка, и все равно я не видел никаких явных поводов для убийства.

Все, что я знал, так это то, что мне необходимо вернуться на два с половиной года назад, когда Челеста повстречала Мейнарда Стенханта, а Пэнси Гринлиф получила ребенка и дом. То, что случилось тогда — что бы это ни было, — заложило основу всего, что происходило потом.

Кроме того, мне стало любопытно, чем же именно промышляет Фонеблюм. В случае, если Вычистителем Пэнси снабжает именно он, это может объяснить одну из линий его влияния. И если у него действительно такие шашни с Отделом, мне необходимо знать точно — для безопасности.

Остальные, куда более важные вопросы так и остались без ответа. Что делал Мейнард Стенхант в этом номере? Я бы посмеялся над собой, да только мне сейчас не до смеха.

Еще минуту я помассировал затылок, потом завел машину и бесцельно поехал вниз. У меня сложилось ощущение, что дома меня будут ждать инквизиторы, а я был не совсем готов к встрече с ними. Они захотят получить ответы, которых у меня нет, — ответы на вопросы, которые я предпочел бы задавать сам. Я оставил им Энгьюина на блюдечке с голубой каемочкой, но даже так вряд ли все пройдет гладко.

Что-то имелось между Моргенлендером, Фонеблюмом и сферами их влияния, и, пока я не выясню, в чем же тут дело, мне лучше держаться подальше от Отдела. Насколько я знал механизм Отдела, они используют убийство овцы как последний гвоздь в гроб Энгьюина, и все равно мне лучше подождать до утра и официальных сообщений по радио. Закрытое дело будет труднее расследовать. Ничего, бывало и хуже.

Все подсказывало мне, что лучше всего провести некоторое время у себя в офисе. Я смогу заказать сандвич, и пропустить понюшку-другую, и подождать, пока сторожевые псы у меня дома устанут и уйдут спать.

Если инквизиторы захотят найти меня, они меня найдут — скрываться я не собирался, только отдохнуть. Мне нравилось в офисе ночью: прохладно, темно и — главное — никакого дантиста. Может, там мне будет думаться лучше.

Мне бы давно усвоить, что ничего так просто не бывает. Еще выходя из лифта, я уловил запах духов, и по мере моего приближения к двери запах усиливался. В коридоре никого не было, но дверь в приемную оказалась не заперта, и там на диване сидела, закинув ногу на ногу, Челеста Стенхант. Должно быть, я застал ее врасплох, поскольку она поспешно спустила ноги на пол и оправила юбку. Какая разница. У меня неважная зрительная память, но ее колени и пара соблазнительных дюймов повыше колен великолепно запомнились за то короткое мгновение, пока я входил. При необходимости я мог бы даже нарисовать их.

— Меткалф, — сказала она, и сказала так, словно уже давно повторяла это слово.

— Как вы вошли?

— Я пришла раньше.

— Дантист...

— Да. Не сердитесь.

— Я не сержусь, — сказал я, пересек комнату и отпер дверь в офис. — Я устал и голо-

ден, и у меня голова трещит. Я устал от разговоров.

Она вошла следом за мной.

— Пэнси сказала, вы были у нее дома.

— Верно. Заезжал по делу.

Я сел за стол, протер деревянную поверхность рукавом, достал новый флакон порошка и высыпал добрую порцию. Я давал Челесте понять, что в данный момент она не находится в центре моего внимания. Она молча сидела в кресле по ту сторону стола и ждала, пока я нанюхаюсь.

— Голодны? — спросил я.

Она мотнула головой так, будто вопрос напугал ее. Я позвонил вниз и заказал пиццу. Мне пришлось поспорить, чтобы они согласились положить грибы в маленькую пиццу, но в конце концов они уступили. Я отодвинул телефон, откинулся в кресле и стал наслаждаться ощущением, производимым зельем. Словно смотришь на мир сквозь розовато-кровавую пелену. Челеста уселась поудобнее и в конце концов снова закинула ногу на ногу, что быстро переключило мое внимание на нее.

— Где вы были, когда я заезжал к вам? — спросил я.

— Вы задаете слишком много вопросов. Я пугаюсь.

— Попробуйте ответить на один. Я слышал, это помогает.

Она посмотрела на меня.

— Я... мне позвонил Гровер Тестафер. Мы встречались за ленчем.

— Зачем?

— Он хотел поговорить о своей практике — насчет доли Мейнарда. Он хотел поговорить о брате Пэнси и о вас...

— Вы выигрываете что-нибудь от смерти Мейнарда?

Она резко глянула на меня, и я на мгновение увидел перед собой ту волевую женщину, с которой впервые встретился на Кренберри-стрит. Потом она снова пригладила перья, и ее голос зазвучал спокойно, как всегда.

— Не совсем. Мне, наверное, надо будет обратиться к адвокату. Я не хочу иметь к этому отношения. У Мейнарда был стабильный доход, но мало расходов...

— Звучит так, будто вы неплохо в этом разбираетесь.

— Я не разбиралась, пока Гровер не просветил меня сегодня.

Я прикинул хронологию. Гровер был дома, пугая меня своим электропистолетом в одиннадцать — а ко времени, когда я подъехал на Кренберри-стрит, Пэнси Гринлиф уже валялась одна, накачавшись Вычистителя.

Это означало, что Тестафер сможет ссылаться на Челесту в качестве алиби по убийству овцы. Это означало также, что Челеста была где-то, занимаясь чем-то еще, перед ленчем с Тестафером.

Ход моих мыслей был прерван стуком в дверь. Я крикнул, что открыто, и мальчишка-разносчик из пиццерии с белой картонной коробкой вошел и положил ее на стол. Пока я рылся в карманах в поисках чего-нибудь мельче энгъюиновых сотен, он не сводил взгляда с Челесты Стенхант. Я заплатил, и он отчалил. Пицца была горячей, но, судя по корочке, ее подогревали второй раз, а грибы были не втоплены в сыр, а просто накиданы сверху. Я откусил пару раз и отложил ее обратно, потеряв к ней интерес.

— Ну, что вам? — спросил я. — Дело закрыто.

— Я... я не знаю, как это делается, — ответила она. — Я хочу нанять вас.

— Это еще зачем?

— Я не верю, что Мейнарда убил брат Пэнси. Мне страшно. — Она растянула последнее слово так, чтобы оно включало в себя все возможные двусмысленные обещания. — Мне нужна ваша защита.

— Вы обращались в Отдел?

— Не понимаю.

— Энгьюина обвинили во всех смертных грехах. Если бы вы заявили Отделу, что считаете его невиновным, это могло бы возыметь некоторое действие. В конце концов вы жена.

— Я вдова. — Она улыбнулась, но невесело.

— Вдова, — повторил я. — И вам нужна защита. От кого?

— От того, кто убил Мейнарда. Мне кажется, вы единственный, кто еще хочет найти его.

— Жаль, но я теряю к этому интерес. Слишком уж результаты не окупаются.

Мне пришлось разыгрывать циника. Мне нужны были ее деньги, и по возможности больше, и она, как и я, знала об этом.

Ее голос снова завибрировал — похоже, она включала этот эффект при необходимости.

— Если вы не хотите помочь...

— Сначала вам надо рассказать все, что вам известно. Отвечайте на мои вопросы. Считайте это проверкой. И если у вас все получится, обсудим условия.

— Я расскажу вам все, что знаю.

— Постараюсь не смеяться над этим. Ладно, отвечайте. Что такого сделала Пэнси

Гринлиф, что ей достался в качестве платы дом на Кренберри-стрит?

Челеста улыбнулась мне, но я не улыбнулся в ответ. Она сглотнула и ответила:

— Она работала на Денни Фонеблюма. Он купил ей дом. Он любит проявлять заботу о людях.

— Что она делала для него?

— Я не знаю.

— Он снабжает ее наркотиками.

— Мне не хотелось бы показаться глупой, мистер Меткалф, но мне казалось, наркотики продаются свободно. Их покупают в порошечнях.

— Не тот сорт, что употребляет Пэнси. Говорите, Челеста.

На этот раз она смотрела на меня без улыбки, а многозначительные намеки в ее тоне совершенно исчезли.

— Он дает их ей. Он убьет меня, если узнает, что я вам сказала.

— Я это и без вас знаю.

— Для Денни это не имеет значения. Уже одно то, что я рассказала вам что-то...

— Его деньги идут отсюда?

— Я... я почти ничего не знаю про его дела. Так спокойнее.

Я снял с пиццы гриб и положил его в рот.

— Давайте-ка сменим тему. Вы вышли за Стенханта, Фонеблюм купил Пэнси дом, доктор Тестафер оставил практику — все это произошло одновременно. Что случилось два с половиной года назад?

Она подумала.

— Когда мы с Мейнардом решили пожениться, Гровер решил, что может уйти на пенсию и передать практику — он давно уже собирался это сделать. Мейнард не давал ему определенного ответа, пока не обзавелся семьей.

— А что с Пэнси?

— Вы придаете слишком большое значение случайным совпадениям. Тут нет никакой связи. — Она произнесла это твердо, но ей было явно не по себе.

— Чем вы занимались до встречи с Мейнардом?

— Я... я жила на Восточном побережье.

— Ну и как там?

— Простите?

— Я спросил, ну и как там? Не отвечайте, если не знаете, как ответить.

Она удивленно подняла глаза. Я встал со своего места, подошел к двери и распахнул ее.

— Ступайте домой, Челеста. Вы продолжаете врать. Мы попусту теряем время.

Она встала, но не для того, чтобы уходить. Она прилепилась ко мне наподобие большой, в человеческий рост переводной картинке, активно ища точки соприкосновения по всей поверхности и воздействуя на них до тех пор, пока они не среагировали. Ее рот слился с моим, и аромат ее заполнил мои ноздри. Она обвила мою шею руками и приподнялась на цыпочки, чтобы дотянуться до моего лица. Нас разделяли два или три слоя одежды, но, клянусь, я ощущал, как ее соски считают мне ребра и горят на моей груди. Мои руки вылезли из карманов и охватили ее за выпуклые ягодицы, прижимая ее бедра к моим и заставив ее язык еще глубже залезть мне в горло.

Я ощутил между нашими животами что-то твердое вроде колбасы или отвертки, и на короткий момент подумал, что у нее там пистолет. Правда, потом сообразил, что этот абсурдный предмет не что иное, как мой собственный пенис, не воспринимаемый мной чувственно, но физически никуда не девшийся и совершенно возбужденный. Все, что я чувствовал, это обычное женское возбуждение — словно зацепление мягких, медленно вращающихся шестеренок. Возможно, я смог бы при желании заняться с ней любовью, хоть и не почувствовал бы того, что, по ее

мнению, должен был бы чувствовать. Мысль об этом, возможно, подействовала на меня настолько очевидно, что она спрятала свой язык, отступила на шаг и удивленно посмотрела на меня.

— Конрад...

Я не произнес ничего. Поцелуй потряс меня больше, чем мне хотелось бы. Он швырнул меня в давно ушедшее время, когда мои шляпу, плащ и имя носил кто-то совсем другой. Челеста наполнила меня желанием, хотя на деле я жаждал вовсе не Челесты. С Челестой я никогда не смогу вернуть то, что мне нужно. Возможно, этого вообще не вернуть, а возможно, и нет, во всяком случае, не с Челестой.

Все, что она могла, — это разбудить разочарование и гнев. Прижимаясь к Челесте бедрами, я отчетливо понял, что ее возбуждает опасность, а если и не опасность, то что-то столь же извращенное. Мне вдруг захотелось ударить ее так же сильно, как только что хотелось трахнуть, и, возможно, она этого тоже хотела, если действительно хотела хоть что-нибудь.

И я ее ударил. Возможно, это я умею делать лучше, чем то, другое. Я наотмашь ударил ее по губам тыльной стороной ладони — меня столько раз били так, — и она в

ужасе попятилась, пока не упала в пыльное кресло в углу. Я вернулся к столу, сел и уронил голову на руки.

Минуту спустя она поднялась и подошла к столу. Я думал, она собирается ударить меня, но вместо этого она достала деньги и швырнула их мне.

Я посмотрел сквозь пальцы. Две тысячи долларов, четырьмя бумажками по пятьсот.

— Отлично, — произнесла она. — Теперь я понимаю. Вы точно крутой. Вы защитите меня. Я знаю, что защитите.

— Я не крутой, — возразил я. — Вы не понимаете.

— Возьмите деньги.

— Я не сдаюсь внаем, — сказал я. — Я пока работаю на остатки платы Энгьюина. До тех пор, пока они не закончатся, я занят.

Она смолчала. Я выдвинул ящик, достал сигареты, сунул одну в рот и протянул пачку ей. Она помотала головой. Я прикурил и сделал глубокую затяжку. Дом вокруг нас был неестественно тих, и ночь за окном, казалось, отрицает само существование города. Однако под темным покрывалом город продолжал жить. Разобщенные создания спешили в темноте, направляясь к одиночеству: в пустые гостиничные номера, навстречу смерти.

Никто не останавливал их, чтобы спросить, куда они спешат, — никого это не интересовало. Никого, кроме меня, странного создания, задающего вопросы, самого презренного из всех созданий. Я был настолько глуп, что мне показалось: в тишине, опустившейся на городское горло бархатной перчаткой, есть что-то ненормальное.

Я оторвался от окна и посмотрел на Челесту. Она потерянно стояла у стола, прижав руки к груди, словно школьница. Когда она заметила, что я смотрю на нее, ее взгляд стал тверже, а губы безмолвно сжались.

— Чего вы страшитесь? — спросил я снова.

Она посмотрела на меня широко открытыми глазами, и на мгновение ее маска исчезла, и она стояла передо мной, нагая и искренняя, и в эту секунду мне снова хотелось обнять и поцеловать ее, но секунда прошла, и она снова оделась в броню цинизма.

— Я не боюсь ничего.

— Ясно.

Она подобрала деньги со стола и, скомкав, сунула в карман.

— Не знаю, зачем я приходила.

— Мне кажется, это относится к нам обоим.

— Обоим? Мы никогда не будем вместе.

Она знала, что это неплохая фраза под занавес, и повернулась к двери. Я не видел смысла удерживать ее. Она хлопнула дверью, и я услышал удаляющееся цоканье ее каблуков в тихом коридоре.

Я вернулся к пицце, но сыр застыл. Я выковырял еще несколько грибов, выключил свет и вернулся в машину.

ГЛАВА 18

Дома меня ждали инквизиторы Корнфельд и Телепромптер. Я огляделся по сторонам в поисках Моргенлендера, но его не было. Квартира выглядела как обычно — если они и устраивали обыск, то делали это аккуратно, — а Энгьюин исчез без следа. Инквизиторы оставили на диване вмятины в местах, где сидели, но, когда я открыл дверь, они стояли. Вмятины располагались далеко друг от друга, исключая их тесный контакт, — если Корнфельд и Телепромптер и развлекались друг с другом, они делали это в свободное от работы время, во всяком случае, не на выезде. Я бы предпочел думать, что Кэтрин Телепромптер вообще не путается с клоунами из Отдела, впрочем, это не мое дело.

— Поздновато, — произнес Корнфельд преувеличенно шутливо. — Работа?

— Не совсем, — ответил я.

Я устал — устал, несмотря на свежую дозу порошка, так что у меня не было настроения трепаться. С Кэтрин я бы еще поговорил, но Корнфельд разнообразия ради собирался взять это на себя.

— Ты где-то был, — заявил он. — Мы ждем тебя с восьми.

— Спасибо, теперь у моего жилища обжитой вид. Мне нравится.

— Тебя ведь предупреждали, чтобы ты не занимался этим делом. И не раз.

— Меня предупреждали, чтобы я не занимался этим делом больше, чем вы думаете. Мне это даже надоело.

Дверь оставалась открытой. Корнфельд обошел меня и закрыл ее.

— Мы хотели поговорить не о деле. Дело закрыто. Мы хотим сообщить тебе, что Ортон Энгьюин лишен кармы и на этом всему конец.

— Отлично. — Я отвернулся от Корнфельда и посмотрел на Кэтрин Телепромптер.

Вне стен Отдела она казалась меньше ростом и не столь неприступной, но от этого мне не меньше хотелось стиснуть ее в объятиях — просто это казалось более возможным.

На этот раз ее черная грива была схвачена заколкой, что позволяло мне любоваться ее шеей. Когда наши глаза встретились, она открыла рот, но ничего не сказала.

— Есть и еще одно дело, — произнес Корнфельд у меня из-за спины. — Мне нужна твоя карта.

— Кому принадлежит честь раскрытия дела? — спросил я, роясь в кармане в поисках карты. — Моргенлендеру?

— Моргенлендера сняли с расследования сегодня днем, — сообщил Корнфельд. — Он плохо разбирался в нашей специфике. Зря его вообще сунули сюда.

Я протянул ему карту. Корнфельд взял ее и сунул под магнит. Я ожидал, что они восстановят мой уровень до приемлемой отметки по случаю закрытия дела. Своего рода плата за то, что я проглотил их интерпретацию событий, не особенно возникая. Красная лампочка на магните мигнула, и он провел им над картой, потом вернул ее мне.

— Сколько?

— Тебе сняли до двадцати пяти единиц, Меткалф. Твое досье пересматривается. И не задавай мне больше вопросов, пока я не сунул тебя в это мордой.

Это сразило меня наповал. Я сунул карту в карман и сел на диван, равнодушный к Кэтрин Телепромптер, забыв про дело. Моя карма не опускалась так низко с тех пор, как я ушел из Отдела. Мне стало дурно. Я убеждал себя в том, что это обычное запугивание, что карма на самом деле ничего не значит, что мне вполне достаточно минимума, чтобы свободно ходить по улице — я убеждал себя во всем этом, и все равно ощущал противную пустоту в желудке. Я почувствовал, как пересыхает во рту язык.

Кэтрин прошла мимо меня, словно мимо разбитой машины, и стала рядом с Корнфельдом у двери. Мне едва хватило духу поднять глаза. Корнфельд не отпускал дверную ручку, но не собирался уходить и смотрел, как я корчусь на диване. Когда наши глаза встретились, он ухмыльнулся.

Я недооценил его. Мне-то казалось, что тот, кто начинает бить тебя в лифте, вряд ли имеет что-либо еще в запасе. Например, я не представлял себе, что он умеет улыбаться, тем более в такой не самой веселой ситуации.

— Ты большой человек, Корнфельд, — произнес я. — Но не настолько большой, чтобы не уместиться в фонеблюмовом кармане. Он знает, как держать вас. Тебя и кенгуру.

— Что ты такое несешь?

— Не больше, чем несешь ты. От всего этого разит Фонеблюмом, состряпавшим все дело на скорую руку. Только это шито белыми нитками. — Я начинал приходить в себя — по крайней мере моя склонность к метафорам уже включилась. — Ты выставлял Моргенлендера как ширму, и даже он понял, что тут нечисто. Так что то, что ты сделал с моей карточкой, только показывает, как ты боишься.

— То, что я сделал с твоей карточкой, приказ сверху, — спокойно ответил Корнфельд. — Я не принимаю решения по карме. Ты должен бы это знать.

— Не смеши меня. Ты инквизитор при исполнении. Моргенлендер отставлен: ты же сам мне сказал.

— Решение принималось еще выше. Не моя забота, если ты забыл правила игры, Меткалф. Их пока не меняли.

Я посмотрел на Кэтрин. Она не отвернулась, но заморгала, чтобы снять напряжение.

— Слышали? — спросил я ее. — Это всего лишь игра. Не расстраивайтесь из-за этого. Я просто забыл правила.

Она продолжала молчать.

— Как это вас угораздило выезжать в обществе Корнфельда? Разве вы не в дневной смене?

— Я интересовалась делом, — ответила она.

Я не удержался от улыбки. Казалось, она хочет сказать что-то, но не может при Корнфельде — а может, я принимал желаемое за действительное. Последовало полминуты напряженного молчания, потом она открыла дверь и вышла. Корнфельд снова закрыл дверь.

— Я еще не забрал твою лицензию.

— Спасибо и на том.

— Нет. Ты не понял. Я не забрал, но собираюсь. Давай ее сюда.

Я отдал ему лицензию. Он сунул ее в карман к магниту и поправил воротник. Потом бросил на меня торжествующий взгляд — я так понял, что он надеялся, в последний раз, — пожал плечами и потянулся к двери.

Я почти позволил ему уйти, Богом клянусь. Но что-то всколыхнулось во мне, я вскочил с дивана и вцепился в него, схватив его за только что поправленный воротник и прижав к двери локтями. Его лицо покраснело, и рот приоткрылся, но он почти не дергался, и изо рта у него не вырвалось ни звука. Большим пальцем я ощущал биение его пульса на шее.

— Я верну тебе все, что ты со мною сделал, с процентами, — прохрипел я. — Я тебя на части разорву, обещаю.

Подобные угрозы могли обойтись мне в остаток кармы, но я сомневался, что он пой-

дет на это прямо сейчас. Это не в стиле работы Отдела, а Корнфельд соответствовал этому стилю с головы до пят. Мне дадут проспать ночь, и только утром в дверь постучат.

И к тому же, как ни ненавидел меня Корнфельд, я не думал, чтобы он действительно хотел лишить меня кармы. Он просто не мог себе такого позволить. Результатом стало бы официальное расследование, и это в момент, когда ему откровенно не терпелось свернуть все, прежде чем кто-нибудь захочет приглядеться к делу повнимательнее. Так что держать его за воротник было просчитанным риском, хотя в момент, когда я сделал это, я его еще не просчитал.

— Дурак, — сказал он, задыхаясь.

— Шутки прочь, — сказал я и сжал его шею посильнее. — Думаешь, мне нужны твои комментарии?

— Пусти меня.

— Отдай лицензию. — Я нажал пальцем на болевую точку на шее. — Ее могут забрать, только для этого придется посылать кого-нибудь покрепче тебя.

Он достал ее из кармана. Я отпустил его и взял лицензию у него из рук. Он потер шею и пригладил волосы, в глазах все еще оставался испуг.

— Наслаждайся ею, пока можешь, Меткалф, — произнес он. — Не думаю, что это надолго.

— Пошел ты...

Корнфельд открыл дверь и вышел. Я слышал, как он говорит что-то Кэтрин Телепромптер приглушенным голосом, потом их шаги по лестнице, потом шипение гидравлического цилиндра входной двери. Я опустил глаза. Мои пальцы оставались скрюченными, словно я все еще держал Корнфельда за горло. Я распрямил их.

И тогда я сделал выбор. Никто, кроме меня, не доведет это дело до конца. Я найду ответы на все свои вопросы, старые и те, что еще появятся, и я еще увижу, как Ортон Энгьюин выйдет из морозильника. И не потому, что он мне так уж нравился. Вовсе нет. В ту минуту я ненавидел Корнфельда сильнее, чем симпатизировал Энгьюину, но не ненависть двигала мною.

Если я и делал это ради кого-то, так только ради Кэтрин Телепромптер, как ни странно это звучит. Я хотел ответить на ее вопрос, почему я ушел из Отдела. Я хотел показать ей, что означает моя работа и что будет после того, как я раскрою дело. Как это будет отличаться от версии Отдела.

Но в конце концов я делал это и не ради нее. Рано или поздно ко мне возвращается старомодное чувство возмущения. Я рассмеялся, хотя мне в пору было плакать. Или меня, или весь остальной мир нужно исправить, как следует исправить. Возможно, обоих.

Каким-то образом я провел остаток этого вечера. По обилию пустых формочек для льда в раковине на следующее утро я сделал вывод, что это имело отношение к выпивке, но, если честно, я не помню ни черта.

ГЛАВА 19

Наутро я поднялся с головой, какая бывает от пятидолларовой бумажки, если вы тратите ее на бутылку вина по четыре девяносто восемь. Решив тем не менее вести себя как инквизитор при исполнении, я обработал внутренности своего черепа зубной пастой, лосьоном для рта, глазными каплями и аспирином, одновременно набрасывая в уме список мест, где я хотел побывать, и людей, с которыми хотел бы поговорить. Первыми в списке значилась архитектурная фирма «Коппермайнер и Бэйзуэйт». Именно эти имена я списал с синек в спальне Пэнси Гринлиф, и это место показалось мне не хуже и не лучше остальных, чтобы с него начать.

Музыкальная версия новостей была в это утро громкой и бравурной, что плохо сочеталось с моей головной болью, и я ее выключил. Той информации, что мне нужна, в музыкальных новостях все равно не будет. Я сделал себе чашку кофе, крепкого до густоты, и сопроводил ее высохшим тостом и парой кусков сморщенного яблока. Когда я выбрался из квартиры, солнце стояло уже высоко в чистом небе, а мои часы показывали одиннадцать.

Я проехал по Юниверсити-роуд к стоянке у «Альбернети-Овермолл», где находился офис Коппермайнера и Бэйзуэйта. «Овермолл» состоял из стекла и хрома и слепил глаза всякому, кто смотрел на него с залива. Въехав в тень, я оказался в такой темнотище, что чуть не врезался в бетонный бордюр. Потом я с облегчением сдал машину бульдогу, дежурившему на стоянке, и поднялся в лифте на нужный мне этаж.

Архитектурные бюро всегда свидетельствуют против архитекторов, и Коппермайнер и Бэйзуэйт не являлись в этом смысле исключением. Вестибюль мог служить чем угодно, только не местом, куда люди заходят, говорят с секретарем за стойкой и ждут своей очереди, сидя в креслах. Тем не менее я ухитрился проделать почти все вышепере-

численное, только не сел ждать, поскольку никак не мог определить, что же здесь исполняет функцию кресел. Комната была изваяна из литого стекла, пронизанного там и сям балками из жженого алюминия, и, хотя кое-где их сопряжение и напоминало место, куда можно сесть, я не решился опуститься на них из страха, что не смогу больше встать. Так я и остался стоять.

Не прошло и несколько минут, как дверь в глубине помещения отворилась и ко мне вышел один из архитекторов, протягивая руку почти с полпути. Он был неплохо пострижен, только вихор на затылке, похоже, должен был придавать его обладателю слегка мальчишеский вид. Я протянул руку наперехват: если бы я промешкал с этим, он мог бы промахнуться или, в избытке энтузиазма, двинуть мне своей рукой по животу. Я решил, что он принял меня за клиента.

— Кол Бэйзуэйт, — представился он.

— Конрад Меткалф, — ответил я, пытаясь убавить ему энтузиазма четким выговором слогов.

— Пройдемте ко мне в кабинет.

Он посторонился, пропуская меня, потом почти вдвое сложился в талии, шепча что-то секретарше. Я вошел, выбрал себе наименее опасно выглядевшее кресло и сел. Кол Бэйзу-

эйт закрыл дверь и направился к своему кожаному креслу. Я достал лицензию и положил на стол.

Его лицо обвисло, словно до этого удерживалось только избытком оптимизма. Уголки рта скривились в брезгливой улыбке.

— Должно быть, вы думаете, что я могу вам в чем-то помочь, — предположил он.

— Вот именно. Я обнаружил ваше имя в связи с одним расследованием и надеялся, что вы не откажетесь ответить на несколько вопросов.

— Идет.

— Ваша фирма выпустила комплект чертежей чего-то вроде ночлежки, пристроенной к существующему дому. Вы помните такой проект?

— Мы все время выпускаем чертежи, — сказал он. — Назовите заказчика.

— Мейнард Стенхант.

Он пробежал пальцами по клавишам и глянул на монитор.

— Нет. Среди наших клиентов он не значится.

— Попробуйте Пэнси Гринлиф. Я нашел эти чертежи у нее в комнате.

Он бросил на меня странный взгляд, потом обратился к компьютеру.

— Нет. Извините. Должно быть, вы спутали фирму.

— Никого по фамилии Стенхант? Его жену зовут Челеста...

— Совсем никого. Очень жаль.

Пока мне не везло, но я не собирался сдаваться. Мне необходимо было разговорить Бэйзуэйта и потянуть время.

— Ладно, — сказал я. — Начнем сначала. Давайте проверим ваш профессиональный опыт. Позвольте, я опишу вам помещение: восемь двухъярусных коек у стены, и на каждую койку приходится меньше трех футов. Это помещение расположено над чем-то вроде клубного зала, прижавшегося к комфортабельному современному дому в богатом районе. Для чего это может предназначаться?

— Я... право, я не могу сказать.

— Животные, — предположил я. — Так мне кажется. Обращенные животные. Может, это предназначено для их прислуги.

— У нас есть овца, — сказал он. — Мы соорудили ей комнату на задах дома. Но она предпочитает спать на полу, свернувшись клубочком.

— У кого овца?

— У моей семьи. Я хотел сказать только, что животные — даже обращенные — вряд ли будут спать на двухъярусных койках.

Мне удалось заинтриговать Бэйзуэйта, но, в общем, вся архитектурная линия следствия оказалась пустой тратой времени. Возможно, тот, кто делал чертежи, если они вообще означают хоть что-то, просто украл штамп Коппермайнера и Бэйзуэйта. Может, мне стоило поспрашивать секретаршу.

— О'кей, — сказал я. — Логично. Но для кого тогда эти койки? Обратите внимание, шестнадцать штук. Многовато народа для одной комнаты.

— Напоминает детей, — сказал он.

— Детей?

— Верно.

— Каких еще детей? Детей больше нет. Они теперь все башкунчики. Кстати, какого роста башкунчик?

— Как раз впору для ваших коек, — ответил Бэйзуэйт.

— Боже праведный.

— Простите?

— Я сказал: Боже праведный, Кол. Я просто ощущаю себя дураком. В этом деле присутствуют башкунчики, по крайней мере один, так что я мог бы и сам догадаться. Вы здорово помогли мне.

Бэйзуэйт был весь улыбка. Он помог частному инквизитору в расследовании, что под-

няло ему настроение. Теперь ему будет что рассказать приятелям. Это было не хуже, чем заполучить нового клиента. Я еще раз пожал ему руку и встал. Вот и все.

Почти. Должно быть, я вообще не люблю хеппи-эндов, ибо что-то остановило меня, не успел я дойти до двери. Я повернулся, и улыбка снова обозначилась на лице Бэйзуэйта, но не мгновенно. В предшествующую этому секунду я успел увидеть то, что сменило ее, и это мне не понравилось.

Я тоже изобразил улыбку, вполне сопоставимую с бэйзуэйтовой, но от двери отошел.

— Да, вспомнил, — произнес я. — Попробуйте поискать в списке ваших клиентов еще одно имя.

— Стреляйте, — улыбнулся он, сложил руку пистолетиком и нажал на воображаемый спусковой крючок.

— Денни Фонеблюм.

Имя обладало волшебной силой. Стоило только его упомянуть, оно обрывало беседу. При виде моей лицензии лицо Бэйзуэйта скисло, теперь же оно превратилось в напряженную маску с приклеенной улыбкой. Он положил руку на клавиши и отстучал имя.

— Нет таких.

Я подошел поближе, чтобы видеть монитор.

— Вы неверно набрали. Не «ФонеНблюм». Одно «эн».

На этот раз я внимательно следил за его руками, и он знал это. На экране высветились имя и известный мне адрес в холмах. Черт, я мог так и уйти из офиса, не догадавшись об этой связи.

— Какое совпадение, — произнес я. — Должно быть, он и заказывал эти синьки. Наверное, у него застопорилось что-то со строительством, вот вы и забыли. Но имя осталось в ваших списках. Кстати, что вы делаете с этими именами?

— Просто храним их на всякий случай, — неуверенно сказал он.

— К счастью, для меня. Давайте-ка посмотрим, не хранятся ли у вас и чертежи, ладно?

Тут я заметил в нем некоторую перемену. До сих пор наш разговор напоминал беседу двух бесплотных душ. И вдруг мы вернулись в свои тела и оценивающе посмотрели друг на друга. Я был не выше Бэйзуэйта, хотя на несколько фунтов тяжелее. Не то чтобы мы готовы были броситься друг на друга, и все же физический аспект начал играть некоторую роль в происходящем.

— Я не уверен... — осторожно произнес он.

— Давайте посмотрим. — Я обошел его стол и положил пальцы на клавиатуру, для

чего мне пришлось слегка отодвинуть его плечом. — Индекс, — объявлял я вслух команды. — Клиент. Файл. Фонеблюм.

На экране появился набор чертежей.

— Вот. — Я отступил на шаг от компьютера. — Вы предположили, что такой проект предназначен для башкунчиков. Это похоже на мое описание?

— Да.

— Вы чертили это?

— Мы чертим тысячи проектов...

— Ладно, ладно. Вы помните Фонеблюма?

— Нет, — слишком быстро, слишком твердо.

— Что, если я скажу, что эти чертежи найдены в руке убитого человека?

Бэйзуэйт тяжело дышал.

— Я отвечу, что хотел бы связаться с Отделом прежде, чем скажу что-нибудь еще. Я не силен в вопросах и ответах.

— Ладно, это я придумал. Успокойтесь, — рассмеялся я. — Мало кто силен в этом, так что не переживайте.

Я сообразил, что ничего, собственно, не узнал. Чертежи я видел и раньше, разве что связь подтвердилась. Выкручивание рук Бэйзуэйту не даст мне больше ничего. А если приспичит покрутить еще, я всегда смогу вернуться. Никуда он не денется.

Я достал из кармана визитную карточку.

— Позвоните мне прежде, чем будете звонить в Отдел. Я работаю, пытаясь вытащить парня из морозильника, и принимаю любую помощь. Если вы или ваш партнер вспомните что-то...

Я положил карточку на стол и забрал свою лицензию. Бэйзуэйт взял карточку и убрал ее в ящик стола. Его лицо ничего не выражало.

Я вышел, поклонился секретарше и прошел через пещеру из литого стекла к выходу. Отсветы полуденного солнца на хаотичных стенах офиса почти нравились мне — туманные, расплывчатые, словно какой-то подводный сон. Я вышел в коридор и вызвал лифт.

Бульдог подогнал мне машину, я выехал на солнце и остановил ее на соседней улице. Я достал из бардачка зеркальце и принял пару понюшек свежего порошка, первые сегодня. Как результат, в моей памяти всплыли события двух последних дней: кенгуру под дождем, Моргенлендер у меня в офисе и — главное — Энгьюин в баре «Вистамонта». Порошок должен был бы отвлечь меня, но, наоборот, только обострил чувство беспокойства.

Было в этом деле что-то недоброе. Оно заполнило всю мою жизнь, хуже того, оно свилось в тугой клубок, к которому непонятно, с

какой стороны подступаться. На этом деле я лишился большей части моей кармы, а мой клиент уже лежал замороженный. Я подумал о Челесте Стенхант и Кэтрин Телепромптер и решил, что в придачу я утратил чувство реальности.

С этой радостной мыслью я убрал зеркальце, захлопнул бардачок и тронул машину с места. Пора проведать башкунчиков. Точнее, одного конкретного башкунчика.

ГЛАВА 20

Телеграф-авеню в Окленде представляет собой свалку, а, если и имеются исключения, беби-бар на Двадцать третьей улице к ним никак не принадлежит. Бар занимал первый этаж заброшенного отеля. Фасад — когда-то благородный темный кирпич — был настолько изъеден эрозией, что напоминал археологические раскопки. Окна второго этажа были заколочены жестяными листами, а в витрине собственно бара громоздились с незапамятного Рождества запыленные картонные Санта-Клаусы. Должно быть, башкунчики спали наверху, когда не имели желания возвращаться домой к родителям, — а судя по тому, что я наблюдал на Кренберри-стрит, они редко имели такое

желание. Я рассчитывал застать в баре Барри Гринлифа и надеялся, что он окажется достаточно трезвым для разговора. Если Барри похож на тех башкунчиков, с которыми мне приходилось иметь дело раньше, основным его занятием должно являться беспробудное пьянство с целью противопоставить что-то неприятным побочным эффектам эволюционной терапии. Пить в беби-баре обычно начинают с раннего утра.

За исключением мерцающих огоньков в окне и скрипучих звуков музыки, признаков жизни в доме не наблюдалось. Впрочем, по сравнению с окружением и это казалось чуть ли не гостеприимным. Я ступил в тень входа и подергал дверь. Она была заперта. Я подергал сильнее, дверь приоткрылась, и из-за нее выглянул башкунчик, на лысой голове которого плясали зайчики огней бара. На нем был красный джемпер с вышитой на груди желтой рыбкой. За ухом красовалась сигарета.

— Покажь документ, — пропищал он.

— Что?

— Документ, приятель. Возраст у тебя не наш.

Я показал ему лицензию. Башкунчик взял ее, закрыл дверь, и я услышал, как он громыхнул щеколдой.

Прошло минуты две, и до меня дошло, что я только что отдал тот самый клочок бумаги, из-за которого минувшей ночью дрался с инквизитором. Я несколько раз постучал в дверь кулаком, потом врезал ногой.

Я уже собирался высадить дверь плечом, когда она снова приоткрылась. В щель высунулся другой башкунчик со словами: «А ну прекрати».

Я ухватился за край двери и, оттолкнув его, вошел в бар.

Навстречу мне повернулся ряд лысых голов за стойкой, еще несколько группок кучковались за столиками. Помещение кишмя кишело башкунчиками. В жизни не видел столько сразу. Если честно, я надеялся, что их вообще меньше. Интерьер бара, как и витрина, был украшен запыленными реликвиями древнего праздника, явно унаследованными от предыдущего владельца заведения: красномордый ирландец с кружкой пива, подмигивающий Санта-Клаус в санях, запряженных мрачным оленем, и флаг Нью-Йорка с надписью «2008! Выпей у Эла!». Неоновые надписи тоже были покрыты толстым слоем пыли, а та, что находилась на стене за стойкой, мигала, словно машина «скорой помощи». В задней комнате грохотала музыка.

Я огляделся в поисках башкунчика, забравшего мою лицензию, но его здесь не было, а, если он и был, я не мог углядеть его в толпе. Тот, которого я уронил, входя, уже поднялся на ноги и, проскочив мимо меня, словно мимо неодушевленного столба, исчез в задней комнате. Я подошел к стойке и сел. Нельзя сказать, чтобы беседа в комнате до сих пор была оживленной, теперь она окончательно стихла.

— Виски с содовой, — произнес я.

Башкунчик за стойкой подошел ко мне по грубо сколоченному помосту.

— Нечего тебе здесь делать, — ворчливо заметил он, неодобрительно вскинув бровь.

— Если раньше и нечего было, теперь есть, — сказал я. — Один из вас, детки, забрал мою лицензию. Она мне нужна.

— Что еще за лицензия?

— Частного инквизитора.

Теперь нас слушала уже вся комната. Я слышал за спиной топот множества маленьких ног. Я прикинул перспективы конфронтации с полной комнатой башкунчиков, цепляющихся мне за ноги и лезущих мне на спину, и решил, что этого лучше избежать. В мозгу всплыли воспоминания о пираньях.

— Спрашивальщик, — произнес бармен. — Вот забавно. Нам не нужна ваша ли-

8 Зак. № 644

цензия, мистер Инквизитор. Несите ее куда-нибудь в другое место. Нам не нужна лицензия, чтобы задавать вопросы. Мы задаем их, когда и где хотим. — Малец ухмыльнулся, и его глаза блеснули из-под лысого лба.

— Поздравляю, — сказал я. — Великое достижение.

Ответа не последовало. Я достал очередную сотню Энгъюина, порвал пополам и убрал половину в карман рубахи, но медленно, чтобы все могли как следует разглядеть. Потом вытер лоб рукавом и небрежно закинул ногу на ногу.

— Это за три вещи, — объявил я. — Я хочу получить свою лицензию, и я хочу переговорить с парнем по имени Барри Гринлиф. — Я выдержал паузу. — И я заказал виски с содовой. Тогда получите вторую половину.

Похоже, я произвел впечатление. Бармен отвернулся и принялся готовить мне питье. Пара башкунчиков за моей спиной беспокойно нырнули в заднюю комнату. Сквозь музыку оттуда донесся негромкий спор.

На стойке передо мной возник стакан, я взял его и потянул содержимое сквозь зубы. Не то чтобы плохо, но и не хорошо. Виски было настоящее, но вместо содовой что-то вроде шампуня для посуды. Я выпил половину, потом поставил стакан обратно на стойку.

Передо мной появился бармен и взял половину купюры. Я пошарил в кармане, чтобы убедиться, что вторая половина еще у меня, потом допил виски, постаравшись, чтобы оно не попадало мне на язык.

Из задней комнаты появился еще один башкунчик и целенаправленно двинулся в мою сторону. Он был завернут в простыню, заколотую на плече наподобие римской тоги, наряд дополняли высокие сандалии на босу ногу и пластиковые электронные часы. Он взгромоздился на тумбу рядом со мной и положил руки на стойку, сцепив пальцы. Посидев так с минуту, он повернулся ко мне, полез рукой под свою простыню, достал мою лицензию и придвинул по стойке к моей руке, провезя ее при этом по луже пролитого питья. Я взял лицензию и молча убрал в карман.

— Барри наверху, — сообщил башкунчик. — Вы хотите забрать его?

Его голос был высокий и капризный — если подумать, вполне детский. Правда, дыхание его отдавало спиртным. Несмотря на это, а также несмотря на его одеяние — а может, и из-за него, — я решил, что говорю с беби-боссом.

— Нет, — ответил я. — Я только хочу задать ему несколько вопросов.

— Он не хочет спускаться.

— Я сам поднимусь.

— Что вам нужно?

Мне в голову пришла идея.

— Я работаю на юриста по делам наследства. Барри могут оторваться уйма кармы, дом и наличные. Если его это не интересует, он может подписать отказ, тогда все отойдет его маленькой сестричке. Она кошка.

— Дайте подумать.

— Мне некогда. Если Барри здесь нет...

— Он наверху. Давайте деньги.

— Отведи меня наверх.

Подошел бармен и показал башкунчику в тоге половину сотенной.

— Отведи его наверх, — сказал он. — Пусть Барри сам решает.

Башкунчик посмотрел на свои часы, потом на меня и кивнул, будто время имело значение для его решения. Впрочем, может, и имело.

— О'кей, — сказал он. — Пошли.

Он слез с тумбы, поправил свою тогу и быстрым шагом направился куда-то в глубь дома. Я пошел следом.

Башкунчики превратили заднюю комнату в темную, вонючую гостиную. Они сидели там в кружок, передавая друг другу через низкий стол огромную дымящуюся трубку. Одну

из ножек стола заменяло полено. На стене висело, покосившись, радио, из которого неслась прерываемая треском помех музыка. Я чуть не закашлялся от ядовитого дыма трубки.

— У меня покер: три вопроса, два ответа, — произнес один.

— Колпак — это матерчатый конус с вышивкой, — последовал ответ.

При нашем появлении разговор смолк, и они окинули меня равнодушными взглядами. Я не понимал смысла их разговора. Впрочем, это меня не касалось. Башкунчик в тоге провел меня через служебную дверь с другой стороны комнаты, и стоило ему закрыть ее за нами, как разговор возобновился.

Мы оказались в бывшем вестибюле гостиницы. Окна здесь тоже были заколочены, но сквозь щели проникало достаточно света, чтобы я понял: то, что я принял сначала за мох под ногами, было просто прогнившим ковром, а то, что казалось падающим на плечи дождем, на поверку было клочьями паутины. Я пришел сюда лет на десять раньше, чем это превратится в настоящие мох и дождь. Я остановился перед лифтом, но башкунчик пошел дальше, на лестницу. Или лифт не работал, или башкунчики просто не доставали до кнопок.

В комнате на втором этаже сидело четверо башкунчиков, и среди них тот, в джемпере с рыбкой, что забрал мою лицензию. Двое смахивали на девочек. Я вошел. Тот, что лежал на кровати, поднял голову и посмотрел на меня, и я сразу же узнал его: я видел его в дни наблюдения за домом на Кренберри-стрит.

На мгновение мне показалось, что его голова покрыта волосами, потом я увидел, что это коротко остриженный женский парик. Меня не проведешь. Под париком Барри Гринлиф был таким же лысым, как и все остальные башкунчики.

Никто не проронил ни слова. Я изо всех сил старался найти в его чертах сходство с Пэнси Гринлиф, Мейнардом Стенхантом и прочими замешанными в дело лицами. Безуспешно. Вдобавок эволюционная терапия начисто стерла индивидуальные различия.

Остальные башкунчики сидели в круг у кровати Барри и подвинулись, освобождая мне место. Барри повернулся, положив голову на руку, и парик съехал ему на ухо. Сесть было некуда, если не считать пола, и по зрелом размышлении я остался стоять.

— Привет, Барри, — сказал я. — Меня зовут Конрад Меткалф. Я работаю на твоего дядю Ортона.

— Какого дядю? Я не знаю такого, — его голос был негромкий, но недовольный.

— Ортона Энгьюина, брата Пэнси...

— Ладно, ладно. Что вам нужно?

— Я исследую вашу генеалогию, не хватает только нескольких ветвей. Кто твой отец, Барри?

— У меня нет отца.

— Это Мейнард Стенхант?

— Мой отец — доктор Теодор Тустренд. Изобретатель эволюционной терапии. Он наш общий отец. — Он повернулся к своей маленькой аудитории. — Кто ваш отец?

— Доктор Тустренд, — откликнулся один из башкунчиков.

— Видите? Он отец нам всем.

— Сегодня утром я был у архитектора, — сказал я. — Он начертил дом для башкунчиков на Кренберри-стрит. Кто-то заплатил ему за это, и я не думаю, что это доктор Тустренд.

— Валяйте дальше, — сказал Барри. — Куда вы клоните?

— Кто-то заботится о тебе, Барри. Кто-то надеется, что ты вернешься домой, и готов тратить уйму денег, чтобы тебе там понравилось. Я знал Мейнарда Стенханта. У него много денег, но он не подходит. Вряд ли он стал бы тратить их все на тебя.

Барри сделал вид, будто зевает.

— Кто твой отец, Барри?

— Архитектор, наверное. А вы как считаете?

— Чем больше я приглядываюсь, тем более отчетливо вижу связь между Денни Фонеблюмом и домом на Кренберри-стрит. На чертежах его имя, не Стенханта. Считается, что Пэнси работала на него, но никто не говорит, как именно работала. Возможно, родила от толстяка ребенка — это мне так кажется. Родила ему сына и получила в награду дом и пожизненный запас запрещенного зелья и шприцев.

Произнося эти слова, я относился к ним только как к теории, однако она выглядела убедительно. Достаточно убедительно, чтобы копать в этом направлении. Вряд ли ребенок подтвердит мне ее. Интересно только, знает ли он что-нибудь вообще.

— Вы же и так знаете ответ, — сказал Барри. — Зачем вам я?

— Ты член семьи, Барри. Это не лучшая семья, и ты можешь не хотеть иметь с ней ничего общего, но это ничего не меняет. Ты находишься в самом центре всей этой истории. От тебя ничего не требуется, и все же ты участник игры. Когда я узнаю все получше, я вернусь. На всякий случай вот мой телефон.

Я протянул ему одну из своих визиток. Он взял ее не глядя и сунул под матрас.

Я собрался уходить. Я не испытывал разочарования. Я нашел Барри, и теперь у меня появилась версия, с которой я мог работать. Мне не терпелось приняться за дело. Но когда я подошел к двери, Барри заговорил.

— Подождите минуту. Я хочу задать вам пару вопросов.

— Да?

— Кто вам платит?

Я обдумал вопрос.

— Сейчас уже никто.

— Что случилось с моим дядькой, как его там?

— Его забрали в Отдел.

— Вы не очень-то любите Отдел, правда?

— Да, я не люблю Отдел, — ответил я. — Но возможно, я не люблю его не так, как его не любишь ты.

С минуту он переваривал это, потом продолжил:

— Пэнси очень расстроена?

— Спроси это у нее сам.

— Возможно, и спрошу. — Он окинул взглядом свою лысую компанию. — Ну что? Хочет кто-нибудь на пикник в сказочную страну?

— Если так, я пошел, — заявил я.

— Еще один вопрос, — сказал Барри.

Его глаза загорелись, будто он в первый раз открыл их, и я увидел в глубине их какой-то демонический разум.

— Ну? — спросил я.

— Как вы считаете, каково быть бессловесной сраной марионеткой?

ГЛАВА 21

С вертящимся в голове дурацким вопросом Барри я спустился по лестнице, миновал темную комнату и бар — задержался у стойки, чтобы отдать вторую половину купюры, — и вышел на залитую солнцем Телеграф-авеню. Мне пора было найти Уолтера Сёрфейса, детектива, который вел дело Стенханта после меня. Он мог оказаться еще одним протеже Фонеблюма, а мог и не оказаться, в любом случае я мог получить несколько интересных ответов, если только подберу нужные вопросы и смогу удерживать дверь ногой достаточно долго, чтобы успеть задать их.

Его адрес и телефон имелись в справочнике, который я вожу с собой в машине, но,

притормозив у телефонной будки, я пошарил на полу в поисках мелочи и не обнаружил ничего, кроме нескольких пустых конвертов из-под порошка и ручки-антиграва, которую вытряхнул у меня из кармана кенгуру. Сначала я решил было остановиться у одного из магазинов на Телеграф-авеню и разменять сотню, но потом плюнул и поехал. Если уж частный детектив не сможет завалиться без предупреждения к другому частному детективу, то кто еще сможет?

Офис Сёрфейса размещался на верхнем этаже семиэтажного дома на краю квартала портовых складов. В таком квартале невольно оглядываешься на машину, оставляя ее даже на минуту, и, если у тебя есть хоть малейшее сомнение в том, что ты как следует запер ее, ты возвращаешься через дорогу проверить. Судя по виду квартала, Фонеблюму пришлось перекопать справочник в поисках частного инквизитора в еще более отчаянном положении, чем я. Логично. Фонеблюм ценил отчаяние, когда ему удавалось найти его, — а когда не удавалось, создавал его сам.

Голос из-за двери принадлежал женщине, и я решил, что это секретарша, что, учитывая местопребывание Сёрфейса, было приятным сюрпризом. Однако за дверью не оказалось ничего, кроме крошечной комнатки, и жен-

щина сидела, положив ноги на единственный стол. Офис был меньше моего, более грязный и убогий. Сравнивая его офис с моим, я уже знал, что, увидев Сёрфейса, буду искать на его лице схожие черты.

— Я ищу Уолтера Сёрфейса, — сказал я.

— Я принимаю сообщения, — ответила женщина.

Она выглядела неплохо для пятидесяти лет и плохо для тридцати пяти — скорее второе. Она посмотрела на меня и убрала ноги со стола, оставив следы на его пыльной поверхности.

— Мне нужно повидаться с ним, — сказал я. — И я спешу. — Я выложил на стол фотостат.

— Его здесь нет, — ответила она.

— Вы можете с ним связаться? — Я махнул рукой в сторону телефона, покрытого не меньшим слоем пыли, чем стол.

— Я не хочу поднимать его с постели, — сказала она. — Я передам ему вашу просьбу. Зайдите через пару дней. Неделю назад вы бы очень пригодились.

— Что случилось?

— Вы, наверное, не заметили следы крови у входа. Уолтера ранили. Он не принимает посетителей. Надеюсь, вы понимаете это.

— Кто вы? — спросил я. Судя по всему, она не особенно боялась расспросов. Я решил, что она довольно давно связана с инквизицией.

— Я помогаю Уолтеру в делах, — ответила она. — Думаю, что буду помогать и дальше, когда он поправится.

Пока она говорила, взгляд ее оторвался от моего лица, так и не найдя себе нового объекта, а голос становился все тише и невнятнее.

— Вы близки с Уолтером? — предположил я.

Она кивнула, но машинально. Я понял, что она находится здесь на тех же правах, что стол или телефон: то, что произошло неделю назад, лишило их троих смысла, и с тех пор они только покрывались пылью.

— Мне действительно необходимо с ним поговорить, — настаивал я. — Почему бы вам не отвести меня к нему — заодно убедитесь, что с ним все в порядке. Зачем вам оставаться здесь?

Ее взгляд несколько просветлел.

— Никто не звонит, — согласилась она. — Словно они все про него знают.

— Тем более, — кивнул я.

— С таким же успехом я могу быть и с ним, — сказала она, рассуждая вслух. Потом глянула на меня: — Ему очень плохо.

— Ясно. — Я дал ей обдумать эту мысль и вытереть слезы, а потом сказал: — Послушайте. Уолтер занимался важным делом, когда его ранили. Он пытался помочь человеку, который нуждался в помощи. И нуждается до сих пор. Если я могу переговорить с ним — хотя бы несколько минут, — возможно, я смогу продолжить с того места, на котором его прервали.

Звучало убедительно, хотя и грешило против истины. Энгьюин уже заморожен, к тому же утверждать, будто Сёрфейс помогал ему, можно было лишь с большой натяжкой. Однако я сказал именно то, что хотела услышать его подруга.

Я снял с крюка на стене ее пальто и шагнул к двери.

— Я поеду за вами на своей машине.

— Здесь недалеко, — тихо сказала она и вышла из-за стола. Надевая с моей помощью пальто, она старалась не касаться меня, чтобы не испачкать пылью.

Я забрал со стола лицензию, отряхнулся, и мы вместе вошли в лифт.

Я остановил машину за квартал до места. Она поднялась по ступенькам облезлого зеленого дома и обернулась с крыльца — я помахал ей в ответ. Когда дверь за ней закры-

лась, я достал из бардачка зеркальце и принял понюшку. Потом пошел следом.

Когда я вошел, подруга Сёрфейса бросилась мне навстречу. Мне показалось даже, что, сними я плащ, она подхватила бы его и повесила на вешалку. Когда мои глаза привыкли к полумраку, я тут же пожалел об этом: квартира напоминала хлев. И запах соответствующий. Сёрфейс или его дама держали животное и не меньше недели не потрудились чистить за ним помещение. Дом отчаянно нуждался в проветривании. Я мог бы простить их, но мой нос — никак. Недавняя понюшка обострила обоняние до предела, и я боялся, что не смогу разговаривать с Сёрфейсом без гримасы. Поэтому я достал сигарету. Женщина увидела это и выкопала из-под груды старых газет потемневшую пепельницу.

— Спасибо. Где Сёрфейс?

— Там. — Она махнула рукой. — Он снова уснул.

Она не добавила больше ничего, но этого и не требовалось. Я вошел.

Комната была большая, повсюду стулья и полки. У окна стояла большая двуспальная кровать. Единственный свет исходил от телевизора, настроенного на музыкальный канал:

аквамариновые треугольники вели бесконечный танец на полупрозрачном фоне. Бело-голубой отсвет от экрана падал на темный силуэт, распростертый на кровати.

Я шагнул ближе. Тело в постели казалось ужасно маленьким. Когда он оторвал от подушки темное лицо, я понял, что у нас с Уолтером не так много общих черт, как я надеялся или боялся. Животное в доме и Уолтер Сёрфейс были одним лицом — обращенным шимпанзе. От удивления я на пару секунд готерял голос, но в то же время я ни на мгновение не сомневался, что он и есть тот, кто мне нужен. Его лицо казалось достаточно человеческим, чтобы на нем читалась боль, помноженная на знание того, что замечает редко кто из людей, не говоря уж об обезьянах. Будь он человеком, я бы определил его возраст где-то около пятидесяти, однако в обезьянах я не знаток.

— Вы Сёрфейс? — спросил я, овладев собой.

— Верно. — Его тонкие губы почти не двигались, хотя голос прозвучал неожиданно громко.

— Моя фамилия Меткалф. Моя работа имеет отношение к делу Стенханта.

Я не протягивал ему руки, так как не горел желанием обмениваться с ним рукопожатием. От него разило. Должно быть, он делал все прямо под себя. Я решил, что его подруга привыкла к вони так же, как привыкла к вопросам. Любовь порой бывает более чем слепа.

Сёрфейс закрыл глаза.

— Вас привела Нэнси.

Я согласился.

— Она сказала мне, что вы имеете ко мне несколько вопросов. — Он облизнул губы и с шумом выдохнул через нос. — Вы должны понять, мистер Меткалф. Я не знаю вас и не знаю, что вам от меня надо.

Телевизор вырубился, и мы погрузились в темноту. Я решил было, что он нажал на пульт случайно, но, когда комната снова осветилась, в руке его оказался пистолет. Чисто сработано.

— Только двинься — получишь пулю, — произнес он, сморщив свой кожистый нос. Пистолет смотрелся в его маленькой руке вполне уместно. — Я научу тебя харкать кровью, — продолжал он. — Я сам научился этому неделю назад. Вот и поделюсь теперь опытом.

— Я тебя понимаю, — сказал я. — Только ты меня не за того принял. Успокойся.

— Сядь. Руки на колени. Заткнись. Я достаточно долго слушал тебя, чтобы не хотеть больше. У меня пистолет — я и буду задавать вопросы. Имею лицензию на то и другое.

Я сел, поставил пепельницу на подлокотник и послушно положил руки на колени.

— Где кенгуру? Я предпочел бы угостить именно его.

Его обезьянье лицо исказилось в горькой усмешке, обнажив желтые зубы. Мне на ум пришли обезьяны, убивающие кенгуру, и, возможно, кенгуру, убивающие овец. Да, эволюционная терапия доктора Тустренда — великое дело. Она действительно вывела животных из джунглей.

— Ладно, — сказал шимпанзе. — Чем ты докажешь мне, что не работаешь на Фонеблюма?

— Скорее всего ничем. Забудем.

Дверь за моей спиной отворилась. Вошла Нэнси, неся пару стаканов. Она немного пришла в себя, но, увидев в руке Сёрфейса пистолет, снова упала духом.

— Боже, Уолтер!

— Я ему не доверяю.

Шимпанзе поерзал на постели. На ребрах его виднелась марлевая повязка, бурая от йода или крови. Нэнси так и стояла со стаканами в руках.

— Пусть он уберается, — заявил шимпанзе. — Мать твою, ты слишком доверчива, Нэнси.

— Он мог бы прийти, приставив мне к виску пистолет, — возразила она.

— Послушай ее, Уолтер. Я на твоей стороне.

— Ох, мать вашу растак! — Сёрфейс уронил пистолет на кровать. — Дай мне лучше это.

Нэнси протянула ему стакан, и он в один присест выдул половину. Она дала мне другой, прислонилась к стене и осталась стоять, скрестив руки.

В стакане оказался почти чистый джин, чуть разбавленный тоником для приличия. Сигарета выпала у меня изо рта. Я положил ее в пепельницу и сделал большой глоток. В конце концов алкоголь притупляет чувствительность органов обоняния.

— Если парни Фонеблюма захотят укокошить меня, они это сделают, — рассудительно сказал Сёрфейс, напомнив мне этим себя самого. — Зря ты пришел и позволил тыкать в тебя пушкой.

Я промолчал, потягивая джин.

— Чем ты занимаешься? — спросил он, почесав повязку ногтем большого пальца ноги.

— Тем же, чем и ты, — сказал я. — Тебя нанимали мне на замену. Я не согласился с тем, что от меня хотели, и в результате мне ука-

зали на дверь. Возможно, как и тебе. Только я легче отделался.

— Рад за тебя.

Я не спеша сделал еще глоток.

— Я хочу скинуть Фонеблюма, Сёрфейс. И ты можешь мне помочь в этом.

— И ты поможешь мне получить еще пулю. Нет уж, спасибо.

— Никто не знает, что я здесь. И потом ты же сам сказал: захоти они тебя, они тебя получат. Почему бы тебе не уделить мне несколько минут? Сними камень с души.

Умные глазки Сёрфейса поблескивали из-под низких бровей. С минуту он изучал мое лицо. Потом вздохнул и покосился на пистолет и стакан в руке.

— Валяй, — сказал он.

Я увидел, как Нэнси у стены чуть расслабилась. Она явно предпочитала видеть шимпанзе сидящим и беседующим.

— Фонеблюм сказал, что нанял тебя следить за Челестой, — сказал я. — Ты встречался хоть раз с ее мужем?

— Доктором Стенхантом?

— Да, — кивнул я. — Мейнардом Стенхантом.

— Ни разу его не видел. Насколько я понял, в этом и заключалась тонкость.

— Со мной все наоборот. Меня нанимал доктор, и я ни разу не видел Фонеблюма. Насколько я понял, Мейнарду не понравилось работать со мной, и он попросил организовать все Фонеблюма.

— Понятно.

Сёрфейс положил пистолет на подоконник у кровати, задев при этом занавеску. По кровати пробежал и исчез солнечный зайчик.

— Сколько ты следил за ней?

— Неделю.

— Обнаружил что-нибудь?

— Только то, что Фонеблюм знал и без меня.

— Что именно?

Сёрфейс недовольно сморщился.

— Хахаля. — Он перехватил мой недоуменный взгляд. — Разве ты не знал про ее дружка?

— Нет.

Сёрфейс посмотрел на меня в упор.

— Стенхант боялся именно этого, — сказал я, — но я ничего не обнаружил.

— Ты уверен?

Он скептически нахмурил бровь.

— Еще как уверен.

— Где же?

— В том мотеле. «Бэйвью». Там, где его в конце концов пришлепнули.

— Расскажи подробнее.

— Она приезжала туда два или три раза, подолгу оставалась в номере, выходила с растрепанной прической. Все как положено.

Он покосился на меня как на слабоумного, и, ей-богу, я себя таким и чувствовал. Или он сочинял, или я начисто это прохлопал.

— Ты видел парня?

— Один раз. Вряд ли узнаю его снова.

Я немного обдумал это. В моей стройной теории неожиданно разверзлась дыра в виде прямого подозреваемого в убийстве. Это освобождало от улик Энгьюина, поскольку представить его и Челесту в качестве любовников было невозможно. Она съела бы его с потрохами.

Я попробовал прикинуть, кто подпадает под эту категорию, но не остановился ни на ком.

— Каким образом ты не поладил с Фонеблюмом?

Сёрфейс усмехнулся.

— Ему нужен был крутой парень. Я бываю иногда таким. Только не на этот раз. Игра не стоила свеч, и я отказался. Ему это не понравилось. — Он скривился, и это напомнило мне, что я говорю с обезьяной. Потом он погладил рукой бинт. — Он угрожал. Думаю, по этой части он силен.

— Согласен. Они что, хотели, чтобы ты избил Челесту?

Сёрфейс снова скривился.

— Это тебе Фонеблюм так сказал?

— Фонеблюм не говорил ничего. Я получал приказы от Стенханта, и он просил меня припугнуть Челесту раз-другой и отправить ее домой.

— Забавно. — Он обернулся к Нэнси. — Слышала?

Нэнси не ответила.

— Это бы я обдумал, — сказал он мне. — Черт, на это я бы, возможно, и согласился. Только в моем случае все было слегка по-другому.

— Как?

Он вздохнул.

— Когда Фонеблюм рассказал Стенханту про дружка, тот чуть не тронулся от ревности. Фонеблюм вернулся от него и предложил пять тысяч за то, что я уберу парня.

— Убийство.

— Точно. Только я отказался.

— И Фонеблюм запаниковал. Он решил, что ты слишком много знаешь.

— Наверно.

Картинка на экране поменяла цвет, и комната перекрасилась из зелено-голубой в бело-

золотую. Сёрфейс включил лампу и вырубил телевизор. Нэнси забрала пустые стаканы и вышла.

Теперь я немного привык к запаху Сёрфейса, а он — к тому, что раздражало его во мне. Он отложил пистолет и вытянулся на постели. Когда он заговорил снова, голос его звучал куда мягче.

— Что ты узнал про Челесту?

— Не так много, честно. Я проторчал уйму времени на Кренберри-стрит и узнал, что она не задвигает шторы, переодеваясь.

— Это тебе и я мог сказать.

— Не забывай, я был первым.

Он улыбнулся, почти засмеялся, но, раздвинув губы, скривился от боли. Я подождал, пока ему полегчает.

— Я расскажу тебе все, что мне известно, — предложил я, — а ты заполнишь промежутки.

Он кивнул.

— Она бойкая дама, вернее, была когда-то. Познакомилась с Фонеблюмом по делу. Около двух с половиной лет назад решила начать новую жизнь и уехать на время. Точнее, просила разрешения уехать. Вот тогда ее прошлое кануло куда-то, и она зажила заново. Процесс завершился браком с бога-

тым врачом. С единственным исключением: Фонеблюм сохраняет власть над ней. И не отпускает.

— Похоже на правду, — вздохнул шимпанзе.

— Скажи мне, что тебе известно про Фонеблюма.

Он прищурился.

— Сам скажи, чего ты не знаешь.

— Почти ничего. Чем он промышляет?

— Чем промышляет? Секс. Порошки. Карма. Всем понемногу.

— Ясно, — сказал я.

— Знаешь клуб под названием «Капризная Муза»? Его заведение. Ступай прямо в заднюю комнату и спроси парня по имени Оверхольт.

Я повторил имя.

— Он продает товар Фонеблюма. Я имею в виду все, что захочешь.

— Похоже, Отдел тоже у Фонеблюма в кармане.

Сёрфейс снова улыбнулся и закрыл глаза.

— Да, мне тоже так кажется.

Я встал со стула. Было уже около пяти, и на улице начинало смеркаться. Я собирался навестить Пэнси и Челесту, если та будет дома. И еще, возможно, съездить в «Капризную Музу».

Я подошел к кровати поближе. Глаза Сёрфейса поблескивали из-под бровей. Кожа в тех местах, что виднелись под шерстью, была красивой, словно у старой женщины.

Я отступил на шаг.

— Спасибо, Уолтер, — сказал я. — Ты здорово мне помог. Когда-нибудь я смогу отплатить тебе.

— Нет проблем, — буркнул он, не открывая глаз.

— Поблагодари за меня Нэнси.

— Ладно.

Он был профессионал до мозга костей, и я не мог не восхищаться им. Я бы даже предложил ему часть денег Энгъюина, если бы не боялся, что он швырнет их мне в лицо.

Я положил на тумбочку свою визитку и вышел на вечернюю улицу.

ГЛАВА 22

Дом на Кренберри-стрит осточертел мне. Я приехал туда как раз вовремя, чтобы полюбоваться на закат, отражающийся в окнах домов на том берегу. Но и закат не улучшил моего настроения. Слишком много я знал про дом и его обитателей. Много, да недостаточно, вот мне и пришлось снова стучать в дверь.

Ко мне вышла Пэнси Гринлиф. На секунду она замерла, широко раскрыв глаза, и казалось, будто мы не знакомы. Словно мы забыли о том, что последний раз, когда я был здесь, она выходила из наркотического сна и клялась, что убьет меня, если я вернусь. Секунда длилась достаточно долго, чтобы я начал сомневаться в том, что она вообще помнит нашу последнюю встречу. Потом она стисну-

ла зубы, сощурила глаза, и ее рука вцепилась в дверь.

— Привет, Патриция.

Она не ответила.

— Вы выглядите лучше, — сказал я. — Приятно видеть. Нам надо поговорить.

— Я занята.

— Кто-то в гостях? — Я приподнялся на цыпочки, чтобы заглянуть в глубь дома. — Челеста? Я и с ней хотел поговорить.

— Нет. Никого нет.

— Ясно. Вы хотите сказать, вы заняты так же, как вчера? Это нехорошее зелье, Пэнси. Я попросил, чтобы его посмотрели под микроскопом. Оно съест вас живьем.

— Это мое дело.

— Это дело Денни Фонеблюма, принцесса. Вы всего-навсего клиент.

Я прошел в дом, для чего мне пришлось отстранить ее плечом.

Войдя в гостиную, я слегка оцепенел при виде трех башкунчиков, чинно сидевших рядком на диване. Они никак не вписывались в этот дом. Их присутствие здесь напоминало дурную шутку, воспринятую всерьез. Даже котенок Саша — которой не было видно поблизости — подходила к этому дому куда больше, чем эти башкунчики. В ней было больше человеческого.

Барри сидел с краю, чуть отодвинувшись от других двух, его ярко-желтый парик все также нахлобучен несколько наискось. С другого краю сидел башкунчик в тоге, который отводил меня наверх в гостинице. Между ними расположился третий, которого я не знал, в маленьком красном костюме человека-паука, темных очках и бейсбольной кепке на лысой голове.

— Барри! — сказал я. — Давненько не виделись.

— Мистер Жопа, — откликнулся Барри. — Присаживайтесь.

Со спины ко мне подошла Пэнси. Я обернулся и улыбнулся ей, получив в ответ испепеляющий взгляд.

— Примите мои извинения, — заявил я. — У вас гости. Пожалуйста, продолжайте беседу. Я буду тих, как мышь.

Пэнси не сказала ничего. Барри наморщил лоб и буркнул:

— Тих, как миф.

Остальные башкунчики захихикали.

Пэнси стала за спинку незанятого кресла.

— Человек по фамилии Корнфельд искал вас здесь сегодня, — сказала она. — Он просил меня позвонить ему, если вы еще раз вломитесь ко мне.

— Парень из Отдела, — улыбнулся я. — Не стоит беспокоиться. Мелкая сошка. Он должен мне немного кармы, вот, должно быть, и хотел расплатиться.

— У вас неприятности, — продолжала она. — Мне бы надо ненавидеть вас. Пока мне вас жалко.

— Спасибо, Пэнси. Вспомните обо мне в следующий раз, когда скатитесь с кровати на иглу.

— Почему бы тебе не исчезнуть, громила? — предложил Барри. — Ты нам мешаешь.

— Я всю жизнь кому-то мешаю, — сказал я, обращаясь к башкунчикам. — Уж простите меня.

Башкунчик в темных очках снял их и зацепил дужкой за воротник. Он и тот, в простыне, уставились на меня темными провалами глаз, совершенно неподвижные, несмотря на водовороты эмоциональных завихрений, наполнявших комнату. Два лица создавали своеобразный стереоэффект.

Я повернулся к Пэнси.

— Я ищу Челесту, — сказал я. — Вы видели ее?

— Вы опоздали. Она была здесь утром, но уже уехала.

— Она не говорила, куда собирается?

— Она была очень расстроена. Она сказала, что вы отказались помочь ей. Она хотела позвонить инквизитору Моргенлендеру и сказать ему, что Ортон невиновен.

— Что вы ей ответили?

Рука Пэнси судорожно вцепилась в спинку кресла, а глаза уставились в пол. Потом она обиженно посмотрела на меня.

— Я сказала, что это глупо. Ясно же, что это сделал Ортон. — Ее щеки пылали, но она не отводила взгляда.

— Смелое заявление, — заметил я.

— Идите к черту, — сказала она, повернулась и вышла из комнаты.

Я прислушался и различил ее шаги по ковру лестницы. Потом скрип кроватных пружин наверху.

Барри казался довольным, как будто это он режиссировал поступки Пэнси и радовался тому, как точно она все исполняет. Стереопара только вращала глазами, словно зрители на теннисном матче.

— Почему ты вернулся? — спросил я.

— Я не был здесь несколько недель. И судя по вашим словам, здесь становится интересно.

— Ну и как?

— Я был прав. Интересно.

— Ты любишь свою мать, Барри?

— Я не *люблю* ничего. — Он произнес слово так, словно он знает, что оно означает, а я нет.

— Тогда то, что я собираюсь сказать, тебе без разницы.

— До сих пор было именно так.

Я сделал глубокий вдох. До меня дошло.

— Твою мать зовут Челеста Стенхант, не Пэнси Гринлиф. Не сразу, но я понял это. Пэнси работает на Денни Фонеблюма, но никто не признается в том, что же она делает. Она работает *нянькой*, Барри. Или работала, пока ты не вылетел из гнезда.

Барри только ухмыльнулся.

— Знали бы вы, как мало это меня интересует.

— Я тебе не верю.

— Вам меня не понять.

— Возможно.

Я подошел к кухонному блоку, нашел стеклянный стакан и налил воды из-под крана.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, — сказал Барри.

— Какой еще вопрос?

— Каково быть тем, кем вы есть.

— Ты задавал его по-другому. Там присутствовали слова, которых я не знаю.

— Вы жопа, — сказал Барри. — Самая гнусная жопа. Вам кажется, что вы представляете Справедливость, или Истину, или еще что.

9 Зак. № 644

Прежде чем ответить, я сделал большой глоток воды. Он начинал действовать мне на нервы, пусть ему было всего три года.

— Истина и Справедливость. Не уверен, что ты вообще понимаешь, о чем говоришь. Для тебя это просто слова. Истина и Справедливость. Красивые, звонкие слова.

Я взял себя в руки. Распинаться перед башкунчиками — пустая трата времени. Да и не только перед ними.

И тут я совершил ошибку, решив дать им повод для размышления.

— Я могу сказать вам, что считаю Истину и Справедливость двумя совершенно разными вещами.

Один из стереопары пришел в восторг. Он повернулся ко второму:

— Я могу сказать тебе, что считаю Истину и Справедливость четырьмя совершенно разными вещами.

— А я могу сказать вам, — подхватил второй, — что Любовь и Деньги — шесть совершенно разных вещей.

— В другой раз, — сказал я. — У меня нет настроения.

Я поставил стакан на стол и направился к двери.

— А я скажу, что считаю Время и Настроение двенадцатью совершенно разными вещами, — заявил за моей спиной Барри.

ГЛАВА 23

Мне раньше приходилось пару раз бывать в «Капризной Музе» в качестве посетителя — они поздно закрывались, и я пользовался этим, и еще пару раз я бывал там по работе, следя за какими-то алкашами. Я даже знал о существовании задней комнаты, но сам туда никогда не заглядывал. Имя Оверхольт было мне незнакомо. Я сел в машину и поехал туда, хотя не был уверен, что они уже открыты.

Они уже открылись. Входить в «Музу» со стоянки — все равно что попадать в маленькую машину времени, переносящую тебя из шести вечера в глубокую ночь. Парни за стойкой выглядели так, словно они набираются уже не один час, а на полу валялся ночной слой сигаретных бычков, размокавших в

лужах пролитого виски и растаявшего льда. Музыкальный автомат выдавал заунывную песню, хорошо идущую под последнюю рюмку, когда весь бар подпевает слова, хотя ясно, что последней рюмки в «Музе» не бывает. Вернее, бывает, но не одна.

Я зашел и сел как можно ближе к задней двери. Барменом здесь был здоровяк, сам то и дело прикладывающийся к бутылке. Ему потребовалось некоторое время, чтобы уяснить мой заказ, и еще некоторое время, чтобы принести его мне. Я не обратил на это внимания. Мне стоило бы спешить, но здесь, в «Капризной Музе», тебя окутывал кокон безвременья. В самом деле кому нужна карма? Я осушил стакан и сунул под него на пятьдесят баксов больше, чем следовало.

Когда бармен увидел деньги, он повел бровью, но не сильно. Он взял бы их как должное, если бы я не поманил его пальцем.

Он наклонился ко мне.

— Я хочу поговорить с Оверхольтом.

— Он, может, и не пришел еще. — Он говорил так быстро, словно ответ был заготовлен у него заранее.

Я вынул одну из рваных сотенных, заполнявших теперь мой карман. Он принял ее за целую и не замечал этого, пока не взял в руки, тогда снова повел бровью.

— Я склею ее после того, как поговорю с Оверхольтом, — пояснил я. — Будет как новенькая.

— Бог с ней, с новой, — сказал он. — И так сойдет. — Он повел глазами в сторону двери в задней стене.

— Спасибо.

— Не благодарите меня.

Он забрал у меня стакан, отнес его к шеренге бутылок у зеркала и принес обратно полным.

— Главное, платите больше за питье, вот и все.

Я взял стакан и прошел в дверь. Всю комнату занимал бильярдный стол — стены подходили к нему с трех сторон так близко, что это, должно быть, мешало прицеливаться кием. С четвертой стороны уходил вглубь темный коридор. Единственная лампочка свисала на проводе с потолка чуть выше шаров — неверное движение кием, и вы разобьете ее. У стола стояли двое, большой парень и маленький парень, и изучали стол, облокотясь на кии. Я закрыл за собой дверь и поставил стакан на сукно.

Когда большой парень посмотрел на меня, я уже знал, что мне нужен маленький. У некоторых людей все написано на лице, так вот у большого было явно написано что-то не то.

Впрочем, он не был лишен изящества. Он сделал шаг, снял стакан со стола и сунул его мне в руку. Потом пробил. Удар был неплох, и мы с Оверхольтом молча стояли и смотрели, как он один за другим заколачивает шары. Пару раз он задел кием о стену, но это ему не мешало. Он только поднимал конец кия выше и бил так же точно.

Когда он наконец промазал, он только хмыкнул. Конец кия снова уперся в пол, и он принялся ждать. Мгновение мне казалось, что придется ждать конца игры. Потом Оверхольт заговорил.

— Дверь в сортир с другой стороны.

— Я ищу парня по имени Оверхольт, — сказал я.

Оверхольт чуть заметно улыбнулся. Его губы потрескались, словно он слишком часто облизывал их. Он пригладил рукой волосы и снова взялся за кий.

— Ну я буду Оверхольт, — ответил он.

— Хорошо, — продолжал я. — Мне говорили, что вы можете дать мне такие вещи, каких не даст больше никто. — Я понятия не имел, о чем говорю.

— Случается, — произнес он.

Звучало это так, словно он признается в привычке, от которой не может отделаться.

— Плачу за то, чтобы это случилось сейчас.

— Попробуем. — Он окинул меня взглядом. — Мне надо знать ваше имя, и как вы узнали мое. Мне надо посмотреть на вашу карточку.

Мне было не до шуток. Я мог надеяться только, что он не знает моего имени от Фонеблюма. Я подержал карточку под лампой, стараясь не задеть шары.

— Я встречался с парнем по имени Фонеблюм, — сказал я. — Он советовал мне обратиться к вам.

Оверхольт нагнулся и прочитал мою фамилию.

— Толстый такой мужик, — пояснил я. — Никакого подвоха.

Оверхольт мрачно улыбнулся и спрятал мою карточку к себе в карман. Я приготовился делать ноги. Если бы понадобилось, я удрал бы и без карточки. Все равно на ней оставалось только двадцать пять единиц.

— Большой и толстый, это так, — кивнул Оверхольт. — Жаль, что он редко теперь выезжает.

Последовала минутная пауза. Я разглядывал Оверхольта так внимательно, как только мог, не давая ему понять этого.

Он похлопал себя по карману с моей карточкой.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Получите назад в лучшем виде. Простая предосторожность.

Я понял, что задержал дыхание и медленно выдохнул.

— Еще он говорил, что вы можете помочь мне достать немного Вычистителя.

Он покосился на большого парня. Я тоже посмотрел, хотя смотреть было особенно не на что. Потом он снова посмотрел на меня, и в первый раз наши глаза встретились.

— Бывает иногда, — сказал он.

— Мне он нужен.

— Вам бы не стоило употреблять его. Это плохой порошок, — почти искренняя забота.

— Это мое дело. Я хочу достать его.

Он вздохнул.

— Это будет стоить пять сотен.

Я усмехнулся про себя. От денег, что Энгьюин дал мне в баре «Вистамонта», осталось ровно столько. Было бы забавно потратить их на зелье, которое я совсем недавно высыпал в грязь на дороге. Цена меня не смущала — может статься, за эти деньги я получу больше, чем просто зелье. Впрочем, узнать это, не потратив денег, я не мог.

И что я буду делать с новым пакетом Вычистителя? Может, созрею до того, что попробую его.

— Нет проблем, — услышал я свой голос.

— О'кей, — сказал он. — Пошли наверх. Я позвоню.

Он передал кий здоровяку, который не высказал особого огорчения. Он выигрывал, однако таких побед у него осталось в прошлом не счесть, а в будущем ждало еще больше. Дела важнее.

— Ступайте за мной, — сказал Оверхольт и нырнул в темный коридор за столом.

Я шел следом, и он провел меня по короткому маршу наверх, в маленькую курительную с телевизором и парой кресел. Он предложил мне сесть, и я опустился в кресло.

— Деньги, — сказал он.

Я достал их. Он сосчитал и кивнул.

Я чувствовал себя все более и более глупо. Я так и не узнал ничего. Я пытался придумать способ выторговать за свои пять сотен что-то еще, но в голову ничего не шло. До сих пор я получал подтверждение теорий, которые почти ничего мне не давали. Я зря терял время.

Я как раз собирался устроить сцену и потребовать свои деньги и карту, но тут Оверхольт снова заговорил.

— Она вон там. — Он указал пальцем. — Если вам понравится, есть и еще.

Я не хотел, чтобы Оверхольт заметил мое замешательство, но, боюсь, оно все-таки проявилось на моем лице.

— Денни говорил вам?..

— Да, — заверил я его. — Денни мне говорил.

Я встал и вошел в дверь.

Я оказался в спальне. Освещение было неярким, но достаточным, чтобы я разглядел сгнившие обои на стенах. В комнате пахло гнилью, и я решил, что где-то в стене, наверное, лопнула труба. Девушка была совершенно раздета. Она лежала на кровати, и, когда я вошел, она повернулась, и улыбнулась мне, и поманила белыми руками. Она была симпатичная, но что-то в ее движениях настораживало. Я закрыл дверь, подошел к кровати и позволил ей обнять меня.

Я осторожно повернул ее голову так, чтобы заглянуть ей в глаза. Ее губы улыбались, но глаза оставались пусты. Они смотрели на меня, но видели что-то совсем другое. Я ждал, но она не меняла настройку. Она смотрела сквозь меня. И когда я провел рукой по ее затылку, я понял почему.

Под гривой волос прятался блок раба, маленький пластиковый шар, выходящие из него проволочки скрывались в черепе. Вряд ли ей было больно, когда я прикоснулся к

блоку, но стоило ей понять, что ее тело не интересует меня, как руки ее бессильно упали на простыню. Происходящее доходило до нее, до какого-то оперативного центра ее сознания, но замедленно. Учитывая то, чем она занималась здесь, и то, где она вообще находилась, это, возможно, было и к лучшему.

Я толкнул ее обратно на кровать. Все, чего я хотел, это отделаться от нее, но чуть перестарался, и она взвизгнула. Это пробудило во мне старые воспоминания, что-то горькое и нежелательное, что — я надеялся — давным-давно забыто. Наверное, процесс толкания обнаженных женщин на кровать всегда содержит в себе элемент секса, как бы ты ни толкал ее: игриво, враждебно или как-то еще.

Я поднялся с кровати. Сквозь омерзение я начал наконец различать некоторую логику происходящего. Упоминания Фонеблюма насчет невольничьих лагерей целиком вписывались в нее, и теперь я понимал, зачем ему необходимо поддерживать отношения с Отделом. Его извещали каждый раз, когда замораживалось симпатичное тело. Девушка на кровати наглядно демонстрировала, как все это действует. И я мог представить себе дюжину малоприятных поводов, зачем Фонеблюму могут потребоваться услуги врача или даже двух врачей.

Я открыл дверь и вышел к поджидавшему меня Оверхольту. Он вопросительно, почти сочувственно посмотрел на меня.

— Что-то не так?

— Нет, — ответил я. — Все в порядке.

— У нас тут есть все. Мужчины, женщины, групповуха. Любой возраст на ваш выбор. Не стесняйтесь.

— Идет.

— Мы всегда здесь.

Он заботливо нахмурил брови. Я был тронут.

— О'кей, — сказал он, помолчав. — Держите. — Он протянул мне конверт, слишком тонкий, чтобы в нем лежало зелье. — Отнесите это в порошечню на углу Телеграф-авеню и Пятьдесят девятой. Они дадут вам все, что нужно.

Я убрал конверт в карман.

— Мы не держим порошки здесь, — объяснил он. Наконец-то он разговорился. — Слишком опасно. Это только филиал.

— Ясно.

— О'кей.

Он обошел вокруг маленького столика с телефоном. Похоже, он был разочарован отсутствием моего интереса к девушке или разговору.

Он протянул мне мою карточку.

— Мы проверили ее нашим декодером. Двадцать пять. Да, негусто. Я мог бы помочь вам...

— Нет, — ответил я. — Спасибо, не надо. Это не поможет. Я под колпаком у Отдела. Они заметят.

Он широко улыбнулся, словно уличный торговец, расхваливающий свой товар.

— Вы не поняли, мистер Меткалф. Мы продаем карму только высшего качества. Отделу она не по зубам. Запись на внутренний слой. — Он помолчал. — И в конце концов у вас еще остался здесь неиспользованный кредит.

Иррациональная часть моего сознания, все еще трепетавшая при мысли о том, как мало кармы у меня осталось, заставила меня задержаться и обдумать это предложение. Однако мне не потребовалось долго размышлять, чтобы понять, что разницы не будет. Оверхольт не знал, кто я, иначе не стал бы предлагать мне этого.

— Право же, спасибо, — произнес я, стараясь говорить по возможности искренним тоном. — В моем случае это не сработает.

— О'кей, — повторил он, разведя руками.

Я забрал карточку.

Я оставил его за телефоном и вышел. Оставшись на лестнице один, я остановился,

прислонился к стене и перевел дыхание. Фокус с девицей меня потряс. Мне было проще думать о всех тех дюжинах или сотнях людей, которых Фонеблюм извлек из морозильника, чем вспомнить пустой взгляд улыбающейся девушки в сырой комнате. Девушки с клубком проводов в голове. Я не мог избавиться от этого воспоминания, значит, придется привыкать к нему.

Пару минут спустя я прошел остаток лестницы и миновал комнату, где гонял шары, отрабатывая удар, здоровяк. Я глянул на него, и он улыбнулся мне. Я решил, что для него я провел наверху достаточно времени для того, чтобы успеть наскоро перепихнуться с той девушкой. Я попробовал разозлиться, но не смог. Я улыбнулся в ответ и вернулся в бар.

Там все шло по-прежнему, то есть воздух казался осязаемым от паров алкоголя и сигаретного дыма. Музыка играла громче, хотя веселее от этого не стала. Мне хотелось выпить, но в баре было не протолкнуться. Не стоило и пытаться. Ничего. Понюшки в машине мне вполне хватит.

Протискиваясь сквозь толпу к выходу, я услышал за собой возмущенный голос бармена, оставшегося с половиной сотни в кармане. Я не стал оборачиваться. У меня почему-то не было настроения платить. Я решил, что ему

не легче протискиваться сквозь толпу, чем мне, а если на свете и есть что-то, что я умею делать хорошо, так это заводить машину в большой спешке.

Я добрался до двери и толкнул ее всем телом. Одновременно кто-то дернул ее с другой стороны, и я чуть не упал ему в объятия. Я обругал его и только потом понял, кто это. Прямо передо мной стоял Гровер Тестафер собственной персоной. Это было вовсе не весело, но я чуть не рассмеялся. Секунду спустя, когда из-за его спины, как чертик, вынырнул кенгуру, я уже не удержался.

ГЛАВА 24

Они составляли замечательно забавную пару. Формально, судя по всему, командовал Тестафер, но стоило ему увидеть меня, как он передал все полномочия Джою. Кенгуру только ухмыльнулся. Я прекратил ржать и попытался нырнуть между ними к моей машине, сразу же поняв, что идея не сработает. И правда, не успел я вставить ключ в замочную скважину, как услышал за спиной шаги, а между луной и ее отражением в окне машины проскользнула какая-то тень.

— Привет, Гровер, — сказал я, оборачиваясь.

Но передо мной стоял кенгуру, и в лапе его снова виднелся маленький черный пистолет.

— Привет, Меткалф, — несколько вяло произнес Тестафер.

Ему явно не хотелось ввязываться в эту историю. Он подошел ближе, но держался все равно за спиной кенгуру с пистолетом.

— Убери кенгуру, и мы поговорим, — предложил я.

— Пошел ты, тупица, — сказал Джой. — Никто меня не уберет. Я сам решаю, уйти мне или остаться. И никто другой.

— Ладно, — сказал я. — Убери только пушку.

— Мне кажется, пистолет не помешает, Меткалф, — сказал Тестафер. — Вы — опасный человек.

— Продукт своего времени, — вздохнул я. — Сами понимаете.

Я прислонился спиной к машине и убрал ключи в карман. Если уж нам придется говорить, я хотел по крайней мере чувствовать себя поудобнее. Холодало, и воздух был влажный, хотя и без тумана. Я отходил от приключений на втором этаже. Понюшка мне не помешала бы, но во всех других отношениях я чувствовал себя нормально.

— Мы ищем Челесту, — заявил Тестафер. — Лучше скажите, если знаете, где она.

— Здесь ее нет, — ответил я, мотнув головой в сторону «Капризной Музы».

За спиной кенгуру Тестафер явно чувствовал себя увереннее.

— Тогда скажите нам, видели ли вы ее сегодня, — сказал он. — И вам не мешало бы объяснить, что это вы делаете здесь.

Он явно научился задавать вопросы, не раня при этом свою чувствительность.

— Это вам не мешало бы объяснить, зачем вы ее ищете, — возразил я. — На мой взгляд, вы могли бы с этого начать.

— Она распустила язык, — ляпнул кенгуру. — Это становится опасным.

— Звучит не так уж страшно, — заметил я. — Пусть себе болтает. Чем это вам может помешать?

Кенгуру засопел и сунул пистолет мне в живот, словно это помешает мне задавать вопросы.

Но он ошибся.

— Чего вы боитесь? — продолжал я. — Или это Фонеблюм боится и выгнал вас на улицу разобраться с его страхами?

В эту секунду из дверей «Капризной Музы» вывалился наконец бармен в обществе здорового игрока в бильярд — рядом с ним он сразу показался маленьким. Но только показался. Они огляделись по сторонам и направились в нашу сторону. Они действовали слаженно, и я подумал, что им не впервой работать в паре.

Ситуация становилась забавной. Вот мы с Джоем и Гровером мило беседуем у машины, а вот два качка из «Музы» хрустят гравием, явно намереваясь разобраться с нами. Луна светила вовсю, но пистолет Джоя был черным, и он держал его достаточно низко. На деле их было четверо против одного, но всем четверым казалось, что расклад совсем другой: двое против троих. А пятый отнюдь не собирался разубеждать в этом остальных.

Тестафер имел крайне несчастный вид. Он не знал, прятаться ли ему за Джоя с его пистолетом — который казался ему теперь слишком маленьким — или бежать к своей машине. Он выбрал первое. Бармен отодвинул его и кенгуру и ухватил меня за воротник. Я и так уже стоял, прижавшись к машине, так что ему не пришлось толкать меня. Второй парень возвышался за его спиной запасной парой широких плеч.

— Сотенные бумажки редко встречаются в этих краях, — сказал я. — На сколько частей ты хочешь порвать ее?

Бармен повернулся к своему дружку.

— Пусть мой приятель с тобой разберется.

— Я инквизитор, — заявил я, умолчав о том, что я частник. — Спросите доктора Тестафера — вот этого. Он здесь отвечал на несколько вопросов насчет комнатки на втором этаже. Как Оверхольту удается уберегать тела от гниения, когда они занозят себе ногу.

Бармен повернулся и уставился на Тестафера. Я взял его за руки и помог ему отпустить мой воротник. Он был слишком занят, глядя на Тестафера, чтобы заметить это.

— Я тебя видел, — произнес он наконец. — Ты приходил сюда с толстяком.

Тестафер как язык проглотил. Он казался даже меньше пистолета в лапе кенгуру. Мне довелось видеть его в привычной ему среде: в доме на холме, в окружении ковров и старых журналов, со шкатулкой зелья на столе — так вот теперь он находился явно не на месте. Уж не знаю, как Фонеблюм убедил его поехать с кенгуру, разыгрывая из себя крутого; в любом случае сейчас Тестафер жалел об этом.

Кенгуру тоже чувствовал себя ненамного лучше, хотя на внешности его это почти не отразилось. Он отступил назад, бестолково поводя пистолетом: он явно не знал, на кого его нацеливать. Здоровяк из бильярдной повернулся к нему, поскольку инстинкт подсказывал, что опаснее всех тот, у кого пистолет.

До меня дошло, что я наблюдаю редкую картину: конфликт между людьми, одновременно работающими на Фонеблюма. То, что они не знали друг друга, означало, что положение Фонеблюма не так надежно, как он утверждал, и что он не посвящал своих подручных из «Капризной Музы» в свои неприятности с Челестой, Отделом и мной.

Они продолжали выяснять отношения, но я не собирался ждать, чем все это кончится. Я достал ключи и начал отпирать машину.

Тестаферу ситуация решительно не нравилась.

— Это бесполезно, — сказал он. — Ее здесь нет. Поехали.

— Скажи этим качкам, чтобы они уходили, Тестафер, — согласился кенгуру. — Они ведь тебя знают.

Он не опускал пистолета, хотя здоровяки казались не слишком напуганными этим.

— Свернуть шею этому прыгуну? — предложил парень из бильярдной.

— Плевать на кенгуру, — ответил бармен. — Он мне не нужен. Возьми у него пистолет и отдай мне. Потом сходи за Оверхольтом. Мне нужен его совет.

Бильярдный шар засмеялся. Они с барменом казались слишком большими даже по отдельности, вместе же они были как две по-

ловины того, о чем и думать-то страшно. Он сделал шаг и вынул пистолет из лапы кенгуру. Бедняга Джой. Он плохо знал правила игры. Он таскал пистолет, не используя его по назначению, так долго, что мог считаться безоружным. С животной тупостью он смотрел на свою пустую лапу, словно обвиняя ее в том, что она не выстрелила. Бильярдный шар отдал пистолет бармену, потом снова повернулся к кенгуру, небрежно взял его за плечи — если их можно назвать плечами — и спокойно швырнул на гравий. Потом направился в бар.

Джой встал и отряхнулся. Я вынул из кармана еще одну половину сотни и протянул ее бармену.

— Вот, держи, — сказал я. — Смотри, не потрать ее за два раза.

Я открыл дверцу машины.

Теперь пришла очередь бармена размахивать пистолетом.

— Вылазь, — сказал он. — Все трое, а ну к машине!

Кенгуру пребывал в трансе. Они с Тестафером послушно сгрудились между мной и барменом, и я решил немного усложнить им жизнь. Я взял обоих за шеи и толкнул на бармена с пистолетом, и, когда пыль немного рассеялась, кенгуру и бармен уже боролись за

пистолет. Тестафер на карачках отполз за машину. Я так и не решил, кого хочу видеть победителем, поэтому прислонился к машине и стал просто смотреть.

Бармен выбил пистолет из лапы Джоя на землю, и это было очень кстати, поскольку дало Джою шанс расставить свои задние ноги поудобнее. Тут мне почти захотелось отвернуться, поскольку я знал, что последует за этим, и, судя по выражению лица, бармен тоже догадывался об этом. Время, казалось, остановило свой бег, когда он потянулся за пистолетом, — с таким же успехом он мог бы тереть две сырые щепки друг о друга перед жерлом огнемета. Прежде чем он успел поднять пистолет, кенгуру нанес серию быстрых, но мощных ударов точно в центр его тела. Бармен сложился пополам, схватился в поисках опоры за ногу кенгуру и рухнул, когда тот убрал ее. Лежа на земле он казался меньше ростом. Ночь накрыла его, словно с ним было покончено.

Демонстрация природных преимуществ Джоя впечатляла. Правда, дожидаться второго действия я все-таки не хотел. Я сел в машину и сунул ключ в замок зажигания. Увы, Джой еще оставался в форме. Он поднял с земли пистолет и нажал на курок. В ветровом стекле у меня перед глазами появилась дырка.

— Вылазь, — коротко сказал он.

Я убрал руки с руля, но мотор глушить не стал.

— Убери пушку, Джой.

— Пошел ты, тупица! — его морда скривилась в недоброй ухмылке. — Меня тошнит от тебя. Вылезай.

Я вздохнул и выбрался из машины. Бармен так и лежал неподвижно на земле, а Тестафер давно уже ушел, поэтому на стоянке мы с Джоем оставались, можно считать, вдвоем. Свет и музыка «Капризной Музы» казались теперь такими далекими. Джой тяжело дышал, бешено выпучив глаза. Разбитое ветровое стекло убедительно свидетельствовало о его готовности нажать на спусковой крючок.

— Ладно, Джой, — сказал я. — Это твой бенефис. Только знай, что, если ты не поторопишься, у тебя будет компания. — Я кивнул в сторону огней бара.

Я не верил своим глазам. Он попался на удочку и оглянулся! Это стало последним штрихом в его портрете как дилетанта. Я достал из кармана ручку-антиграв и легонько толкнул в сторону его морды. Когда он обернулся обратно, и увидел ручку в воздухе между нами, и вычислил ее траекторию, помноженную на вес, которого она не имела, он отмахнулся от нее свободной лапой на уров-

не груди. Ручка проскользила в воздухе и угодила ему прямо в глаз. Он успел выстрелить в воздух, и тут я врезал ему по челюсти.

Я ударил с такой силой, что почти пожалел об этом. Рука мгновенно вышла из строя. Мне некогда было хныкать по поводу разбитых костяшек. Больной рукой я схватил его за шею, а здоровой двинул в нос. Я проделал это трижды и только потом отпустил его, но к тому времени Джой был уже не тот. Между моей рукой и его пастью протянулась клейкая нить слюны. Он все еще держал свой пистолет, но, когда я двинул по нему коленом, он даже не обернулся посмотреть, куда тот упал. По последней встрече я помнил, что бесполезно пытаться заставить кенгуру упасть. Я отшвырнул пистолет ногой под соседнюю машину, забрал ручку и оставил его стоять, качаясь.

На выстрелы из «Музы» выскочили Бильярдный шар и несколько других парней. Я понял, что мне самое время сматываться, и сел в машину. Мои руки нетвердо держали руль, но мне удалось врубить заднюю передачу и выехать со стоянки прежде, чем они подбежали. Я развернул машину, направил ее от клуба и бросил в зеркало заднего вида последний взгляд на картину. Бармен стоял на коленях. Кто-то полез под машину за писто-

летом. Я даже заметил розовое лицо Тестафера, прятавшегося между машинами. Все они казались группой белых марионеток, разыгрывающих какой-то идиотский фарс в ночи. Я нажал на газ и поехал прочь, пока они не нашли пистолет и не выстрелили мне вслед.

Проехав несколько миль, я свернул на боковую улицу и выключил фары. За мной никто не гнался. Я сложил руки, что потребовало от меня некоторого усилия, и массировал кисти до тех пор, пока они не пришли в более или менее рабочее состояние. Я чуть не плакал от боли. Размассировав кисти, я высыпал на зеркальце немного порошка. Мне пришлось подождать еще немного, пока зелье попало в кровь, и тогда боль ушла. Я выждал несколько минут, чтобы унять сердцебиение, а потом поехал к себе в офис.

ГЛАВА 25

Я входил в вестибюль, когда из темноты выступила Кэтрин Телепромптер и взяла меня за руку. Она снова распустила волосы — я говорю это, потому что это первое, что я заметил. Она толкнула меня в темноту у стены и прижала палец к губам. Я улыбнулся и поднес к губам свой палец. Так и так мои руки болели меньше в поднятом состояни. Она прижала губы к моему уху и зашептала. Я с трудом концентрировался на чем-то, кроме ее горячего дыхания у моего лица.

— Они наверху, — говорила она.

— Они, должно быть, хотят поговорить со мной, — прошептал я в ответ.

— Корнфельд стер ваше досье из компьютера, — сказала она. — Я не знаю, что это значит.

Я повернулся, чтобы она видела мою улыбку.

— В мое время это означало конечную остановку. — Я беззвучно рассмеялся. — Впрочем, возможно, это еще ничего не значит. Я работал в Отделе много лет назад, и все могло измениться.

Она не ответила. Она так и не выпускала мою руку. А может, это я не отнимал ее. Я только надеялся, что она не возьмется за мои пальцы.

— Я не хочу, чтобы вы поднимались, — сказала она наконец.

— Идет. Но я хочу поговорить с вами. Разумеется, если вы можете себе это позволить. В прошлый раз вы не были уверены в этом.

Казалось, огромный лепной потолок вестибюля давит на нас всей своей тяжестью. В доме царила тишина, но я чуял запах Корнфельда или кого-то вроде него, ждущего в моем офисе. И точно так же я через полгорода чуял запах тех, кто ждал меня в моей квартире. Ну что ж, пришло мое время. Я бы с удовольствием пошел куда-нибудь с Кэтрин Телепромптер, хотя выбор у нас был невелик.

Поэтому я предложил посидеть у меня в машине.

— Давайте лучше в моей, — сказала она. — Там я смогу слушать Корнфельда по радио.

Я согласился, что это удачная мысль. Она села за руль и настроила рацию на канал Отдела. Из динамика доносился монотонный голос диспетчера, сыпавший кодами и координатами, и это пробудило во мне старые воспоминания о ночных дежурствах, в одиночку или с напарником, когда приходилось прислушиваться к такому же голосу из динамика. Правда, тогда я понимал, о чем идет речь. Сейчас — нет. Я знал, что могу сидеть в ее машине сколь угодно долго и не беспокоиться ни о чем. Во всяком случае, пока они не упомянут мое имя, да и тогда тоже.

Я придерживал дверь ногой, чтобы плафон на потолке не гас, но не смотрел на Кэтрин. Я был за миллионы миль от нее. По дороге из «Музы» трещины в простреленном ветровом стекле разбили мое отражение на тысячу частей. Теперь в машине Кэтрин я снова стал единым целым — единым целым, растянутым, выпуклым плексигласом служебной машины, и я смотрел на это растянутое отражение, пока не стал напоминать толстяка из паноптикума. Или Фонеблюма.

— Расскажите, о чем вы думаете, — тихо попросил я немного спустя.

— Мне кажется, через несколько дней они успокоятся, — ответила она. — Но на вашем месте я бы до тех пор не высовывалась. Я нашла бы себе другое место или другое имя. Корнфельд ненавидит вас.

— Я так и понял.

— Поймите, нет смысла продолжать. Энгьюина нет, Моргенлендера отослали. Дело закрыто.

— Легко сказать, дело закрыто. Инквизиторская мантра: дело закрыто, дело закрыто...

Она почти рассмеялась.

— Как вам визит в Отдел?

— Кто-то из нас изменился с тех пор. Или я, или Отдел. Я пока не решил, кто именно.

— Мне кажется, вы, — произнесла она.

Я повернул голову и посмотрел на нее. Она сидела боком, и я понял, что она не сводила с меня глаз все это время. Раз повернувшись, я уже не мог не смотреть в ее глаза. Я отпустил дверцу, и плафон погас, решив эту проблему на несколько секунд. Я не решил еще, притягивают ли наши взгляды друг друга. Позже узнаю.

— Вы работали с Корнфельдом, — сказал я. — Вы должны много знать об этом деле.

Мои глаза свыклись с темнотой. Сквозь окна в машину проникал уличный свет, очерчивающий ее шею и подбородок. Я увидел, как вздрогнуло ее горло, когда она обдумывала ответ, но изо рта ее ничего не донеслось. «Кроме, — подумал я, — теплого, сладкого тумана, который я несколько минут назад ощущал на своем ухе».

Я вздохнул.

— Ладно, Кэтрин. Смотрите на это так, если, конечно, это не покажется вам слишком смешным: считайте меня совестью Отдела, крошечной частицей совести, которая оторвалась и не остановится, даже если дело закроют, даже если оно станет слегка опасным. Я — ваш шанс, Кэтрин. Снимите груз с души. Расскажите мне все, что знаете о деле. Потом вы можете забыть об этом, забыть даже о том, что рассказали мне это. Вы сможете спать спокойнее.

Мы снова замолчали. Я представил себе маленькие морщинки на ее лбу и напряженный рот. Мне и раньше приходилось произносить эти слова, и, возможно, я и сам в них верил. Так или иначе, мне показалось, что они тронули в ней что-то.

Когда она заговорила, ее голос сделался глубже, словно она говорила под гипнозом.

— Я не против отвечать на ваши вопросы. Сформулируйте только, что именно вы хотите знать.

Я посмотрел на нее, но ее взгляд оставался тверд. Возможно, я продвигался в расследовании ценой того, что ощущалось между нами.

— О'кей, — сказал я. — Первое: в чем обвиняют Энгьюина? Что было в том письме, которое они нашли?

— Я видела письмо только раз. Знаете, до вчерашнего дня я не занималась этим делом. Мне показалось, что Энгьюину нужны были деньги для себя и сестры. Он обвинял Стенханта в моральной нечистоплотности. Энгьюин считал, что защищает интересы сестры и ее ребенка, а когда туда переехала Челеста — и ее тоже. Он обвинял Стенханта в злоупотреблении наркотиками, из-за чего тот, по его мнению, и выгнал жену.

— Я работал на Стенханта. Все было по-другому. Он хотел, чтобы Челеста вернулась.

— Мы полностью убеждены в том, что он встречался в «Бэйвью» с женщиной.

Я покачал головой.

— Он ездил туда шпионить за Челестой. Это у нее был там роман. Поговорите с другим частным инквизитором по имени Уолтер

Сёрфейс. Он говорит, что даже видел один раз того парня. Мейнард Стенхант снимал номер, чтобы следить за ней. Ссора из ревности — лучший мотив, чем те, что вешают на Энгьюина.

— Послушайте, — вздохнула она. — Все, что я могу, — это рассказать вам то, что мы имеем. Ваши сведения не укладываются в версию.

— Так что у вас за версия? Я так и не знаю ее.

— Энгьюин угрожал в письме, что будет преследовать Стенханта. Вот он и поехал за ним в «Бэйвью» и убедился, что тот встречается там с его сестрой. Та это от него скрывала. Однако это случалось и раньше, иначе откуда же у нее ребенок? Энгьюин потерял голову и убил Стенханта. Это объясняет все, в том числе и нежелание Пэнси защищать брата.

Признаюсь, что на миг это ошеломило меня. Это было первое внятное объяснение, которое я слышал, и это включало в себя почти все, что я копил в своей памяти. Я бы даже согласился с этим, если бы не цеплялся так за свою идею, что Челеста, а не Пэнси является матерью башкунчика. И потом, Энгьюин не мог быть убийцей. Он так и не доказал

10 Зак. № 644

мне этого, но убивать он не умел. Я готов был поручиться за это жизнью. Черт, да я уже поручился.

— А как быть с овцой?

— За исключением отпечатков пальцев Энгъюина, у нас нет на него ничего. Возможно, вы сможете снять с него это обвинение.

— Он напоролся на это случайно и сразу же бросился ко мне, — сказал я и сразу же сообразил, как абсурдно это звучит. — Он не совершал этого, Кэтрин. Поверьте мне. Это так просто.

— Иногда простое и означает правильное. Боже, Меткалф. Что я делаю? Мне надо было вести вас в дом или отпустить — что угодно, только не сидеть здесь и подвергаться вашему идиотскому допросу. — Она нахмурилась. — Не судите меня, ладно? Вы ведете свое следствие, я — свое. Я разрешила вам задавать мне вопросы и только. Не пичкайте меня вашими эксцентричными версиями.

Я отвернулся, злясь на себя. Сам хорош: сижу с двадцатью пятью единицами кармы и разговариваю с инквизитором. Дурак, да и только.

— Извините, — сказал я. — Я постараюсь быть профессиональнее. Что вам известно про парня по имени Фонеблюм?

— Я не знаю такого имени.

Я подумал, не открыть ли мне снова дверцу, чтобы зажегся свет, но не стал этого делать.

— Он по уши в этом деле. Корнфельд точно знает его — упоминание этого имени в его присутствии обошлось мне в двадцать единиц кармы. Мне показалось, что он старался не дать Моргенлендеру узнать что-то.

— Моргенлендер — клоун, — сказала она. — Он взялся за это слишком горячо. Он все время связывался с Центральным Отделом. Рядом с ним все старались помалкивать.

Я положил руки на приборную доску и вспомнил, что они у меня разбиты.

— Моргенлендер считал, что дело не ограничивается этим, — сказал я. — Он старался не дать свернуть его.

— Я знаю. Он хорошо поработал до тех пор, пока не подвернулась эта овца.

— Жаль.

— Вам, должно быть, очень жаль.

Я ухмыльнулся.

— Моргенлендер здорово облегчал мне жизнь. Он звал меня длинноносым. Не думаю, что он видел во мне отбросы инквизиции.

Она молчала. Я решил, что она ждет, пока мне надоест спрашивать.

— Где вам сейчас положено быть? — спросил я. — Дежурить в вестибюле?

— Я не на дежурстве.

Это могло бы звучать ободряюще, не произнеси она это так нейтрально. Я хотел, чтобы в этом деле она была на моей стороне, а если покопаться в собственных чувствах — чего я не делаю никогда, — я хотел и большего. Но большего не происходило. Она свела мою страсть к профессиональному интересу, и это беспокоило и ее. Если она и почувствовала что еще, то хорошо это скрывала.

Что-то в потоке слов из динамика привлекло мое внимание. Мне показалось, я услышал фамилию Стенхант. Должно быть, Кэтрин тоже услышала, поскольку она добавила громкости.

Диспетчер диктовал адрес секс-клуба в центре и добавил что-то насчет убийства. Я навострил уши, но он переключился на другие сообщения. Я посмотрел на Кэтрин, а она посмотрела на меня.

— Возможно, нам стоит посмотреть, — сказал я.

— Возможно, мне стоит посмотреть, — возразила она. — Вам надо держаться в стороне, поймите.

Я улыбнулся.

— Все равно я поеду туда на своей машине, так зачем же зря переводить бензин?

Она вздохнула и завела мотор. Всю дорогу мы молчали. Это дало мне возможность пофантазировать, будто мы просто катаемся, возможно, едем в театр или в ресторан, а может, на ночь за город. Я закрыл глаза и позволил этим мечтам унести меня, пока она вела машину, но все эти мысли разом вылетели у меня из головы, стоило нам затормозить у входа в секс-клуб среди сирен и мигалок инквизиторских машин.

ГЛАВА 26

Я прошел за заграждения вместе с Кэтрин, ни разу не показав своей лицензии и не ответив на вопросы, на которые у меня не было ответа. Нескольких слов дежурящему у двери номера инквизитору хватило, чтобы нас пропустили внутрь. Клуб оказался местом, где вы могли взять напрокат любой инвентарь: кожаные штуки, цепи и так далее, — с хорошо изолированными помещениями, чтобы без помех пользоваться всем этим при условии, что все останутся живы, чему помогали электронные предохранители. Так и было до сих пор, но инквизитор у двери дал нам понять, что Челесте Стенхант с этим не повезло.

Я вошел в номер следом за Кэтрин. Она сделала только один или два шага, потом

резко повернулась, прижав руки ко рту, и выбежала, оставив меня наедине с грудой того, что раньше называлось Челестой Стенхант. Я наступил в кровь прежде, чем успел опомниться.

Кто-то начал с нижней половины ее тела, что было бы еще ничего, остановись он на этом. Кто-то не пожалел усилий. Это звучит грубо, но по-другому я назвать это не могу. Одежды на ней не было, но мне пришлось напрячь память, чтобы вспомнить, как она выглядела раздетой, ибо то, что лежало передо мной, не имело с этим ни малейшего сходства.

Я стоял, глядя и думая, и не чувствуя пока ничего, и тут до меня дошло. Меня не стошнило, как Кэтрин, — эту стадию я прошел много лет назад, — но меня прошибло по-другому. Я начал всхлипывать в рукав, впервые за много лет. Это быстро прошло, но я продолжал чувствовать себя ребенком, которого нужно умыть и вытереть. Я больше не мог смотреть на труп. Я вышел из двери и прислонился к стене. Я зажмурился, но картина все стояла у меня перед глазами.

Мои усилия собраться были прерваны знакомым голосом. Этого я не ожидал.

— Это подстроено, — сказал Моргенлендер.

Я открыл глаза. Он разговаривал с Кэтрин и инквизитором у двери.

— Можно считать, что она забыла включить предохранитель, но я в это не верю.

Это был все тот же Моргенлендер с большой головой и змеиным языком, и я не сомневался, что, увидев меня, он скажет что-нибудь обидное, но по-своему я был рад видеть его. Его нельзя было назвать красавцем, но как инквизитор он был неплох. Если Корнфельд отображал роботизованное будущее Отдела, Моргенлендер мог олицетворять прошлое — человеческое лицо, в котором больше нет нужды.

— Заполняйте рапорт, — сказал инквизитор, пустивший нас в номер.

— Идите вы, — сказал Моргенлендер. — Меня здесь не было.

— Ясно, — ответил инквизитор.

В номер толпой прошла группа понятых. Я пожелал им удачи. Когда они убрались, Моргенлендер заметил меня и неприязненно сморщился.

— Глазам своим не верю, — сказал он. — Как муха на мед. Как ты сюда попал?

— Привет, Моргенлендер. — Мне не хотелось объясняться.

— Я удивлен, что ты еще разгуливаешь, Меткалф. Разве я снял мало кармы?

— Спасибо, достаточно. Я думал, вас сняли с этого дела?

— Дело закрыто. Ступай домой, Меткалф. Не глупи.

— Дело было закрыто, — возразил я. — Энгъюин не убивал еще и Челесту Стенхант.

Моргенлендер так и замер в своем мятом костюме, уставившись на меня, как будто я не сказал совершенно очевидной вещи. Он подвигал челюстью, будто проверял языком нёбо.

Потом поправил рукав так же, как делал это у меня в офисе при нашей первой встрече.

— О'кей, Меткалф. Пошли, поговорим немного. Телепромптер, проводи своего приятеля вниз. Поделюсь с ним некоторыми соображениями. Посмотрим, продырявят ли они его насквозь или только вырвут куски.

Мы спустились. Первым шел Моргенлендер, проталкиваясь сквозь толпившихся там инквизиторов, — набычившись, руки в карманы. На улице было тише. Часть машин уехала, и улицу открыли для движения. Одна мигалка продолжала вращаться, и, когда Моргенлендер повернулся к нам, его лицо напоминало вспыхивающую и гаснущую красную маску. Думаю, вид у меня был не самый лучший — этот эффект оказывал на меня гипнотическое действие. Я даже не сразу понял, что он говорит мне.

— Челеста дважды пыталась связаться со мной, — говорил он. — Не оставила даже чертовой записки. Козлы из Отдела сказали мне об этом только час назад, как раз когда ее искромсали. — Он вздохнул. — Я же говорил им, чтобы они следили за ней. Чертов Корнфельд.

— Вчера ночью она сказала мне, что боится, — сказал я. — Она не верила в то, что убийца — Энгьюин. Вот что она сказала бы вам, если бы смогла.

— Когда у нее была такая возможность, она говорила мне совсем другое.

— С тех пор она передумала.

Он пожевал немного, потом сплюнул на асфальт.

— Вот чертово дело.

— Дело закрыто, — сказал я. Хоть раз я сказал это первым.

— Где Корнфиг? — повернулся он к Кэтрин.

— Я не знаю.

— Он знает, что ты разгуливаешь с этим любителем? — Он ткнул пальцем мне в грудь, чуть не продырявив насквозь. — Последний раз, когда я с ним общался, он хотел твою задницу, Меткалф.

— Мы сегодня вроде как прячемся от него, — сказала Кэтрин.

— Удачи, — фыркнул Моргенлендер. — И помните, что у стен есть глаза. Корнфельдовы глаза. — Он махнул рукой в сторону двух инквизиторов у входа в клуб. — Он держит весь залив у себя в кармане. Черт, я даже не знаю, зачем говорю вам все это. — Он хохотнул. — Вы ведь тоже часть этой проблемы. Ладно. Я уезжаю. Когда-нибудь я или кто-то еще пришпилит твоего маленького дружка к стене. Одному мне это не под силу. Он утопил меня в дезинформации.

Я молча слушал.

— Вы все усложняете, Моргенлендер, — вступилась Кэтрин. — Стоит ли удивляться болезненной реакции? Вы нервировали всех. Все можно было сделать куда спокойнее.

— Идите к черту, Телепромптер. Энгьюина топили, и не его первого. Надо же мне было что-то с этим делать.

Кэтрин состроила гримасу.

— Идите писать рапорт, Моргенлендер. И можете сколько угодно делать вид, будто понимаете, что происходит.

Кто-то выключил огни. Я оглянулся. Машин на улице стало заметно меньше. Бригада наверху будет работать с телом и номером всю ночь, но остальные разъезжались кто по домам, кто снова на дежурство. За ночь

нужно перекачать пару сотен единиц кармы, или твоя работа никуда не годится.

Телепромптер и Моргенлендер продолжали стоять в темноте, глядя друг на друга. Мне показалось, что разговор зашел в тупик. Лично я предпочел бы отправиться домой и принять понюшку, но мне все продолжало казаться, что стоит попытаться выведать у Моргенлендера еще что-нибудь, пока есть шанс.

— Вам не приходилось слышать фамилию Фонеблюм? — спросил я. — Я имею в виду, не от меня. — Я надеялся, что он все-таки ответит. — Видите ли, моя работа в последнее время состоит исключительно в созерцании того, как при упоминании этого имени люди испуганно замолкают или бьют меня под дых.

— Что ты хочешь на этот раз? — невесело усмехнулся Моргенлендер.

Я не ответил.

— Ладно, убирайся с глаз моих. — Он повернулся и торопливо пошел прочь.

Не знаю зачем, но я посмотрел на землю: даже в темноте я увидел кровавые отпечатки его ног на мостовой. Я не стал проверять, но и так знал, что такие же остаются и за мной.

Мы с Кэтрин вернулись в машину и молча сели на ставшие уже привычными места. Наверное, нам стоило поехать куда-нибудь, знать бы только куда. Радио все бормотало, Кэтрин протянула руку и выключила его.

Когда она заговорила снова, я услышал, что ее голос дрожит. Бойня наверху встряхнула ее, и ее удобная версия уже не казалась такой удобной.

— Кто ее убил? — спросила она тихо.

Звучало так, словно она решила попробовать поверить мне: вдруг это заставит ее почувствовать себя лучше, чем от версии Корнфельда.

А кто не убивал? — чуть не взорвался я. Однако это был не самый умный ответ, и я промолчал.

Когда я начинал работать, у меня была глупая идея насчет того, что моя работа — искать отдельных виновных в массе невинных людей. На деле же это оказалось, скорее, поиском одного или двух невинных с тем, чтобы защитить их от массы негодяев. Мне не удалось защитить Ортона Энгъюина, а теперь вот — и Челесту Стенхант. Обидно, когда ты узнаешь, что человеку можно доверять, только после того, как его разделали на части в звуконепроницаемой комнате секс-клуба.

— Фонеблюмов кенгуру искал ее пару часов назад, — сообщил я Кэтрин. Я старался

сосредоточиться только на сути дела, оставляя за скобками ту жестокость убийства, что сводила меня с ума от ярости. — Кстати, с ним был и доктор Тестафер. Правда, не похоже, что это дело рук доктора.

— Это похоже на дело рук маньяка.

— Может, это Барри Гринлиф убил ее? — выдвинул я идиотское предположение. — Вчера днем я был совершенно уверен в том, что Челеста — его мать.

— Вы любили ее? — спросила она так же тихо. Я повернулся, но она не смотрела на меня.

— С чего вы это взяли?

— Так написано в вашем досье.

— Мне казалось, что мое досье изъяли.

— Я добилась, чтобы мне дали допуск.

Я позволил себе улыбнуться. Я знал теперь: то, что я ощущал в воздухе между нами, не просто плод моего воображения. Я так и не знал, что мне делать с этим, просто я получил подтверждение.

— Досье не совсем точно, — сказал я. — Мы виделись дважды. В первый раз я был пьян, а во второй раз она лгала. Кажется, я ударил ее раз. Это все.

Кэтрин пробормотала что-то, словно понимала, почему кто-то должен бить Челесту или почему мне нужно бить кого-то.

— А вы с Корнфельдом? — собственно говоря, это был не вопрос, но я все же оставил на конце вопросительный знак. — Моргенлендер назвал его вашим дружком.

Теперь настал ее черед улыбаться про себя. Мне показалось, что она получила такое же доказательство, как я только что.

— Он хотел этого, — ответила она. — Но нет.

— Хотел? — переспросил я. — Он что, сдался?

— Хочет до сих пор. — Она вздохнула.

— Значит, отчасти из-за этого он так старается усложнить мне жизнь, так?

— Возможно.

Я рассмеялся. Если бы Корнфельд знал мой нынешний сексуальный статус, он бы посмеялся вместе со мной. Думаю, что этого в моем досье не было. Кэтрин сидела и слушала, и, если что-то и показалось ей забавным, она оставила это при себе.

В конце концов я заткнулся, и в машине стало тихо. Мы оба сидели, глядя в ветровое стекло, только я смотрел не на улицу, а на отражение Кэтрин, и, когда я встретился с ней взглядом, понял, что она тоже смотрит на мое отражение. А потом мы уже держались за руки. Вот так все и было: только что мы про-

сто сидели, и вот мы уже держимся за руки. Я мог бы сказать, что чувствовал себя как школьник, только школьником я никогда не делал ничего подобного. Я чувствовал себя кем-то, кто занимался этим в школьном возрасте, а теперь ему напомнили об этом. Я даже покраснел и разнервничался, как черт знает кто.

Мы держались за руки, пока наши ладони не вспотели. Я сообразил, что следующий шаг положено делать мне. Она не знала, что у меня отсутствуют нервные окончания для того, что ожидается, а я не хотел говорить ей об этом.

— Поехали куда-нибудь, — предложил я. — К тебе?

— У меня плохо, — ответила она. — Поехали к тебе домой.

Я удивленно посмотрел на нее.

— Разве Корнфельд не оставил кого-нибудь дежурить там?

— Оставил, — сказала она. — Меня.

ГЛАВА 27

Я вышел на кухню приготовить нам выпить и быстро выложил на стол щепотку своего порошка. Поколебавшись секунду, я втянул его, включив воду, чтобы заглушить звук. Не знаю, откуда взялась эта дурацкая застенчивость, но она взялась и все тут. Когда я вернулся в комнату, Кэтрин удобно уселась посреди дивана, так что, с какой стороны я бы ни сел, я оказался бы близко от нее. Здорово. Она хорошо смотрелась в моей квартире, лучше чем я сам. Я решил, что за минувшие дни она имела возможность потренироваться, как сидеть на моем диване.

Я протянул ей стакан.

— Садись, — сказала она.

Я сел. Все верно, мы сидели вплотную друг к другу.

После этого я потерял чувство времени. Мы просто пили и болтали, а потом мне надоело выходить на кухню со стаканами, и я просто принес бутылку и поставил ее на журнальный столик. Часы показывали двенадцать, и час, и два, и мне было все равно. Мы болтали о какой-то ерунде, и это было здорово, а потом поболтали о чем-то стоящем, и это оказалось еще лучше. Но о деле мы больше не говорили. Ни слова.

Когда темы для разговора иссякли, я поцеловал ее. Это было совсем не то же, что целовать Челесту. Можно сказать, я по-настоящему поцеловал женщину в первый раз за много лет: поцелуй с Челестой прошлой ночью не в счет.

Мы отставили стаканы и устроились на диване. Я старался не спешить, но это было нелегко. Когда моя рука коснулась ее груди, это было все равно что первая капля дождя, упавшая на кусок железа, такой сухой и ржавый, так раскалившийся на солнце, что вода испаряется мгновенно, и поверхность остается сухой. Я не обращал внимания на боль. Даже пара, возможно, сломанных пальцев не могла остановить меня.

Мы прошли в спальню и разместились на кровати. Я выключил свет. Когда она взяла меня в руки, я закрыл глаза. Ощущения были не совсем те, что положено, но это было не важно. Мне нравилось. Если я слегка шевелил бедрами, я мог ощутить свой вес в ее руке. Мы полежали так некоторое время, потом я освободился из ее руки, склонился над ее телом и прижался к ней. Она охватила меня руками, я вытянул ноги и медленно опустил свое тело на нее.

Все оказалось не так плохо, как я боялся. Возможно, это было только мое воображение, а возможно, старые воспоминания спроецировались в настоящее, но, клянусь, я ощущал ее плоть вокруг меня так, как это и положено. Несколько раз я выскальзывал, а мои бедра продолжали двигаться, не замечая этого, но я не считал себя таким уж профессионалом, чтобы этого не случалось и раньше. Я не дал ей усомниться в том, что я мужчина, а она женщина, и, раз попав в ритм, я и сам в это поверил.

А потом все вернулось, и я чуть не разрыдался ей в плечо, в волосы. Все обрушилось на меня разом. Я вдруг понял, что то, чего мне не хватало, вовсе не осталось в прошлом. Ей-богу, это дошло до меня именно в таких словах.

Я понял наконец, что мне безразлична женщина, бросившая меня в таком положении, что я не хочу, чтобы она вернулась, и что мне не нужно возмездия, и что мне не нужна ни Челеста, ни кто-то еще — только та женщина, что шевелилась сейчас подо мной. Я хотел Кэтрин, я хотел ее всем, что имел, — и именно этого у меня сейчас не было. То, что я мог предложить ей — вернее, должен был предложить, — отсутствовало, и я имею в виду вовсе не свой пенис. Я хотел Кэтрин, но я хотел ее совсем другим собой, таким, каким я не был. То, чего мне не хватало, не осталось в прошлом, да его и не было вовсе. Оно затерялось в будущем. Тот, каким я должен был бы стать, но не стал.

Потом физический аспект взял верх. Я обнял ее и любил изо всех сил. Моя страсть, должно быть, напоминала ярость. Собственно, это и были страсть и ярость поровну. Когда я почувствовал себя увереннее, я посмотрел ей в глаза, и придерживал ее голову так, чтобы она смотрела в мои. Финал занял много времени, и я не торопил его и ей не давал его торопить. Мы кончили, завязавшись в клубок на простыне; ее колени прижимались к моей груди, моя голова — к изгибу ее шеи.

Она уснула, но я не мог. Когда я решил, что уже не разбужу ее, я освободился из ее объятий, вышел в ванную и довольно долго смотрел на себя в зеркало. Мой пенис блестел, но я не стал вытирать его. В темноте я выглядел вполне ничего; мой силуэт очерчивался светом с улицы, пробивавшимся в ванную через волнистое стекло, так что я не стал включать свет. Я дорос до вступления в ту категорию вечных предметов, которые лучше смотрятся при выключенном свете. Мне не требовалось видеть лопнувшие сосуды в глазах, красные круги под ноздрями и синяки с царапинами на руках, чтобы знать, что они здесь.

Когда мне надоело смотреть на себя, я вышел и полюбовался на Кэтрин — просто так, под настроение. Я смотрел на нее с расстояния каких-то нескольких дюймов от ее лица, потом поправил простыни и отступил на несколько шагов полюбоваться еще. Она была прекрасна с любого расстояния. Я прикрыл ее одеялом, накинул халат и вышел в гостиную.

Наши стаканы и бутылка все стояли на столе, а ее плащ так и висел на спинке кресла. Во всех остальных отношениях ничего не выдавало то, что в спальне впервые за много лет

спит женщина. Черт, я даже пью иногда из двух стаканов сразу, когда занят и не обращаю на это внимания. Я легко мог представить себе, что я один дома. Я принес с кухни флакон зелья и высыпал все, что осталось — а осталось совсем немного — на стол.

Небо за окном начало розоветь по краям, а звезды по одной покидали небосклон. Наступало утро. Я смотрел, как ночь соскальзывает с домов, нюхал остаток порошка и обдумывал свой следующий ход.

Мои дальнейшие действия не будут связаны с Отделом — несмотря на то, что в постели моей спит инквизитор. Кэтрин не обладала в Отделе достаточным весом, к тому же она все равно не разделяла до конца мои версии. Если Моргенлендер еще на сцене, я мог бы перетянуть его на свою сторону при всей его нелюбви ко мне, но рассчитывать на это особенно не приходилось. Я обдумал абсурдную идею встретиться еще раз с Фонеблюмом и выложить ему все, что имею против него, но даже в том маловероятном случае, если он капитулирует, я вряд ли придумаю, что просить у него. Если я позволю ему разрешить мои проблемы с кармой, я только пополню компанию тех, кто жил и живет у него под пятой, вроде Пэнси, Стен-

ханта, Тестафера и многих других. Включая, судя по всему, Корнфельда.

Теперь я не сомневался, что могу распутать это дело. Вопрос заключался только в том, к кому мне идти, распутав его. У меня был клиент — даже два, считая Челесту, — но они вышли из игры. Я мог распутать это дело, но с точки зрения самосохранения лучше бы мне было его не распутывать.

Корнфельд вошел, когда я вытирал стол. Он вошел без стука. Судя по его виду, он не спал всю ночь — впрочем, я тоже. По крайней мере он был при полном параде и даже с пистолетом. На мне был только халат.

— Одевайся, — буркнул он.

Я сделал так, как он приказал. Он не заглянул в спальню, и если и узнал плащ Кэтрин или ее помаду у зеркала, то промолчал. Он только стоял и смотрел, как я сражаюсь с пуговицами. В окно заглянуло солнце, и на стволе его пистолета вспыхнул солнечный зайчик. Когда я обулся, он попросил мои карточку и лицензию.

Я протянул их ему. Он сунул лицензию в карман и пробежал декодером по карте. Я протянул руку забрать ее, но он убрал ее в карман к лицензии и ухмыльнулся.

— Просто сувенир, — пояснил он. — В свое время получишь новую.

Я хлопал глазами не понимая.

— Добро пожаловать в мир лишенных кармы, Меткалф. Надевай плащ.

Мы спустились к его машине. Я никогда не смогу этого проверить, но не думаю, что Кэтрин хотя бы пошевелилась во сне.

Часть 2

ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ГЛАВА 1

Это было недолго, но противно. Я проснулся с ощущением, что так и не отоспался как следует после той ночи, когда меня забрал Корнфельд. На мне была уродливая пижама, и я лежал в квадратном белом помещении — вроде бы несколько минут назад я находился в таком же, только тогда вокруг суетились врачи, готовившие меня к заморозке.

Теперь в углу сидел один-единственный санитар с журналом в руках. Я слез со стола, потянулся и хотел уже было поворчать насчет того, что даже здесь у них ничего не работает как надо. Тут парень заметил, что я проснулся, достал откуда-то и вручил мне мою одежду, чистую и отглаженную, и только тогда до меня дошло, что я отлежал свой

срок. Гадкому привкусу у меня во рту исполнилось шесть лет.

Я не спеша оделся. Санитар не торопил меня. Чуть позже он спросил, готов ли я, и я ответил, да, и мы вышли в коридор и спустились на лифте на первый этаж. В лифте санитар окинул меня взглядом и улыбнулся. Я попробовал улыбнуться в ответ, но не смог — так волновался. Я все пытался найти в себе подтверждения того, что миновало шесть лет, но не находил.

Санитар проводил меня в кабинет, где сидел инквизитор, в бешеном темпе печатавший что-то на встроенном в крышку стола компьютере. С минуту мы ждали, пока он покончит с этим занятием, потом он опустил монитор и улыбнулся. Я сел на стул и, пока санитар и инквизитор подписывали друг другу какие-то бумаги, переговариваясь вполголоса, выглянул в окно. Солнечные лучи слепили глаза, отражаясь от стеклянных стен домов напротив.

Может, это объяснялось особенностями моего свежеразмороженного зрения, но все показалось мне каким-то неправильным: слишком яркие краски, нечеткие силуэты. Словно плохо отретушированная фотография. Я вдруг понял, что мне вот-вот предстоит выйти из дверей Отдела в эту плохо отретушированную фотографию — насовсем. И эта фотография — мой новый мир, а старого больше не будет. И еще я понял, что продолжаю жить своим последним делом, что глупо. Смехотворно глупо. Можно подумать, что это дело еще не закрыто.

Санитар вышел, а инквизитор выдвинул ящик стола, достал оттуда металлический контейнер размером с коробку из-под ботинок и поставил передо мной. В нем оказалось барахло, которое они вынули из моих карманов шесть лет назад, аккуратно рассортированное по полиэтиленовым пакетам. Его было немного. Ключи от машины и квартиры, исчезнувших пять лет и одиннадцать месяцев назад, когда я перестал платить. Все же ключи приятно оттягивали задний карман — в конце концов ими удобно чистить ногти.

Все остальное составляли половинки шести разных стодолларовых купюр и ручка-антиграв. С минуту я покрутил обрывки в руках, пытаясь собрать хоть одну бумажку, которую смог бы сунуть в кассовое окошко или по крайней мере бармену в темном баре, но, увы, я явно грешил привычкой совать в карман одинаковые половинки. Пока я не наткнусь на парня с противоположной привычкой, толку от этих бумажек никакого. На всякий случай я все же сложил их и сунул в карман.

Я вытаскивал из пакета авторучку, когда почувствовал на себе пристальный взгляд инквизитора. Я поднял глаза, и он ухмыльнулся. На вид ему было лет двадцать — двадцать пять, но мне казалось, он нагляделся на лишенный кармы мусор вроде меня, входящий и выходящий из морозильника, и теперь развлекается, глядя, как я разбираюсь со своим богатством.

Неожиданно он встал и закрыл дверь в коридор.

— Я вас ждал, — заявил он.

— Очень рад, — озадаченно промямлил я.

— Я дам вам пятьдесят баксов за эту ручку, — сказал он, возвращаясь за стол. — Это ведь первая такого рода. — Он говорил, словно обращаясь к ребенку в те времена, когда еще были дети. — Это мечта коллекционера, — объяснил он.

Я не удержался от улыбки.

— Эта ручка спасла мне жизнь.

Он принял это за желание поторговаться.

— О'кей, — сказал он. — Сотню.

— Она не продается.

Он посмотрел на меня со странным выражением в глазах.

— Я же оказываю вам услугу, чудак. Ваши деньги вряд ли на что годны.

В этом была своя логика.

— Сто пятьдесят, — сказал я.

Он покачался немного в кресле, потом с улыбкой достал бумажник.

— Учтите, я ведь мог просто взять ее.

— Нет, не могли, — заявил я немного обиженно. — Если бы могли, взяли бы.

Он расстегнул бумажник, и в кабинете послышалась музыка: фанфары, которые не смолкали, пока он не отдал мне деньги и не убрал бумажник в карман. От этого у меня по спине побежали мурашки. Я надеялся только, что играл бумажник, а не деньги.

Он выдвинул другой ящик и достал оттуда маленький конверт, заклеенный скотчем, и новую карточку с моим именем.

— Семьдесят пять единиц, — сообщил он. — Желаю удачи.

Он снова осветился своей идиотской улыбкой. Похоже, интервью перед выходом подошло к концу. Я сорвал скотч: конверт оказался полным стандартного порошка. Трогательная заботливость.

Я рассовал все по карманам. Мне здорово хотелось вытереть эту чертову ухмылку с его физиономии, но я сдержался. Я подтолкнул ручку к нему; он прикинул траекторию и поймал ее прежде, чем она пролетела над его головой. Но не раньше.

— Пока, — сказал я.

Я пересек пустой вестибюль и вышел на солнце. Я еще не решил, что буду делать дальше, но мои ноги сами на всякий случай старались унести меня подальше от Отдела, на что у них имелись основания.

Свернув за угол, я почувствовал, как кто-то, идущий за мною, тянет меня за рукав. Это оказался Сёрфейс. Шимпанзе казался маленьким и сгорбленным, но в конце концов шесть лет прошло, к тому же я видел его только раз, да и то — в постели. На нем был костюм грязно-серого цвета и красный галстук с вышитыми маленькими пони. Ботинки были бы даже симпатичными, не покрывай их паутина царапин.

Он посмотрел на меня, и кожа у него на лице покрылась сетью морщин. Выражение его было неожиданно мягким.

— Я нашел в газете сообщение о том, что тебя выпускают, — объяснил он. — Я подумал: тебе не помешает, если кто-то угостит тебя выпивкой.

Я был тронут. Не уверен, что мне хотелось, чтобы меня жалел кто-то с внешностью Сёрфейса, и все же я был тронут.

— Идет, — откликнулся я. — Веди.

Старый шимпанзе повернулся и двинулся по тротуару. Я пошел следом. Я не знал точно, который час, но солнце стояло высоко, и я подумал, что Сёрфейс, должно быть, встал

рано специально, чтобы поймать меня. Интересно, подумал ли он при этом, что мне нужно больше, чем просто выпивка, чтобы очутиться в своей тарелке?

Мы зашли за угол здания и оказались на большой стоянке. Если не считать инквизиторов, подъезжавших и отъезжавших на своих черных машинах, на ней стояло только два-три человека. Когда я пытался встретиться с ними глазами, те поспешно смотрели на часы, на небо или на асфальт. Все в порядке, моя привычная паранойя действует как положено; я почувствовал, что время, проведенное в морозильнике, оставило несмываемое клеймо на моей ауре и будет узнаваться всеми до тех пор, пока я не научусь скрывать это. Я рассмеялся. Все, что мне было нужно, — это выпивка и понюшка.

Я хлопнул Сёрфейса по плечу.

— Куда мне идти за лицензией?

Он покосился на меня и подмигнул. Я не думал, что его лицо может сморщиться еще сильнее, но оно смогло. Его лицо практически растворилось в морщинах.

— Попридержи вопросы, — буркнул он сквозь зубы.

11 Зак. № 644

ГЛАВА 2

Мы уселись в его машину, и он отвез меня к себе домой и налил мне стакан у себя на кухне. Жилье было еще более убогим, чем то, в котором я навещал его шесть лет назад, когда его ранили. Кроме того, я не видел никаких следов его подружки, и, возможно, одно являлось следствием другого, хотя, что именно было причиной, а что — следствием, я не знал. Тот мир, что он построил вокруг себя, исчез. Когда-то он был классным частным инквизитором. Теперь он стал просто старой обезьяной.

Некоторое время мы молчали. Это устраивало нас обоих. Бутылка, которую он выставил на стол, была полна только наполовину, и мы не особенно торопились расправляться с ней. Виски на пустой желудок ударил мне в голову, и это мне нравилось. Мне не особенно хотелось проверять, какую закуску он выставит.

Я решил попробовать, что за порошок они мне там насыпали. Это казалось еще одним барьером между мной и этим новым миром. Я боялся, что, когда начну задавать вопросы, ответы на них мне не понравятся. Я надеялся, что зелье поможет мне забыть про вопросы.

Я высыпал на стол весь конверт. Порошка оказалось слишком мало, чтобы делить его на порции. Его едва хватало на один этот раз, какими бы ни были ингредиенты. Я покрошил его ногтем и свернул конверт трубочкой.

— На твоем месте я не делал бы этого, — заметил Сёрфейс.

— Мне не до лекций, — отозвался я.

Он оскалил свои желтые зубы и отодвинул стакан.

— Не торопись, Меткалф. Я пытаюсь объяснить тебе, что тебе это не нужно.

— Не нужно, — кивнул я. — Необходимо.

— Это даст тебе то, что ты ищешь и еще кое-что, — сказал он.

Он облизнул губы и говорил медленно и внятно; второй случай за последний час, когда со мной обращаются как с ребенком. Мне это не понравилось.

— У тебя еще нет воспоминаний, чтобы стирать их.

— Мне хватает еще с того раза, — ответил я. — Не веришь — могу поделиться.

— Это зелье совсем другое, — его голос сделался тихим, но настойчивым. — Сделай мне одолжение, не нюхай его.

Я вздохнул, развернул конверт и, используя его в качестве совочка, сгреб порошок в маленькую кучку на краю стола. Хорошее настроение куда-то исчезло, даже виски, казалось, прокисло в желудке.

— О'кей, Сёрфейс. Я сделаю тебе одолжение. — Я заглянул в его глаза так глубоко, как только мог, но он выдержал взгляд. — Только ты сделай мне встречное одолжение. Скажи, что сделало тебя тряпкой. Ты был крепче, даже валяясь на кровати перед телеком. — Я засмеялся, чтобы скрыть страх. — И если мне предстоит сделаться таким, как ты, дай мне знать, чтобы я пустил пулю в башку, пока у меня хватает на это духа.

Он наконец отвел взгляд и потянулся за стаканом, но тот был пуст.

— Придется тебе привыкать, Меткалф. Это не моя вина. Сейчас больше не поразгуливаешь, задавая вопросы.

— Я хотел взять лицензию.

— Нет больше лицензий, — вздохнул он.

— Но инквизиторы-то есть, — возразил я.

— Только не частные.

— Нет, есть, — сказал я, сжимаясь от неприятного предчувствия. — Вот он я. То, чем я занимаюсь, по-другому не назовешь.

— Твое занятие в прошлом, — сказал он тяжелым, мертвым голосом. — Ты этим занимался. Раньше. Теперь этого нет, Меткалф. Привыкай.

— Посмотри-ка, кто это говорит... — начал было я и осекся. Это вылилось бы во что-то грязное, а у меня душа не лежала к этому.

Его губы сложились в невеселую улыбку.

— Я жил только этим, — сказал я, наполовину себе самому. — У меня же нет ничего другого. Я пытался.

— Попытайся еще. Этого больше не будет. Тебе даже не позволят разговаривать с кем угодно. А про вопросы забудь.

— Забыть про вопросы, — повторил я. — Спасибо, буду знать.

Я провел пальцем по кучке белого порошка — на столе осталась дорожка. Мне отчаянно хотелось нюхнуть.

— Что не так с порошком?

— Индивидуальных смесей больше нет. Только стандартная.

— И что со стандартной?

— Забыватель с продленным действием. В этом все дело. Нюхай, если хочешь, только не забудь сначала написать на спичечном коробке свое имя и адрес. Большими буквами.

— Я думаю, переживу.

— Как хочешь. — Он вздохнул. — Да, Меткалф. Не заговаривай о прошлом. Память не поощряется. Для этого и предназначена эта дрянь. В Лос-Анджелесе запрещено знать, чем ты зарабатываешь на жизнь. И если ты не используешь это зелье, притворись, будто используешь. И если увидишь людей, говорящих в свой рукав, не думай, что они говорят с тобой. Учти.

Я ждал продолжения, но он закончил. Он поднялся и пошел к шкафу, скорее всего за новой бутылкой. Я остался сидеть, пытаясь усвоить то, что он мне сообщил. Получалось плохо.

Он достал еще одну початую бутылку, полнее первой, хотя и ненамного, и разлил ее содержимое поровну в два стакана. Потом сел и присосался к своему. «Интересно, сколько спиртного требуется, чтобы свалить с ног это маленькое тело», — подумал я и решил, что Сёрфейс выработал значительную устойчивость к алкоголю. Когда ты не помнишь, сколько у тебя бутылок осталось, это происходит не от того, что ты не пьешь.

Я же предпочитал другие стимуляторы, и взгляд мой не отрывался от порошка. Моя кровеносная система требовала щепотки Пристрастителя — единственного ингредиента, без которого не обходится ни одна смесь.

Я смел стандартный Забыватель обратно в конверт, аккуратно завернул его и положил в карман. Пригодится пускать пыль в глаза, как предлагал Сёрфейс. И если уж совсем невмоготу станет, могу и понюхать ı к черту последствия.

Сёрфейс опустил стакан.

— Черт побери, Меткалф. Знаешь, я уже несколько лет не говорил столько.

— Мы еще и не говорили.

Он отмахнулся от моего сарказма.

— Я имею в виду сегодня, после того, как отловил тебя.

Я почувствовал приступ раздражения. Мне хотелось сказать ему, что он говорил со мной всего два дня назад. Но, разумеется, это был вздор. Сёрфейс был добр ко мне, и я должен отплатить ему тем же. Тем более что все это безобразие миновало меня, пока я валялся замороженным. Надо научиться не напоминать людям, сколько они потеряли по сравнению с тем, что было раньше.

— О’кей, — сказал я. — Я все понял. Спасибо за питье. — Я допил остаток из стакана.

— Не принимай это близко к сердцу, — посоветовал он. — Держи ухо востро, а рот на замке. Ты усвоишь правила игры.

— Я удалю себе рот как только научусь насвистывать жопой.

— Хорошая мысль.

Мне кажется, он был доволен. Он постарался избавить меня от неприятностей, и я сделал вид, что со всем согласился. Я не знал, стоит ли сообщать ему плохую новость: случайное замечание, оброненное им минуту назад, зацепило что-то в моем сознании, и дело, закрытое или не закрытое шесть лет назад, оказалось волшебным образом близко к раскрытию. Может, у меня и нет лицензии, но кто помешает мне довести до конца то, что я начал тогда?

Я не сомневался, что старая потрепанная обезьяна, сидевшая за столом напротив меня, не обрадуется этому. Но другой Сёрфейс, закаленный частный инквизитор, которого я знал шесть лет назад, был бы рад узнать, что я еще в деле.

Я недолго размышлял над этой дилеммой. Тот Сёрфейс, что обрадовался бы этому, шесть лет как исчез. Мне пора было собираться. Я встал и надел плащ.

— Не принимай это близко к сердцу, Меткалф, — повторил Сёрфейс.

— Конечно, — кивнул я.

Мне хотелось убраться отсюда: вдруг то, что он мне сказал, все-таки неправда? И потом я не в силах был усидеть на месте. Я подумал о порошке у меня в кармане, и мои руки задрожали.

Я не обещал Сёрфейсу звонить или чего-нибудь вроде этого. Я решил, что он одобрит мое молчание, поэтому я только обернулся, подняв руку, у двери. Он кивнул мне, и я спустился по лестнице на улицу. Солнце клонилось к закату, а у меня в желудке все еще не было ни крошки. До места, где я обычно брал сандвичи, было кварталов десять хода. Возможно, оно еще там. Я отправился в путь.

ГЛАВА 3

Заведение, которое я имел в виду, куда-то делось, но через квартал располагалось почти такое же. Судя по всему, люди еще не утратили привычку есть сандвичи. Я решил разменять полученный от инквизитора полтинник и заказал десятидолларовый ломоть хлеба с майонезом и трехдолларовый стакан содовой, и, когда продавец выдвинул из-под кассового аппарата ящик с деньгами, тот исполнил оркестровый пассаж, не смолкавший до тех пор, пока его не задвинули обратно. Парень за прилавком улыбнулся так, словно на белом свете не было ничего естественнее. Я хотел улыбнуться в ответ, но улыбка не вышла.

— А мне казалось, ваша музыкальная шкатулка дает сдачу, — сказал я.

Парень непонимающе нахмурил брови. Он достал из кармана какую-то коробочку и заговорил в сетку-микрофон с одной ее стороны.

— Это, насчет музыкальной шкатулки, это как?

— Просто шутка, — послышался голос из коробочки.

— О, да, — просветлел лицом парень, посмотрел на меня и засмеялся.

Я думал, что он прикалывается, но он не шутил. Я решил, что это, должно быть, и есть то, о чем говорил Сёрфейс, — насчет людей, говорящих в рукава, — и мне сделалось не по себе. Я отнес свой сандвич за дальний столик, но аппетит куда-то пропал. Все же я съел его. Разделавшись с едой, я выкинул пластмассовый стакан и салфетку в контейнер у входа. Тот наградил меня фрагментом оркестрового марша, и на этот раз я промолчал. Я вышел на улицу и с минуту постоял на тротуаре, пытаясь выкинуть инцидент из головы. Руки дрожали, так что я спрятал их в карманы.

В качестве следующего шага я решил обзавестись какой-нибудь крышей над головой и средством передвижения, а в моем положении это означало только один вариант:

ты можешь спать в машине, но не можешь разъезжать в спальне или кухне. Я нашел ближайшее агентство и протянул толстяку за стойкой стодолларовую бумажку в качестве первого взноса за побитую временем колымагу с наполовину полным баком. Я постарался сделать вид, что таких сотен у меня полный карман.

— Покажите карточку, — буркнул он.

Мне было в новинку показывать карточку кому-либо, кроме инквизиторов, но я хорошо помнил слова Сёрфейса насчет рта на замке и правил игры и достал ее. У меня мелькнула бредовая мысль, что он собирается убавить мне кармы, но он просто посмотрел на карточку, списал номер серии и вернул ее мне. Я посмотрел на нее в первый раз. На ней значилось мое имя, но я не ощущал ее своей. Она казалась слишком чистой. Моя была вся захватана, и мне ее не хватало.

Покончив с этим, парень дал мне подписать несколько бланков и выкатил развалюху. Сотня была моими последними деньгами — теперь я остался с машиной, полбаком бензина да еще с тем, что имел на себе. Плюс пакетик зелья на случай, если мне захочется быстро забыться. Эта мысль нравилась мне все больше и больше.

Я вел машину в холмы до тех пор, пока не нашел точки с красивым видом на залив. С залива задувал легкий ветерок, несший с собой приятный запах морской соли. Запах навевал мысли об океане, и я обыграл в уме соблазнительную мысль насчет поездки на пустынный пляж, где я мог бы выкинуть порошок, то, что выглядело как деньги, и, возможно, даже мои семьдесят пять единиц кармы в прибой, а потом улечься на теплый песок и ждать, что случится дальше. Я обсасывал эту мысль так, как обычно делаешь, когда знаешь, что никогда не решишься на это. Потом снова начал думать о деле.

Я вернулся в машину и поехал на Кренберри-стрит. Я ехал без всякой определенной цели — просто так. Дело началось там, когда меня наняли подглядывать за Челестой в окно, вот мне, возможно, и показалось, что там оно может и закончиться. Исходя из всего, что мне было известно, от дома — или его обитателей — давно уже не должно было остаться ничего, но я решил рискнуть остатками бензина, чтобы выяснить это.

Дом оказался на месте. Не знаю, обрадовало это меня или нет. Я остановил машину и обошел дом кругом — тоже просто так, из ностальгии. За домом ничего не было; кто бы ни заказывал чертежи шесть лет назад, он

передумал вкладывать в это деньги. Я вернулся к парадному входу, так и не заглянув ни в одно окно. Во всяком случае, снаружи ничего не изменилось.

Ободренный этим, я поднялся на крыльцо и позвонил. Ждать пришлось долго, но, когда я уже собрался уходить, дверь открылась. Это была Пэнси Гринлиф — или Патриция Энгьюин. Не знаю, какое из имен было верным. Она постарела гораздо больше, чем на шесть лет, но я узнал ее сразу. Она меня — нет. Я не постарел даже на день — ну ладно, на один день постарел, — но она стояла, морщась от яркого света, не узнавая меня.

— Меня зовут Конрад Меткалф, — напомнил я.

Имя произвело на нее не больше впечатления, чем мой вид. Я ждал, но она только смотрела.

— Я хотел поговорить с вами, — сказал я.

— О! — произнесла она. — Заходите. Я посоветуюсь со своей памятью.

Она проводила меня в гостиную. Дом уже не содержался в том порядке, что раньше, но, когда я увидел, как солнце врывается в гостиную через большой эркер, я забыл об этом. Архитектор запроектировал комнату так, чтобы она заставляла ощущать себя здесь ма-

леньким и чужим, и это ему удалось. Пэнси до сих пор кралась по дому, как вор, а ведь она жила здесь уже не меньше восьми лет так что я не сомневался: это действует и на нее тоже. Она предложила мне сесть на диван, а сама постояла минуту, изучая мою внешность, сдвинув брови в пародии на мысль.

— Я сейчас вернусь, — сказала она.

Ее голос звучал беззаботно. Она постарела на двадцать лет, и все же ноша вины и жалости, что она таскала с собой повсюду, совершенно исчезла.

Я сел на диван и подождал, пока она вышла на кухню. Насколько я мог судить, мы были в доме одни. Место, на котором я сидел, было нагрето, а на столике передо мной виднелись остатки только что нюханного порошка, бритва и соломинка. Мне не надо было гадать, чем занималась Пэнси, когда я позвонил в дверь. Единственное, что я чувствовал, была острая зависть.

Вернувшись, она села напротив и положила на столик между нами что-то, похожее на калькулятор с микрофоном.

— Конрад Меткалф, — сказала она в микрофон.

Я чуть было не отозвался, но меня опередил ее собственный голос, исходящий из штуки на столике.

— Прошу прощения, — сообщил голос. — Ты этого не помнишь.

Она посмотрела на меня и виновато улыбнулась. Я старался не выглядеть полным идиотом.

— Ваше имя мне незнакомо, — сказала она. — Спросите у своей памяти. Возможно, вы ошиблись домом.

Я быстро раскинул мозгами.

— Вы неправильно назвали мое имя, — сказал я. — Мейнард Стенхант. Попробуйте еще раз.

— О! — сказала она раздосадованно. Она нажала кнопку микрофона и назвала новое имя.

— Мейнард Стенхант, — повторила машина. — Тот приятный доктор. Они с Челестой были так добры к тебе раньше. Они уезжали.

— Так вы тот приятный доктор, — простодушно сказала она тем же тоном, каким только что говорила штуковина на столе. — Это было так давно. Приятно вас видеть.

Вся эта бредятина сводила с ума, но я успел обдумать свои действия.

— Да, — согласился я. — Приятно снова вернуться сюда.

— Конечно, — ответила она. — Я очень рада.

— Это приятно, — попугаем повторил я. Черт, это слово прилипало хуже заразы. — Приятно, что вы рады.

— Да, — кивнула она.

— Я хотел задать вам несколько вопросов, — сказал я.

— О! — повторила она. — Вопросов?

Я сообразил, что она нажала на кнопку, поскольку штуковина на столе снова заговорила.

— Только при исключительной необходимости.

— Это исключительно необходимо, — вмешался я прежде, чем она успела повторить фразу.

Она в замешательстве посмотрела на машину, потом на меня. Мой ответ на голос из машины выбил ее из колеи. Должно быть, замечать присутствие этой штуки считалось невежливым.

— О! — сказала она. — Тогда, наверно, все в порядке. Если это исключительно необходимо.

— Скажите мне, как вам удается содержать дом?

Ее брови изогнулись, как у домохозяйки, уронившей пирог на дно духовки.

— Деньги на дом, — произнесла она в микрофон.

— Тебе их дает Джой, — ответил ее голос.

— Джой дает мне деньги, — повторила она. — Он так добр ко мне.

— Джой, — повторил я. — Что случилось с Денни?

— Денни, — продиктовала она машине.

— Денни Фонеблюм, — ответил ее голос. — Он такой большой и толстый. Он был твоим лучшим другом. Он устал и живет в пансионате. Он очень добр к Джою. Он относится к нему как к сыну, которого у него никогда не было. Виски с содовой и ломтик лимона — вот что он любит больше всего.

— Боюсь, я не поняла вашего вопроса, — произнесла Пэнси несчастным голосом.

Кажется, я начал врубаться. Память разрешалась, только при хранении вне головы в тщательно отредактированном виде. Это оставляло в голове больше места для модных мелодий, исполняющихся водопроводным краном или автоматом для продажи сигарет.

— Забудьте это, — сказал я. — Скажите лучше, кого осудили за убийство Челесты.

— Убийство Челесты, — продиктовала Пэнси.

— Челеста временно уехала, — ответил голос.

— Челеста уехала, — повторила Пэнси. — Это вовсе не то же, что убийство.

— Да, — согласился я. — Это не одно и то же.

— Вы, наверно, ошиблись, — сказала она. — Спросите у своей памяти.

— Все в порядке, — сказал я. — Я ошибся. Скажите мне про своего брата. Он вышел из морозильника?

— Мой брат, — продиктовала она.

— Ты не помнишь своего брата, — ответила память.

Она посмотрела на меня и пожала плечами.

— Ортон Энгьюин, — напомнил я.

— Ортон Энгьюин?

— Это имя тебе ничего не говорит, — ответила память.

— Это имя мне ничего не говорит. Извините.

— Нет проблем, — сказал я.

Я начал уставать от беседы. Очень уж мал был выход информации. Я думал, не стоит ли мне допросить саму машину, а не Пэнси. Теперь я отказался от этой идеи. Память тоже имела слишком много пробелов. Меньше, чем Пэнси, и все же слишком много.

— У вас такие странные вопросы, доктор Стенхант, — сказала Пэнси. — Я, право, не знаю.

— Простите меня, Пэнси. Я не стал бы их задавать, если бы не исключительная необходимость.

— Вам надо пользоваться своей памятью.

— У меня память нового типа, — сказал я. — Имплантирована в голову. Вам не надо говорить вслух. Вы просто думаете, и она отвечает тихим голосом в голове.

— О! — сказала она и с минуту обдумывала это. — Звучит очень разумно.

— Это очень удобно. И вы мне очень помогаете, заполняя пробелы там и здесь. Видите ли, я ведь уезжал, вот я и узнаю кое-что.

— Вы с Челестой, — радостно произнесла она. — Вы уезжали.

— Совершенно верно. А теперь расскажите мне про доктора Тестафера. Вы его помните?

— Доктор Тестафер, — сказала она в микрофон.

— Старый доктор Тестафер, — ответила память. Это звучало как начало детской сказки. — Он живет на холме. Он был партнером доктора Стенханта, но ушел на пенсию. Джин и тоник со льдом.

— Он ведь ваш партнер, — сообщила она мне. — Странно, что вы с ним не общаетесь.

— Я обязательно навещу его, — пообещал я. — Скажите, он все еще живет по старому адресу?

— Довольно! — послышался голос у меня за спиной. В прихожей стоял Барри Фонеблюм.

— Барри! — Голос Пэнси в первый раз зазвучал теплее и естественнее. — Ты должен помнить доктора Стенханта. Доктор Стенхант, это мой сын Барри.

— Мы знакомы, — саркастически заметил Барри.

Он был одет без особых изысков: в симпатичную блузку, полосатые брюки. Парик на сей раз отсутствовал. Он не сделался выше, но его лицо стало лицом тинэйджера, а высокий лоб — на шесть лет морщинистее. Из-под кожи на висках выпирали червяками вены.

— Ступай наверх, Пэнси, — твердо произнес он. — Нам с доктором Стенхантом нужно поговорить.

Он обращался к ней, но не сводил взгляда с меня. Это напомнило мне, как Челеста отсылала наверх котенка. Вечно мне мешают говорить с людьми, не умеющими сопротивляться моим расспросам.

— О! — повторила Пэнси.

Она взяла со стола память и убрала ее в карман юбки. Она не стала брать бритву и соломинку; впрочем, я не сомневался, что наверху у нее еще один комплект. Теперь ей было что забывать.

— О'кей, доктор. До свидания, доктор. Передайте привет Челесте.

Я пообещал, что передам.

Она ушла наверх, оставив нас с Барри вдвоем. Он ловко запрыгнул в кресло напротив меня. Наверное, он уже приобрел значительный опыт существования с ростом три фута в мире шестифутовых людей. Он сунул руку в карман, и я подумал, что он достанет память. Вместо этого он достал пистолет. Пистолет проиграл несколько тактов скрипичной пьесы, напоминавшей музыкальный фон для сцены с пистолетом в старой радиопостановке.

— Меткалф, — произнес он. — Кенгуру говорил, что ты выходишь. Я ему не поверил.

— Быстро же ты вошел в семью, — заметил я. — Вот вам и эволюционная терапия.

— Пошел ты, — заявил он. — Тебе не понять моих мотивов.

«Пошел ты», похоже, сделалось его девизом, во всяком случае, это звучало именно так.

— Попробуй заставь.

Он только фыркнул. Телефон стоял на столе между нами; он наклонился вперед и снял трубку, не сводя ствола с моего сердца. Каков бы ни был номер, его маленькие пальчики помнили его наизусть. Он прижал трубку к уху плечом и стал ждать ответа.

— Это Барри, — произнес он после двух гудков. — Дайте мне кенгуру.

Его заставили прождать минуту или около того, и все это время я строил ему рожи, но он не смеялся.

— Вот черт, — сказал он, дождавшись ответа. — Ладно, передайте ему, что я держу Меткалфа на мушке. Он поймет.

Они поговорили еще немного, потом он положил трубку и кисло посмотрел на меня, наморщив лоб.

— Ты, похоже, страсть как любишь, когда тебя наказывают, — заметил он. — Просто жадюга какой-то.

— Не жадюга. Скорее, гурман, — возразил я. — Если мне не нравится, я возвращаю. С процентами.

Он не улыбнулся.

— Что Пэнси тебе рассказала?

— Ничего, что бы я не узнал от кирпичной стены. Мы пытались поиграть в вопросы-ответы, но она вряд ли помнит даже как ее зовут.

Барри это пришлось не по вкусу. Мне кажется, он питал к Пэнси некоторое чувство собственника. Он выпятил челюсть, и его лицо покраснело там, где кожа не побелела от напряжения.

— Пошел ты, Меткалф, — голос его ломался. — Я могу продырявить тебя прямо сейчас, только убирать лень будет. С такого расстояния не промахнешься.

— Пошел ты, Фонеблюм! Нажми на курок, и тебе нос расквасит отдачей.

Он отодвинул пистолет подальше от своего лица.

— Не называй меня Фонеблюмом!

— Возможно, ты не даришь ему галстуки на День отца. И возможно, он не водит тебя на игры Высшей лиги. Это ничего не меняет.

— Я же забыл твой интерес к генеалогии, — произнес он, оправившись немного. Но внутри него имел место конфликт — конфликт между манерами крутого парня и башкунчиковым поведением. — Это отражает трогательную способность не видеть ничего, кроме искусственных связей.

— Я понял. Ты прав, я действительно не вижу ничего, кроме связи между лапами кенгуру и привязанными к твоим рукам-ногам нитками. — Разговаривая, я опустил ноги на

ковер и задвинул колени под край большого журнального столика из стекла. — Я ждал от тебя большего, Барри. Ты был засранцем, но не без задатков.

— Ты делаешь неверные выводы. Я принимаю помощь кенгуру, чтобы помогать матери, вот и все.

— Твоя мать мертва, — возразил я. — Я все ботинки испачкал ее кровью.

Это должно было заставить его вздрогнуть, и оно сработало. Я двинул коленями, и кофейный столик опрокинулся на него. Телефон и бритва в облаке порошка полетели на пол, а сам столик превратился в стеклянную стену, придавившую Барри к креслу. Он не выпустил пистолет из рук, но навести его на меня не мог.

Я наступил на стекло в том месте, под которым находилось его лицо.

— Брось пистолет, Барри. Тебе будет больно, если стекло разобьется, и убирать больше придется.

Он пискнул что-то, но пистолета не бросил. Я надавил ногой на стекло, кресло опрокинулось, и Барри выпал на ковер. Пистолет отлетел в угол.

Я шагнул вперед, взял Барри за ворот и тряс его до тех пор, пока моя злость не по-

улеглась немного, а его рубашка не начала рваться. Мне не хотелось, чтобы он подумал, что мне не нравится, как он одет.

Когда я поднял глаза, я увидел Пэнси, стоявшую на лестнице. Вид у нее был довольно спокойный. Не знаю, поняла ли она, что происходит, или еще не достала необходимое для этого оборудование. Мне не очень хотелось думать об этом. Я собрался уходить, и не только из-за возможного скорого появления кенгуру.

Барри валялся на ковре, ужасно похожий на выкинутый эмбрион. Я перешагнул его и подобрал пистолет. Он снова проиграл мне мотивчик. Скрипки явно не знали, что действие закончилось. Я положил его в карман, поправил пиджак и вышел в прихожую. Пэнси продолжала молчать.

— Купили бы мальчику книжку для раскрашивания или альбом для марок, — предложил я. — Ему нечем занять руки. Это ведет к онанизму.

Выходя, я услышал, как Пэнси бормочет в микрофон слово «онанизм», но ответа уже не услышал.

ГЛАВА 4

По дороге к Тестаферу мне повстречался патруль. Они поджидали за поворотом дороги, так что я не видел их до тех пор, пока не стало слишком поздно. Инквизитор дал знак мне остановиться и наклонился к моему окну.

— Карточку, — потребовал он.

Я передал карту.

— Чистая какая, — заметил он.

— Совсем новая, — объяснил я.

Я посмотрел ему в глаза, надеясь, что он не видит, как дрожат мои руки на руле. Они дрожали по нескольким причинам. Одной был пистолет в кармане. Другой — отсутствие зелья в крови.

Он подозвал к моей машине своего напарника.

— Эй, посмотри, — махнул он. — Рип Ван Винкль, — и показал ему мою карточку.

Вот странно: до сих пор я не ощущал к ней никаких чувств, а сейчас был почти горд видеть ее в руках ребят из Отдела.

— Класс, — восхитился Номер Два. — Жаль, редко вижу таких.

Я воздержался от комментариев.

— Документы на машину в порядке? — спросил Номер Один.

— Прокат, — ответил я.

Квитанция лежала в бардачке, и я достал ее. Он пробежал ее глазами и вернул мне.

— Куда едете?

— Посмотреть на старый район, — пожал я плечами.

— Зачем?

Я подумал немного. Вот бы они смеялись, если бы я признался им в том, что я частный инквизитор и расследую дело шестилетней давности.

— Коллекционирую воспоминания, — ответил я.

Он улыбнулся.

— Слыхал? — спросил он у Номера Два. — Он коллекционирует воспоминания.

Номер Два улыбнулся и подошел поближе.

— Что ты натворил, Меткалф?

— Собственно, ничего такого. Наступал кое-кому на пятки. Старая история.

— Кто отправил тебя в морозильник?

Я быстро прикинул. Скорее всего это были ребята Корнфельда.

— Моргенлендер, — ответил я.

Они переглянулись.

— Это серьезно, — произнес Номер Два с уважением в голосе.

Он вернул мне карту: я ответил как надо.

— Черт, — добавил Номер Один. — Последнего из его отребья уже несколько лет как вытурили.

Я убрал карточку в карман и помалкивал. Неожиданно я оказался у них на хорошем счету. Бедняга Моргенлендер. У меня сделалось погано на душе, чего я не ожидал. Я мог бы и не удивляться: дни Моргенлендера были сочтены уже шесть лет назад. Наверное, какая-то оптимистическая часть меня надеялась, что он выживет.

— О'кей, — заявил Номер Два. — Смотри, не потрать все деньги на воспоминания. Ты еще молод. Найди себе работу.

Я поблагодарил их и попрощался. Они пошли к своей машине, а я поднял стекло и уехал.

Я подумал о Корнфельде и решил, что вовсе не прочь взять реванш. На этот раз мне

было терять куда меньше. По меньшей мере я задолжал парню хороший удар под дых, и если его живот за шесть лет сделался мягче, что ж, тем лучше.

Да, Корнфельд занимал видное место в моей воображаемой книжке старых долгов, но доктор Тестафер шел первым. Мне нужна была помощь Гровера, добровольная или нет, в восстановлении некоторых недостающих звеньев. Я нашел его улицу и остановил машину у ворот. Место навевало воспоминания. Я нюхал здесь зелье три дня или шесть лет назад — смотря как считать, — и мой нос прямо-таки зудел при воспоминании об этом. Я постарался выкинуть порошок из головы, но это было нелегко. Воспоминание было как чертик в табакерке: оно выпрыгивало при малейшем прикосновении.

Дом почти не изменился — я имею в виду, его основная часть. Пристройка справа имела нежилой вид. Наверное, Тестафер не заводил больше овец после Дульчи. Я позвонил, и Тестафер отворил дверь.

Он и раньше казался мне старым, так что шесть лет мало что изменили. Лицо его оставалось красным, словно он поднимался бегом по лестнице, и в волосах добавилось седины, и все же он сохранился неплохо, очень даже неплохо. Последний раз, когда я видел его, он

прятался между машинами, пригибаясь от пуль, — рыба без воды. В дверях своего дома он имел куда более уютный вид.

— Привет, Гровер, — сказал я.

Он слепо посмотрел на меня.

Неожиданно я ощутил приступ гнева. Он разыгрывал со мною Пэнси.

— Пошел внутрь, — рыкнул я и подтолкнул его в грудь.

Мы вошли, и я закрыл дверь.

— Достань память.

Его седые брови поднялись.

— Ступай!

Я подтолкнул его дальше, и он послушно пошел в гостиную. Весь его чертов дом насквозь провонял... Мне захотелось ударить его, но Тестафер был слишком стар, чтобы бить его, поэтому я взмахнул рукой над столом, уставленным стеклянными и фарфоровыми безделушками, и они разлетелись тысячью осколков на полу. Тестафер так и пятился от меня, пока не упал на диван. Я повернулся, чтобы опрокинуть полку со старыми журналами, но она исчезла.

— Где твоя память? Доставай.

Дверь из кухни открылась, и в гостиную вошел парень со стаканами в руках. Джин и тоник со льдом, если верить памяти Пэнси. Он был примерно одного возраста с Теста-

фером, но настолько же худой и бледный, насколько тот толстый и красный. Мне не понадобилось много времени, чтобы сообразить: Тестафер завел дружка. Ничего удивительного. Должно быть, выйдя на пенсию, он не смог отделаться от привычки держать в руках чьи-то пенисы. Странно, но это я понять мог.

Я шагнул к нему и взял стаканы.

— Погуляйте, — сказал я ему.

Парень отдал стаканы, словно наполнял их для меня. Гровер заговорил, хотя у него получился только шепот.

— Ступай, Дэвид. Со мной все в порядке.

Дэвид безропотно пошел к двери, хрустя по осколкам, и исчез. Гровер переключился с овцы, ходившей как человек, на человека, ходящего как овца.

Когда я повернулся к нему, он уже достал память и держал в руке шнур от микрофона. Я быстро научился узнавать эту штуку. Он посмотрел на меня с отчаянием в глазах, и на короткое мгновение мой гнев испарился, и мне стало жаль его. Но только на мгновение.

— Меткалф, — произнес я.

Он знал, что мне нужно, и произнес мое имя в микрофон. Ответный голос его звучал тихо и ровно, словно он потратил много времени, надиктовывая эту позицию.

— Детектив, — услышал я. — Опасный, импульсивный человек. Мейнард имел неосторожность впутать его, и он не отпускал хватки. Двойник-антипод Денни Фонеблюма. Присутствие чрезвычайно нежелательно.

Тестафер безучастно смотрел на меня, пока машина вещала его голосом. Я улыбнулся. Мне даже понравилось по-своему это описание. Приятно все же видеть следы своей работы. Я протянул Тестаферу один из стаканов, и он нервно присосался к нему в ожидании, пока машина выговорится.

— Это очень старое воспоминание, — тихо сказал он, и глаза его наполнились страхом.

Я искал в них хоть проблеск враждебности или вины, но не нашел.

— Все в порядке, — утешил я его. — Вполне точно.

Он не понял, а если понял, то напугался еще больше. Так или иначе, эффект был налицо: он сидел, глядя на меня с ужасом, словно ребенок, которому показали буку. Я сел в кресло напротив и отхлебнул из стакана. Все верно, джин и тоник. Гнев мой стихал, да и питье было отменное. Я не старался подогревать гнев. Кой черт злиться на парня, который не помнит, о чем речь? Прошлое давило мне на плечи непосильным грузом — только я

12 Зак. № 644

один настолько глуп, чтобы тащить его, — и я подумал, не пора ли сбросить его к черту. Тестафер являл собой очень соблазнительный пример для подражания. На секунду я позавидовал ему и чуть не полез в карман за конвертом.

На секунду. Потом я сообразил, что думаю, сделал глубокий вдох, поставил стакан на пол, вытер губы, чтобы и следа алкоголя на них не осталось, и выкинул порошок из головы. Я старательно сжал кулаки своего гнева, поднялся, шагнул вперед и схватил память Тестафера. Провод от микрофона вытянулся между нами. Тестафер уставился на меня, широко открыв глаза и рот. Вот теперь я был зол, и мне хотелось, чтобы он тоже это почувствовал. Я надеялся, он ощутит себя более уязвимым, увидев свою память у меня в руке.

— Овца Дульчи, — произнес я сквозь зубы.

В его глазах обозначился первый проблеск чего-то, кроме кромешного страха.

— Говори.

Он повторил имя.

— Твоя давнишняя компаньонка, — послышался голос из памяти. — Ее жизнь трагически оборвалась. Убийство осталось нераскрытым.

— Ложь! — сказал я. — В убийстве овцы обвинили Ортона Энгьюина.

Тестаферу было совсем худо. Рука с микрофоном тряслась.

— Энгьюина обвиняли только в убийстве Мейнарда, — сказал он.

— Кто убил овцу?

Он зажмурился.

— Кто убил овцу? — повторил я.

Он наклонился и прижал губы к микрофону. С закрытыми глазами он, словно молитву, повторил вопрос:

— Кто убил овцу?

— Убийство осталось нераскрытым, — ответила память.

— Убийство осталось нераскрытым, — повторил он мне, так и не открывая глаз.

— Я раскрыл его, Гровер. Открой глаза и скажи мне, кто убил овцу?

Я протянул руку и заставил его выронить микрофон. На этот раз он открыл глаза, но продолжал молчать.

— Тебе это не нужно, — произнес я, показывая ему память. — Ты мог водить меня за нос минуту или две, но ты выдал себя, когда закрыл глаза. Так кто убил овцу?

Я уронил коробку с микрофоном на пол и раздавил их подошвой. Они состояли из пластика, проводов и микросхем и замечательно хрустели на ковре. Я топтал их до тех пор, пока они не смешались с осколками

безделушек. Тестафер покраснел еще сильнее и расплескал питье, и мне показалось, что глаза его увлажнились, но он все-таки взял себя в руки.

— Я убил ее, — произнес он наконец. — Как вы догадались?

— Ничего сложного, — ответил я. — Я вычислил это сразу: вы вскрыли кишечник. Для того чтобы убить, это не обязательно, и тот, кто в таких вещах разбирается, так не сделал бы. Но вы не хирург, тем более не ветеринар. Если вы сделали это нарочно, это почти сработало, а если случайно, вам почти повезло. Почти.

Он так и не сказал мне, которое из двух предположений верное. Я решил, что второе.

— Дульчи знала много, чтобы навести меня на верный след, — продолжал я. — Я не добился от нее почти ничего, но вы этого не знали. Я оставил вас здесь тогда в панике. Уже тогда я думал, что вы расправитесь с ней. Так что не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кто убил.

Я видел, как Тестафер корчится на диване передо мной. Шесть лет он гнал от себя эти воспоминания. Он явно пользовался Забывателем и машиной-памятью для отвода глаз. Но так же явно сейчас он в первый раз жил настоящей памятью.

— Бога ради, — произнес он, закрыв лицо руками. — Не вытаскивайте это наружу. — Звучало это так, словно ему предъявили обвинение.

— Успокойтесь, — сказал я. — Я не борец за права животных. Меня можно подкупить, ответив на пару вопросов.

Я говорил совершенно искренне. Не то чтобы я жалел его — я не собираюсь взвешивать грех и раскаяние, — но я вел свою собственную игру.

Я дал ему минуту взять себя в руки.

— Восемь лет назад Челеста не уезжала из города, — начал я. — Она жила у вас. Вы были семейным доктором. Вы принимали Барри, и она доверяла вам. Фонеблюм начал раздражать ее, и она хотела отделаться от него. Верно?

Он кивнул.

— Не Фонеблюм познакомил Мейнарда с Челестой. Это сделали вы. Вы вводили его в практику, и они встретились и полюбили друг друга, несмотря на ваши предостережения. Верно?

— Абсолютно верно.

— Челеста с овцой дружили с тех пор, как Челеста жила здесь. Дульчи знала про Фонеблюма все, и вы решили, что я все из нее выбил. Вы не поверили ей, когда она клялась, что

держала свои маленькие черные губки на замке, и вы были в ярости на нас обоих, но выместили эту ярость только на ней.

Он только кивнул.

— Она вас не выдала, Гровер. Она не сказала ничего. Возможно, вы предпочли бы, чтобы она не впускала меня, но она не выдала ничего важного.

Он молчал. Один раз он всхлипнул, но и только. Он был готов ответить на любой мой вопрос. Но я скис. Последний кусок мозаики лег на место. Я не хотел больше ничего от Тестафера, а сидеть здесь, глядя на его красное лицо, мне тем более не хотелось. Мне нужно было ехать и доделывать работу, и еще мне нужно было зелье, очень нужно. Я уже встал и собрался уходить, и тут меня осенило. Тестафер — врач, и Тестафер — богатый человек, и Тестафер наверняка любит нюхать что-то получше, чем порошок из Отдела. Шесть лет назад, во всяком случае, любил.

— Кстати, у вас не найдется какого-нибудь старого порошка? — спросил я. — Чего-нибудь не такого прямолинейного, как эта стандартная смесь? Чего-нибудь, чтобы в нем было поменьше Забывателя?

Он улыбнулся.

— Я хотел спросить у вас то же самое, — признался он.

ГЛАВА 5

Я сел в машину, не закрывая дверцу, положил руки на руль и подождал, пока они перестанут дрожать. Мне позарез нужен был Пристраститель, и побыстрее.

Я поехал в порошечню. Вывеска над входом горела, и это вселило в мое сердце некоторое подобие надежды. Казалось невероятным, чтобы у порошечника не нашлось нескольких старых ингредиентов, из которых он мог бы сообразить хоть что-то напоминающее мою смесь. А если даже и нет, разве не смогу я попросить у него чистого Пристрастителя, никаких добавок, нет, сэр, спасибо, как-нибудь в другой раз. Стоило мне войти, как надежда моя лопнула, как проколотый шарик. Единственный клиент совал

свой рецепт в автомат у дальней стены. Ни тебе прилавка, ни кассы, ни полки с маленькими белыми пузырьками, ни славного старого порошечника. Ничего. Машины стояли у стен, словно писсуары в привокзальном сортире, и мне не надо было лезть в конверт к парню, чтобы знать, что в них.

Я вышел на улицу, пошатываясь. Казенный порошок жег мне карман. Но нюхнуть его я не мог. Вернее, мог, конечно, даже в любой момент. У меня мелькнула бредовая идея нюхнуть самую капельку, но я прекрасно знал, что это несерьезно. Раз начав, я уже не остановлюсь.

Я повел машину в холмы, в сторону старого фонеблюмова жилища. На деревья и крыши опустилась ночь, и я надеялся, что она облегчит мои мучения, но фигу. Внутренности сводило жаждой. Я притормозил у обочины и выкинул конверт в кусты — подальше от искушения. Если мне потом приспичит, я найду еще, но пока мне предстояла работа. И речь шла не только о моей памяти. Было совершенно очевидно, что мне придется еще помочь уйме народа припомнить отдельные подробности.

Поначалу я не узнал дома Фонеблюма. Большой иллюзорный особняк исчез, оставив на вершине холма только голый навес над лестницей. Я остановил машину, абсолютно уверенный в том, что мне нужно именно сюда, какой бы вид это ни имело со стороны. Жилище было не из тех, что часто меняют владельцев.

Изменение внешности вне всякого сомнения отражало переход власти от Фонеблюма к кенгуру, имевший место в мое отсутствие. Фонеблюм воздвигал на вершине холма фальшивый дом, сплошь покрытый архитектурными финтифлюшками, поскольку пытался задекорировать свою преступную натуру. Что же до кенгуру... Когда я сообразил, что сравниваю кенгуру с жестяным навесом над лестницей, я мысленно расхохотался.

Я хотел разделаться с кенгуру, но пока не был готов к этому. Пока. Поэтому я заглушил мотор, выключил свет и стал ждать, любуясь восходом луны. Мои руки все еще дрожали, пальцы болели, но я уже начинал привыкать к этому.

Слежка всегда утомительна, и эта не стала исключением. Я думал о Мейнарде, о Челесте, о номере в дешевом мотеле, и я думал об Уолтере Сёрфейсе, и я думал о кенгуру. Я думал о Кэтрин Телепромптер: где она сейчас, как выглядит? Я думал о множестве вещей. Еще я думал о порошке; много думал. Я посмеялся, вспоминая, как в свое время выкидывал остатки, уверенный в том, что в любой момент

найду соломинку и дозу зелья, и теперь просил прощения у каждой выброшенной горстки. Мой организм учился жить без топлива, годами приводившего его в движение, и учился болезненно. Я буквально чувствовал, как моя кровеносная система шарит по жировым клеткам в поисках малейших молекул Пристрастителя, и я буквально слышал, как жировые клетки, вывернув карманы, отвечают: «Извини, дружище, ни хрена не осталось...»

Не знаю, сколько я сидел так. Наверняка я не слишком долго разглядывал лестницу. Мои руки соскользнули с руля на колени, и я уснул. Сны были мрачны и запутаны, словно речь башкунчика. Я не проснулся до восхода солнца. Но не солнце разбудило меня. Это был голос кенгуру, и раздавался он в опасной близости от моего окна.

Я полез в карман за пистолетом и только тут сообразил, что он обращается не ко мне.

— Лезьте в машину, — говорил он.

Я высунул нос из-за приборной доски и увидел, что он обращается к Барри Фонеблюму и паре мордоворотов-телохранителей. Кенгуру распахнул дверцу машины, стоявшей напротив моей, и башкунчик покорно полез в салон. Мордовороты уселись сзади; один из них достал пистолет и проверил обойму. Я положил руку на пистолет Барри в кармане и затаился.

— Я же говорил тебе, что он не поедет сюда, — сказал Барри.

Кенгуру обошел машину и сел за руль. Стекло с его стороны было поднято, и я не услышал, что он ответил.

— У него и без тебя хватает дел, — настаивал Барри.

Я горько пожалел, что он не прав.

Кенгуру завел мотор, и они уехали. Было очевидно, что они ищут меня. Я обругал себя последними словами за то, что ухитрился заснуть перед дверью Джоя, потом вознес короткую импровизированную молитву святому — покровителю везучих дураков. Я совершил глупость, вообще приехав сюда. В свое время Фонеблюм кичился спортивным поведением. От кенгуру ожидать этого не приходилось. Мне повезло, что я еще жив.

Когда я убедился в том, что они действительно уехали, я распрямил члены и произвел короткую ревизию. Обе ноги затекли от долгого сидения, во рту ощущался явственный привкус говна, и, когда я оторвал руку от пистолета, она снова начала трястись. Во всех остальных отношениях я был цел и невредим. Я проехал пару кварталов, нашел автомат и позвонил Сёрфейсу.

Время шуток кончилось.

ГЛАВА 6

В разговоре по телефону старый шимпанзе не выказал особого энтузиазма. Но когда я затормозил у входа в Отдел, он ждал меня и встретил меня у дверей.

— Спасибо, что откликнулся, Уолтер, — сказал я.

— Не будем об этом, — буркнул он.

Мы вошли. Люди редко приходят сюда сами, так что здесь практически нет зоны для приема посетителей, чего не скажешь о длинном просцениуме, на который с заднего хода выводят или выносят людей. Что же касается входа, подразумевается, что тебя либо вводят, упирающегося, под руки, либо привозят без сознания на полу инквизиторского фургона. Ты входишь в дверь, и все поворачиваются к

тебе, глядя, как на марсианина. Так вышло и на этот раз.

Мы пересекли вестибюль и подошли к столу дежурного. Сидевший за ним парень, судя по его виду, вряд ли занимался чем-нибудь серьезнее разноски пиццы по кабинетам.

— Мне нужно поговорить с инквизитором Корнфельдом, — заявил я.

Парень удивил меня, набрав это имя на своем компьютере.

— Нет таких, — ответил он.

— О'кей, — сказал я. — А инквизитор Моргенлендер?

Он попробовал — с тем же результатом.

Это меня обеспокоило. В мое время будущее Отдела определялось выбором между двумя этими личностями, и шансов одержать верх у Корнфельда имелось куда больше. Впрочем, меня тревожило не столько то, что ни того, ни другого не оказалось на месте, сколько то, что парню пришлось запрашивать имена у компьютера.

— Попробуйте инквизитора Телепромптер, — предложил я.

Его руки забегали по клавишам.

— Я посмотрю, может ли она вас принять, — сказал он и в первый раз посмотрел на нас внимательнее.

Я улыбнулся ему, и он нажал пару кнопок на интеркоме.

— Мисс Телепромптер? — спросил он. — Тут один парень у входа, так он хочет поговорить с вами. — Он выслушал ее ответ и повернулся ко мне. — Как вас зовут?

Я назвал себя, и он повторил мое имя в трубку.

— Подождите здесь, — сказал он, глядя на нас слегка расширившимися глазами.

Мы с Сёрфейсом отошли на пару шагов от стойки перевести дух, когда нас окружили несколько типичных для Отдела фигур с квадратными плечами.

— Мистер Меткалф? — спросил один из них.

— Меткалф и Сёрфейс, — ответил я. — Мы вместе.

Шимпанзе не слишком обрадовался этому, но возражать мне не стал.

Инквизиторы взяли нас под руки и подтолкнули к лифту. Мне показалось, что мы все не влезем, и я хотел уже предложить, чтобы мы с Сёрфейсом ехали на следующем, но они настаивали, и мы все-таки влезли. Толстые подобрали животы, и мы поехали вверх.

Лифт остановился на третьем этаже, и нас повели в один из служебных кабинетов. Это произвело на меня впечатление; впрочем, я

не был слишком уверен, что перемещение с первого на третий этаж — добрый знак для Кэтрин. Насколько я знаю Отдел, игра в кабинетах ненамного чище игры на улицах. Наши провожатые набрали код на двери. Двое из них прошли вместе с нами, а остальные остались ждать в коридоре.

Кабинет наверняка был одним из лучших в здании: огромное окно с видом на залив, фотографии и памятные знаки на стенах. Кэтрин сидела за огромным столом, постаревшая на шесть лет, но не подурневшая ни на день. Те же волосы приоткрывали ту же шею, и на мгновение я забыл обо всем, пока не увидел ее глаза. Они были холодны как сталь.

— Обыщите их, — приказала она.

Парни обшарили наши карманы. Они обнаружили мой пистолет и маленькую записную книжку у Сёрфейса и передали их Кэтрин вместе с нашими карточками. Она сунула все это в ящик и приказала парням выйти и подождать.

— Садитесь, — разрешила она.

Мы сели.

— Вам бы лучше уехать из города, Меткалф, — заметила она. — Вам же известно, как здесь все делается.

Я встретился с ней взглядом, но наткнулся на стену. Она даже не моргнула, а если и моргнула, то одновременно со мной. Эффект впечатлял.

— Я старше только на два дня, Кэтрин, — сказал я. — Будь снисходительнее.

— Не зовите меня Кэтрин. Пустив вас с вашей обезьяной к себе в кабинет, я и так проявила к вам снисходительность. Боюсь, излишнюю. — Голос ее звучал неумолимо, как бормашина.

Наши глаза снова встретились. Я смотрел на женщину, с которой лежал в постели всего две ночи назад. Я забыл только о том, что она провела шесть лет, ожидая, когда же я вернусь из ванной. Чем глубже я похороню эти воспоминания, тем лучше.

— О'кей, — сказал я. — Я понял. Вы теперь на этой стороне. Поздравляю, и извините меня. Где Корнфельд?

Она не ушла от ответа — хоть это между нами еще оставалось.

— Его давно нет, — ответила она. — Он перегнул палку, так что теперь отдыхает в морозильнике. — Она произнесла это так, словно это ее рук дело, и, возможно, так оно и было. — Так что если у вас есть дело к Корнфельду, вам лучше подождать.

— Я задолжал ему удар под дых, — сказал я. — Подождет. Так кто теперь за него... или я с ним и говорю?

— Возможно, так, — кивнула она.

Я покосился на Сёрфейса. Тот бросил на меня предельно кислый взгляд.

— Значит, мне надо поговорить с вами. Ничего личного.

— Даю вам пять минут.

— Я уверен, что вы забудете о времени. Но все кончится хорошо.

— Мне трудно сосредоточиваться надолго, — сказала она холодно.

— Все очень просто. Имеются несколько убийств, которые не потрудились раскрыть как следует, и парень в морозильнике, который не должен был там оказаться.

— Если вы назовете фамилию «Стенхант», у вас только три минуты.

— Как насчет шести минут на двух Стенхантов?

— Давайте.

— Я буду говорить быстро и высоким голосом, вы можете записать и промотать потом медленнее. Я распутал дело Стенханта. Оба дела.

Сёрфейс застонал, как будто был на ее стороне.

— Это просто конфетка. Идеально отлаженный механизм, похоронивший сам себя. И все начинается и кончается Денни Фонеблюмом.

— Вы просто помешаны на Фонеблюме, — перебила меня Кэтрин. — Я проверяла. Безнадежно. Вы не можете пришить ему это дело.

— Я помешан на истине, — возразил я. — Все это дело — это Фонеблюм. Фонеблюм и Челеста. В первый раз, когда я встретил ее, я заметил, что она пытается стряхнуть с себя груз прошлого, от которого не может отделаться. Не сразу, но я докопался до истины. Она была подружкой Фонеблюма. Не знаю, долго ли, но была. Он любил ее, и она, возможно, тоже любила его. Она родила ему сына. Врачом, принимавшим роды, был доктор Тестафер.

— Вы почти исчерпали свое время.

— Дайте мне еще минуту. Мальчика назвали Барри. Фонеблюм мечтал о наследнике, и он хотел, чтобы Челеста осталась с ним и растила ребенка. Но он был груб и плохо с ней обращался, и она сбежала и обратилась за защитой к доктору. Он сам признался мне в этом вчера днем.

Она поморщилась.

— Она забрала ребенка с собой и не оставила Фонеблюму адреса. Как раз тогда Тестафер принял к себе помощника, молодого врача по имени Мейнард Стенхант, и, когда Стенхант повстречался с Челестой, они полюбили друг друга. Тестафер предостерегал Челесту, но говорить своему другу о том, что тот влюбляется в беглую подружку взбешенного гангстера, не стал.

— Ваш рассказ меня утомил, Меткалф.

— Приготовьтесь, — сказал я. — Именно тут на сцену выходит Отдел. Когда Фонеблюм нашел, где прячутся его мадонна с младенцем, он почти рехнулся от ярости. Он потребовал от нее, чтобы она вернулась, но она отказалась, и он совсем было уже собрался убрать Мейнарда со сцены. Но передумал. Он занимается бизнесом, размораживая лишенных кармы — не без помощи вашего старого знакомого, Корнфельда, — имплантируя им невольничьи блоки и торгуя их телами в маленьком подпольном борделе. И для этого ему были необходимы врачи. Поэтому он только забрал у нее ребенка, а Стенханта с Тестафером заставил шантажом обслуживать своих невольников. — Я перевел дыхание и продолжал: — У Фонеблюма была полунищая девчонка, продававшая его наркотики. Он купил ей дом на Кренберри-стрит и сделал ее нянькой ребенка.

— Пэнси Гринлиф, — сообразил Сёрфейс.

— Верно. Итак, Фонеблюм получил своего наследника, своих врачей и в придачу молчание Челесты. Возможно, на данном этапе их взаимоотношений это было все, что ему от нее требовалось.

И Кэтрин, и Сёрфейс вдруг замолчали и слушали, замерев. Я завоевал их внимание, и все, что теперь мне было нужно, — это изложить всю историю до конца. Я надеялся, что не разочарую всех нас.

— Но тут возникла еще одна проблема, — продолжал я, — это Челеста. Она имела привычку убегать вовремя и не очень. В общем, она упаковала свои вещички и ушла от доктора, что поставило и Стенханта, и Фонеблюма в сложное положение. Они столковались и начали нанимать детективов следить за ней, чтобы сохранить их маленький хрупкий треугольник.

— Нас с тобой, — кивнул Сёрфейс.

— Нас с тобой, — согласился я. — Только Челеста, как выяснилось, выпала из треугольника не насовсем. Когда Стенханта нашли мертвым в номере мотеля, стрелка весов качнулась в другую сторону. У Фонеблюма пропал стимул держаться подальше от Челесты. Она все понимала, и это ее пугало настолько, что она шарахалась от каждого, в ком видела фонеблюмова мордоворота, — от меня в том

числе. Когда она поняла, что я действую самостоятельно, она попыталась завербовать меня в качестве охраны, и я клюнул, но на крючок не попался. Черт, как жаль! В ночь, когда она погибла, я напоролся на Тестафера и кенгуру, по приказу Фонеблюма рыскавших по городу в поисках Челесты.

— Челеста Стенхант была убита неизвестным, которого она подцепила в секс-клубе, — перебила меня Кэтрин. — Он изнасиловал ее и убил. Она хотела этого и в конце концов получила.

— Фонеблюм нашел ее той ночью и отплатил за то, что она бросила его, — сказал я. — Теперь, когда у него не осталось доктора, его ничего уже не удерживало. А держа в кармане Корнфельда и Отдел, он не боялся возмездия. Я не могу доказать этого, но так оно и было.

— Я начинаю припоминать это дело, — заявила Кэтрин. — У этой девки-наркоманки был брат. Он приехал из Эл-Эй и убил доктора в отеле. Он так и считается виновным. Остальная часть материала не имеет к делу ни малейшего отношения.

— Ортон Энгьюин не мог бы иметь меньше отношения к делу, даже если бы он никогда не возвращался в город, — возразил я. — Одного я не мог понять — того, что же произошло в мотеле. Это дошло до меня только

вчера утром. Я не провел шесть лет, размышляя об этом, но если бы и провел, мог бы так и не найти ответа.

Я ткнул пальцем в Сёрфейса.

— Мне помогло то, что ты сказал на кухне вчера. Все улики были налицо, и все же мне не помешал последний толчок.

— Боже праведный, Меткалф, — вздохнул Сёрфейс. — Ну ты и мастак трепаться.

— Вы оба заставили меня мучиться, сравнивая ваши версии, — продолжал я и посмотрел на Кэтрин. — Вы утверждали, что Стенхант встречался в мотеле с любовницей, а ты, — я покосился на Сёрфейса, — что то же самое делала там Челеста. — Я рассмеялся. — И вы оба были правы наполовину.

— Ну что ж, послушаем, — сказала Кэтрин.

Она явно торопила меня с рассказом. Мои пять минут давно истекли, но я знал, что теперь у меня в распоряжении все время в мире.

— Я понял все. Но сначала я должен немного вернуться назад. В том, как Стенхант и Фонеблюм нанимали частных инквизиторов, имеется последовательность, очень важная для того, чтобы понять суть. Я был первым, и я имел дело со Стенхантом, и все, что он хотел от меня, — это чтобы я нажал на Челесту и заставил ее вернуться домой. Но нанимать громил получалось у Стенханта не

важно, и, когда я отказался, он доверил это Фонеблюму. Тот нанял Уолтера. — Я махнул рукой в сторону Сёрфейса. — Когда он донес Фонеблюму, что у Челесты есть кто-то на стороне, тот предложил Уолтеру большие деньги, чтобы тот вычислил счастливчика и убрал его. Но Уолтер тоже отказался. И остался без работы, так ни разу и не встретившись со Стенхантом. Верно?

Сёрфейс утвердительно кивнул.

— К этому времени у Фонеблюма начались неприятности на другом фронте. Его сын и протеже стал башкунчиком и сбежал на Телеграф-авеню пить виски и нести чепуху. Фонеблюм не бросал надежды вернуть наследника под свое крылышко — одно время он финансировал проектирование пристройки для башкунчиков на Кренберри-стрит, — но одновременно начал искать нового кандидата на эту роль. И нашел такового в молодом кенгуру по имени Джой Кастл. Джой оказался способным учеником.

— Я проверил это на себе, — перебил меня Сёрфейс. Должно быть, он вспомнил про свои ребра.

— Так вот представьте себе, — продолжал я, — после меня и Сёрфейса Фонеблюм бросил идею искать помощи на стороне. У него как раз имелся свой стрелок-кенгуру, готовый

на все. Фонеблюм дал ему то же поручение, что и Уолтеру: следить за Челестой. Учтите, что кенгуру *никогда на видел раньше Мейнарда Стенханта.* И еще одно поручение: убрать нового ее дружка со сцены.

Я сделал эффектную паузу. Оба не сводили с меня глаз.

— Мейнард Стенхант имел чрезмерное пристрастие к Забывателю — по меркам шестилетней давности. Первый раз, когда я пытался дозвониться ему домой, он даже не вспомнил, кто я такой. Я бы предупредил Энгьюина насчет опасности иметь дело с людьми, страдающими провалами в памяти, но тогда я и сам не задумывался о возможных последствиях этого. На деле и Мейнард, и Челеста имели свидания в «Бэйвью». В одном номере. Друг с другом.

— Уолтер, — обратился я к Сёрфейсу, — ты видел Стенханта, только не знал об этом. Он и был тот парень, которого ты засек в мотеле. Да, Челеста бросила его, но колебалась, как это бывает. Она согласилась встречаться с ним в мотеле, но его утреннее «я» — то, которое нанимало детективов, — не помнило об этой договоренности.

Сёрфейс только рот раскрыл.

— Вчера ты сказал мне, что теперь в Эл-Эй запрещено знать, как ты зарабатываешь деньги. Вот тогда до меня и дошло. Стенхант был ранним прототипом этого. Та часть его, что не помнила о встречах с Челестой, отчаянно ревновала ее к тому, с кем она встречалась в «Бэйвью», вот он и попросил Фонеблюма, чтобы тот приказал своим мальчикам пристрелить его. Кенгуру знал, как выглядит Стенхант, не лучше, чем ты, Уолтер. Он просто сделал все, что ему приказали, и убил дружка. Стенхант сам заказал свое убийство.

Я помолчал и дал им время обмозговать это. На лице Кэтрин сменило друг друга несколько разных выражений, по большей части скептических, но в конце концов она была достаточно умна, чтобы притворяться, будто это лишено убедительности. Я видел, что она осознала это, а потом я увидел, как она напоминает себе, что моя карточка лежит у нее в ящике и что за пределы этой комнаты без ее ведома не выйдет никто и ничто. Она быстро пришла в себя — наверное, за эти годы у нее было достаточно возможности попрактиковаться в этом. Да, она изменилась сильнее, чем Барри, или Сёрфейс, или Теста-фер, или кто угодно другой из тех, с кем я имел дело со времени возвращения. Она изменилась так же, как изменились размеры и убранство ее кабинета.

— Интересная история, — произнесла она. — Что вы надеетесь получить?

— Я хочу, чтобы Энгьюина разморозили, — ответил я. — Я устрою вам черт-те что, если вы не сделаете этого.

Она только улыбнулась.

— Это вы меня смешите, Телепромптер, — сказал я. — Позвольте мне считать, что я представляю для вас угрозу. Это ведь не ерунда: парень совершенно безобиден — и невиновен.

Она пощелкала клавишами своего компьютера. Я решил, что она смотрит досье Энгьюина, хотя на деле это могло быть что угодно. Вплоть до часов. Она щурилась, глядя на монитор, и я вспомнил, как при нашей первой встрече она не хотела, чтобы я видел ее в очках.

— Я посмотрю, что можно сделать, — сказала она.

Я обдумал это. Я много чего сделал на четырнадцать тысяч Энгьюина.

— Этого мало, — сказал я.

Она посмотрела мне прямо в глаза. На этот раз это я выдержал ее взгляд, не моргнув.

— Ладно, — сказала она. — Завтра. Даю вам слово.

— Спасибо.

— Не меня благодарите, — отрезала она. — Благодарите свою счастливую звезду. Забирайте свое барахло и убирайтесь.

Она открыла ящик и вернула Сёрфейсу его карточку и книжку, потом отдала мне карточку, а пистолет положила на стол. Я потянулся за ним, но она не убирала с него руки и смотрела на меня, а я смотрел на нее, и мне показалось, по лицу ее пробежала слабая тень улыбки. Секунда прошла, и она позволила мне взять пистолет и убрать его в карман пиджака.

Она нажала на кнопку интеркома и вызвала громил, ожидавших за дверью.

— Уведите их отсюда, — приказала она. — Вышвырните их на улицу.

Храни Господь их добрые сердца, они выполнили приказ в точности.

ГЛАВА 7

Счетчик на стоянке перед пансионатом «Уайт Уолнут Рест Хоум» исполнил для меня пару тактов на гавайской гитаре, когда я опустил в прорезь двадцать пять центов, но я не стал задерживаться, чтобы дослушать. Я одолел долгий путь, и у меня трещала голова. Моя кровеносная система не отказалась от попыток требовать зелья, и я устал искать различные поводы для отказа. Все это называлось одним словом: ломка, и в отличие от индусов, сажавших исцеляемых от дурной привычки на деревянную лошадку, меня, казалось, посадили на дикобраза.

Я вошел внутрь. Здесь было тихо и славно, с цветами и антикварной мебелью на каждом шагу. Я нашел администратора. Даму

за столом мое появление, казалось, напугало, но я не знал, что было тому виной: мои ли покрасневшие глаза вкупе с помятой одеждой или то, кого я хотел видеть. Возможно, и то, и другое.

Они держали его в уютной палате, с окнами на три стороны и коллекцией плетеной мебели, чтобы ставить на нее стаканы с лимонадом и прочие нужные вещи. Он смотрел телевизор, вернее, они усадили его лицом к телевизору, поскольку, когда я обошел его кресло-каталку и стал перед глазами, он не обратил на это внимания, хотя сидел с открытыми глазами. Если не считать застывшего взгляда его когда-то полных жизни глаз, он почти не изменился. Его борода была запущена, но голова почти не начала лысеть. Я отпустил сиделку и уселся в одно из кресел.

Так мы сидели несколько минут: я смотрел за танцем пылинок в солнечном луче, он якобы смотрел телевизор. Единственным слышным звуком было его дыхание. Потом я протянул руку и выключил изображение.

— Фонеблюм, — позвал я.

Он сонно пробормотал что-то

Я выбрался из кресла, подошел и взял его за воротник. Его глаза прояснились.

— Проснитесь, — сказал я.

Он поднял свои пухлые руки, отнял мои от воротника и оттолкнул меня.

Я подождал, пока он моргает, выходя из забытья. Он осмотрел меня; его лоб вопросительно покрылся сетью морщин.

— Вы инквизитор? — припомнил он. Голос доносился из недр его туши, словно купленный по дешевке гром «секонд хэнд». Это был голос из прошлого.

— Вы правы, — ответил я.

— Очень хорошо. — Он потер нос согнутым пальцем. — Вас не раздражают вопросы? Я с пониманием отношусь к тем, кто их не любит.

Он выдохся, но старые привычки умирали не сразу. Я готов был снять перед ним шляпу. Это был блеф, и в другой обстановке, не будь здесь телевизора, кресла-каталки и толстого слоя пыли, я мог бы купиться на него и поверить, что он до сих пор в седле. Но яркий, острый ум, светившийся в его глазах, исчез. Он не знал, с кем говорит.

— Ничего. Вопросы — мой хлеб. С маслом.

Он не вспомнил ответа. Он просто кивнул и сказал:

— Хорошо. Чем могу помочь?

— Я хотел поговорить с вами о Челесте.

Я подождал, пока он переварит это. Имя он помнил. Наверное, оно уносило его в страну его мечты.

— Вы помните Челесту? — спросил я.

— Как же, помню. — Он больше не смотрел на меня. — Я помню Челесту. Разумеется.

— Я расследовал ее убийство.

Его глаза снова перекинулись на меня.

— Это было давно, — сказал он.

— Для меня прошло дня два. У меня на ботинках до сих пор ее кровь.

Я произнес это ненароком, но увидел, что это произвело впечатление.

— Да, — тихо произнес он. — У меня тоже.

— Вы убили ее? — предположил я.

— Не помню, — признался он. — Я убил много людей.

— Вы любили ее?

Он задумался. Я ждал.

— Не помню, — повторил он.

Его лицо не выражало ничего.

— Попробуйте еще, — сказал я. — Этот случай особый. Вы любили ее и убили ее.

Я взял его за воротник. Его глаза прояснились, а челюсть стала на место.

— Кажется, да. Эти две вещи часто происходят вместе. — Он усмехнулся в бороду. — Видите ли, женщины на середине высоты раздваиваются. Я просто довел это до конца.

Вот и все. Я спорил сам с собой, но он облегчил мою задачу. Я отпустил его халат, отступил назад и достал из кармана пистолет Барри. Он проиграл мне свою скрипучую мелодию. Я снял его с предохранителя и навел мушку на грудь Фонеблюма. Он служил хорошей мишенью.

Я смотрел, как он пытается сфокусировать взгляд на пистолете. Ему пришлось скосить глаза к переносице. Его пальцы на подлокотниках каталки чуть напряглись, но лицо осталось бесстрастным.

— Вы собираетесь меня убить? — спросил он.

— Я могу, — ответил я.

Я хотел сделать это. Не знаю, что меня удерживало.

Он заглянул мне в глаза.

— Я вас знаю, сэр?

Долгую, мучительную минуту я пытался заставить себя нажать на спуск. Пылинки в воздухе, казалось, застыли между дулом пистолета и грудью Фонеблюма. В конце концов я понял, что ничего у меня не получится. Я поставил пистолет на предохранитель и убрал его.

— Нет, — нехотя ответил я. — Произошла ошибка. Я нашел не того.

Фонеблюм не ответил. Он даже не вздохнул с облегчением. Я протянул руку и снова

включил телевизор, поправил плащ и вышел в коридор.

Я миновал вестибюль, но не стал расписываться в книге посетителей. У меня просто не было настроения. Я сел в машину. В баке оставалось еще бензина на одну поездку, но я не был уверен, что хочу этого. Я подумал о пакетике зелья, который выкинул в кусты, и о порошечне. На расстоянии эти их автоматы казались не такими уж и плохими. Я попробовал утешить себя тем, что завершил расследование и что теперь моя совесть чиста. Я постарался изо всех сил и в конце концов сумел завести мотор и направил машину в сторону порошечни. Но передумал. Работа еще не была закончена. Я повернул руль и погнал машину к «Капризной Музе».

Я приехал рано. Мне пришлось остановиться на стоянке и любоваться закатом в ожидании, пока они откроются. Небо имело цвет хорошего синяка. Когда дверь открылась, я вошел и заказал выпить в надежде, что это поможет мне убить время, хотя бы полчаса. О том, что будет потом, я не думал. Я не узнал бармена, но это ничего не значило. Лицо могло поменяться, тип остался прежним.

Он принес мне стакан.

— Первый клиент сегодня, — сообщил он, словно это что-то значило.

13 Зак. № 644

— Похоже, — откликнулся я.

Получив сдачу, я отошел в угол позвонить, потом допил стакан и вышел ждать на стоянку. Ждать пришлось недолго. Похоже, кенгуру был один, но наверняка я не знал. Он больше не ездил на мотороллере.

Он вылез из машины, держа пистолет наготове. Меня это не удивило и не обеспокоило. Он не убьет меня, пока не узнает, что мне известно и что мне нужно. Надо просто потянуть. Он пересек стоянку и подошел к моей машине.

— Залезай, — сказал я.

Он уселся рядом со мной и положил лапу с пистолетом на колено. Это более чем напоминало нашу первую беседу на стоянке мотеля «Бэйвью». Я понимал, что теперь он не зеленый новичок, совершающий паломничество на место своего первого убийства. Встреча со мной, должно быть, казалась ему ожившим кошмаром. Но теперь мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять, как далеко он ушел с тех пор. Физически он изменился мало — разве что раздался в шее, да зубы пожелтели сильнее, — но он изменился. Я читал это в его глазах.

— Меткалф... — начал он.

— Молчи, — оборвал я его. — Я знаю, что ты скажешь. Ты теперь большой человек и

умеешь сладко петь. Такая у тебя работа. Ты скажешь мне, что прошлое осталось в прошлом. Ты скажешь, что идеализм вышел из моды, пока меня не было. Ты смешаешь угрозы и посулы в один сладкий коктейль и вольешь его мне в ухо. Я знаю все об этом. Ты теперь Фонеблюм.

Он скривил свои черные губы в хорошо отрепетированной улыбке. В его старый репертуар это не входило, поэтому я воспринял это как подтверждение того, что я сказал.

— Я — Фонеблюм? — переспросил он. — Что ж, это почти верно.

— Хочешь, я опишу тебе нашу дальнейшую беседу? Ты прощупаешь меня на предмет цены — во сколько тебе обойдется заставить меня исчезнуть. Я скажу, что не продаюсь. Ты напомнишь мне, что тебе вовсе не обязательно было приезжать и что ты просто мог послать полную машину своих ребят.

— Неплохо, — сказал он. — Мне нравится.

— О'кей. Я сказал твою часть. Теперь ты скажи мне мою.

Он подумал.

— Ты скажешь, что имеешь на меня что-то. Я внимательно выслушаю и спокойно отвечу, что ты и твоя информация уже шесть лет как мертвы. — Он помолчал. — Знаешь, Меткалф, ты странный призрак. Ты мне не навредишь,

а я тебе могу, и еще как. Ты все равно что не существуешь.

— Мне это тоже нравится, — сказал я. — Только ты все понял неверно.

— Как это неверно?

— Это будет скорее вот как, — объяснил я. — Я скажу тебе, что с твоей стороны было большой ошибкой помещать меня в морозильник. События шестилетней давности для меня все равно что вчерашние.

Я заметил, что его лапа с пистолетом напряглась. Я не беспокоился. Он был мой. Он дважды подумает, стоит ли устраивать шум на стоянке у своего клуба, к тому же шанса подумать об этом дважды у него не будет.

— Я скажу тебе, что ты совершил самую офигительно большую ошибку в жизни, не послав вместо себя своих ребят, — продолжал я. — А потом я разобью тебе морду.

Он поднял пистолет, но я с силой отвел дуло вниз, прижав к его колену. Я врезал ему по носу головой, и он ударился в панику и попытался встать. Машина была явно мала для этого. Всем своим весом я сунул его обратно в кресло и обеими руками сжал его палец на спусковом крючке. Он не хотел прострелить себе коленку и отпустил пистолет, упавший на пол машины.

Он ударил меня по зубам, но не вложил в удар душу. Возможно, ему не доводилось драться со времени нашей потасовки у меня в подъезде, в то время как моей единственной проблемой были пальцы, разбитые два дня назад о его зубы. Его главным оружием всегда служили задние ноги и хвост, но сейчас они застряли под приборной доской. Это был мой бенефис. Когда руки устали, я поднял пистолет Джоя и пару раз сунул ему в пасть. Потом опустил стекло и вышвырнул пистолет на гравий.

Я попробовал говорить, но во рту оказалось слишком много крови. Должно быть, он все-таки успел двинуть меня пару раз. Я сплюнул в окошко и вытер рот рукой. Однако и Джой выглядел не блестяще. Его голова откинулась на спинку кресла так, словно шея не гнулась. Но когда я заговорил, я видел, что он слушает.

— Знаешь, почему Фонеблюм так мечтал о наследнике? Всегда находится кто-то, выступающий в его роли, точно так же, как всегда найдется кто-то вроде меня.

Я еще раз вытер кровь со рта, потом достал пистолет Барри. Тот сыграл мне свою Тему Опасности, и на этот раз она показалась вполне уместной.

— Не думай, что это за убийство Стенханта, — сказал я. — Тебя заставили нажать на курок. Я принимаю это в расчет.

Глаза Джоя расширились от страха. Он понимал каждое слово.

— Это тебе за то, что ты держишь вожжи, — продолжал я. — За девушек на втором этаже «Капризной Музы». За шесть лет искалеченных жизней, которым я не мог помочь, потому что лежал замороженный. Это тебе за те дела, о которых знаешь только ты, за те дела, которые ты совершил, позволив себе пойти по стопам толстяка.

— Меткалф, — произнес Джой. — Меткалф, ради Бога...

— На твоем месте сидел сегодня Фонеблюм, — продолжал я, не слушая его. — Но я опоздал на годы. А с тобой я как раз угадал. Я хочу убить того, кто помнит, кем я был.

Я нажал на спуск. Первая пуля ударила ему в морду, но его ноги еще дергались. Я с опаской относился к этим ногам. Я разрядил обойму ему в живот, и одна из пуль задела позвоночник. Он затих. Потом я забрал у него ключи и оставил его в моей машине, а сам взял его. Вести ее оказалось куда приятнее, чем взятую напрокат колымагу.

ГЛАВА 8

На следующее утро я сидел в машине Джоя перед входом в Отдел. Я был в норме. Почти всю ночь я провел в холмах, любуясь луной, массируя пальцы. Где-то на протяжении этих часов я пришел в себя. Мой организм забыл о порошке. Я опустил стекло, откинулся в кресле и стал слушать звуки наступающего дня. Я не боялся ждать. По какой-то причине все казалось мне замечательным. Мне даже нравились дома, натыканные за время моего отсутствия.

Через полчаса из дверей, подслеповато щурясь на солнечный свет, вышел Энгъюин с новой карточкой в руке. Он выпадал из обстановки не больше, чем шесть лет назад. Когда он проходил мимо, я отодвинулся в

тень. Мне нечего было сказать ему. Я просто хотел удостовериться.

Потом я запер машину Джоя и вошел. Я нашел инквизитора и протянул ему карточку и пистолет Барри, еще раз сыгравший Тему Опасности. Это даже начинало мне нравиться.

— Мое имя Конрад Меткалф, — сказал я. — Возможно, вы искали меня.

Теперь, когда я развязался со всем, морозильник не представлялся мне таким уж наказанием. Я ощущал себя бродягой, который бьет витрины, чтобы было где переночевать. Если мне не понравится мир, в котором я проснусь в следующий раз, я всегда нарвусь на какую-нибудь неприятность, и так до тех пор, пока я не найду подходящего мира или пока они не прекратят морозить меня за казенный счет. И вполне возможно, что я все-таки встречусь с Корнфельдом, чтобы вернуть ему удар по пузу.

Когда меня готовили к заморозке, один из инквизиторов проникся ко мне симпатией — на этом этапе они часто такие — и предложил мне понюшку зелья, которое нюхал сам.

— Забыватель? — спросил я.

Он отрицательно мотнул головой.

— Мой собственный состав, — гордо сказал он. — Попробуй-ка.

Значит, порошечники все же работают. Подпольно. Уже лучше. Я взял у него соломинку. Ну вот, теперь я точно проснусь с больной головой, но, черт возьми, это моя головная боль.

Как все оказалось просто.

Одиннадцатое небо рая

И когда увидел сэр Джолент, что обратно ему пути нет, помолился он святому Катберту и, дав шпоры коню, смело и бодро двинулся вперед.

Джером К. Джером

Много веков назад король бриттов Артур основал королевство Логрию, в котором не было места злу и насилию. Артур учредил также орден рыцарей Круглого Стола, согласно кодексу которого сражаться должно было только за правое дело, защищая слабых и

обиженных. Круглый Стол — это братство доблестных и самоотверженных, преданных королю, Господу и своей даме, готовых вступить в бой за восстановление справедливости, не ожидая за это ни почестей, ни наград. Самое страшное для рыцаря — изменить своему достоинству, нарушить принесенную при вступлении в орден клятву; высшее отличие — гибель на поле брани во имя ее.

Шли годы, менялись социально-экономические формации, формы правления, моды и обычаи, но неизменным оставались добро и зло, не исчезало желание одних людей строить свое благополучие за счет жизни и имущества других. И хотя государство взяло на себя защиту своих граждан, образованные для этого учреждения часто оказывались неэффективными. И когда слабым и обиженным, униженным и оскорбленным не могли помочь правоохранительные органы, их место занимали частные детективы. Кодекс чести рыцарских романов лежит в основе мировоззрения главных героев детективной литературы. В сущности, кредо сыщиков всех времен — знаменитая фраза Жеглова: «Вор должен сидеть в тюрьме!» Иными словами, зло должно караться, преступники — понести наказание, а справедливость восстановле-

на — по-другому быть не может, такова суть миропорядка.

В этот же литературный ряд встает роман американского писателя Джонатана Летема «Пистолет с музыкой». Летем родился в 1964 году, окончил Высшую школу музыки и искусств в Нью-Йорке (отец Летема — преподаватель истории искусств — брал с собой сына с ранних лет на лекции и он, по его словам, «вырос среди скульптур»). Писать Летем начал в середине восьмидесятых годов, опубликовал в американских и английских журналах около трех десятков рассказов, преимущественно фантастических. В 1986 году Летем переехал в Беркли, штат Калифорния, и так получилось, что его дом находится в квартале от дома, где в начале своей писательской карьеры жил Филип Дик. Дик оказал на Летема большое влияние: гротеск и черный юмор многих рассказов и «Пистолета...» берут начало в фантасмагорических «альтернативных реальностях» этого писателя. Вторым прозаиком, которому Летем, по его признанию, обязан многим, был Раймонд Чандлер, чья жизнь и творчество во многом (это относится и к Дику) связаны с Калифорнией.

Разумеется, этими двумя именами не ограничивается число писателей, чье влияние на Летема ощутимо в его ранних рассказах. Но

гораздо сильнее чувствуется в них стремление молодого автора создать свой художественный мир. Вот, например, рассказ «Замурованные преступники» (эта новелла вошла в первый сборник «малой прозы» Летема «Стена небес, стена взгляда», вышедшей в 1996 году). Действие рассказа происходит в будущем, причем не очень отдаленном от нашего времени, в мегаполисе, в котором придумана новая форма борьбы с преступностью. Воры, насильники, фальшивомонетчики, грабители приговариваются, как и прежде, к тюремному заключению, но в необычной тюрьме: стены ее сложены из... особо опасных преступников. Их тела перемалываются (но не измельчаются окончательно), а из полученной смеси готовятся кирпичи...

При этом подвергающийся экзекуции человек сохраняет ясность мышления, дар речи, прекрасно понимает, что с ним происходит, и, замурованный в камне (реминисценция с «Бочонком амонтильядо» Э.А.По!), продолжает так «жить» десятилетиями, умирая лишь от старости. Кирпичная кладка, в которой различимы переломанные пальцы и лодыжки, локти и коленные чашечки, видны лица, глаза, взирающие на мир в вечной, безысходной тоске... Эта картина, напоминающая иллюстрацию к «Аду» Данте (к описанию пос-

леднего пояса последнего круга преисподней, где казнятся предатели своих благодетелей, вмерзшие в лед), по яркости и силе производимого впечатления может служить «визитной карточкой» воображения Летема-фантаста. А центральная коллизия рассказа — «визитной карточкой» Летема — художника-психолога: попадающий в тюрьму герой, вчерашний подросток, впервые встречается со своим отцом, который «сидит» почти столько же лет, сколько юноше, — вернее, он видит лишь лицо отца, проступающее в камне...

Если в «Замурованных преступниках» рассказ шел от первого лица (Летем виртуозно воссоздал внутренний мир молодого человека, оказавшегося в тяжелой жизненной ситуации), то герой новеллы «Счастливчик» куда старше, у него уже есть семья. Уютный дом, прелестная заботливая жена, симпатичный сынишка — но наслаждаться всем этим герою дано недолго. Два-три дня — и вновь его душа, оставив дома физическую оболочку, возвращается в ад. Ад героя — это жуткие, отталкивающие, но одновременно и притягивающие сцены, словно ожившие полотна Дали, Магрита или Макса Эрнста: в саду, принадлежащем ведьме, накрыт стол для завтрака, (который никогда не подается), за ним

сидят дети, в их числе — герой — в аду он восьмилетний мальчик, и безобразная лошадь в очках в чугунной оправе; лес, где на деревьях вместо листьев бритвы, никогда не ржавеющие, потому что в аду никогда не идет дождь; кошмарный полковник Ивери, «счастливчик», предстающий в разных обличиях — порождениях пережитого героем в детстве сексопатологического потрясения...

Все эти картины повторяются каждый раз, когда герой оказывается в аду. Почему у него такой ад, а у другого человека — иной (в этом мире происходящее с героем — скорее, норма, чем исключение, так живут многие), что же все это означает? «Ровным счетом ничего, — отвечает автор словами сына героя. — Ад реален, как и наша жизнь, просто он иной, не похож на нее. И если ты идешь по улице и встречаешь оборотня, то не станешь спрашивать, что это, а просто помчишься прочь изо всех сил». Но где заканчивается реальность и начинается фантасмагория, где грань между вымышленным, кажущимся и действительным, подлинным, и возможно ли различить эту грань в виртуальном существовании, в мире дурной бесконечности?..

Рассказы Летема не укладываются в схему привычных жанровых классификаций. Научная фантастика переходит в сказку, гофма-

ниада соседствует с триллером, фэнтези предстает аллегорией. Вот рассказ «Пять любовных встреч». Женщина знакомится в баре с мужчиной — что может быть банальнее такого начала? Встреча завершается ночью любви (в чем тоже нет ничего необычного). Но эта ночь «стоила» героине двух недель жизни, в течение которых, как она выясняет, ее не было дома. Пережив потрясение от этой новости, женщина все-таки идет на следующее свидание, которое, вырвав ее из привычного мира, переносит в иную, параллельную действительность, с иным ходом времени. Еще одна встреча — и героиня вновь в альтернативной — по отношению к предшествующим — реальности. О чем же рассказ: о слепой силе страсти? о безрассудстве и возвышенности безотчетного женского порыва (воистину: «Ты женщина, и этим ты права!»)? или же это просто изящная вариация на столь известную в фантастике тему временных парадоксов?..

Гораздо определеннее по своей жанровой принадлежности рассказ «Спящие люди». Это притча в традиции Кафки, жестко написанная печальная история о трагичности и абсурдности человеческой жизни. Некий город, существующий вне фиксированных координат времени и пространства, дом главной ге-

роини, стоящий на «улице, ведущей в никуда», спящий мужчина, который однажды вечером появляется на крыльце этого дома... Кто он и откуда взялся? откуда вообще берутся спящие, появляющиеся в различных районах города? и что это за банда говорящих динозавров, время от времени, как банда Алекса в «Заводном апельсине», совершающих набеги на дома людей? Автор не дает ответа на эти вопросы — как нет выхода из жизненного тупика для героини, вновь остающейся одной в пустом доме на «улице, ведущей в никуда»...

Летем пишет сильно, но неровно. Рассказ «Ванильный сухарик» — один из таких рассказов. Посвящен он спорту будущего — конкретнее, баскетболу: игроки используют прибор, представляющий собой своего рода запись психосоматического состояния, в каком во время игры находились великие игроки прошлого: Мэджик Джонсон, Майкл Джорден, Уолт Фрейзер. Рассказ длинный, затянутый, но видно, что тема очень уж дорога автору — иначе он не стал бы включать рассказ в сборник вместе с такими превосходными вещами, как «Замурованные преступники» и «Счастливчик».

Первый роман Летема «Пистолет с музыкой» вышел в 1994 году. Он имел большой успех, о чем говорит присуждение ему Craw-

ford Award за лучшее произведение в жанре фэнтези года, специальной премии журнала «Локус» и выдвижение на премию «Небьюла» (до этого на ту же премию номинировался рассказ Летема). Воодушевленный успехом, Летем вскоре выпустил второй роман «Amnesia Moon». Критики, отмечая возросшее мастерство Летема и более высокий, чем в первой книге, удельный вес социально-критического и сатирического элементов повествования, его большую жесткость, утверждают, что Летем — один из наиболее интересных и одаренных авторов в современной американской литературе. Сам Летем, признавая свою «генетическую связь» с фантастикой («Я продолжаю гордиться, что мои корни — в НФ!»), не хочет замыкаться в жанровых рамках, стремясь объединить в одном произведении различные жанрово-стилистические маневры, что мы видим на примере первого романа писателя.

Его главный герой — Ко́нрад Меткалф — прямой наследник детективов прошлого, от Огюста Дюпена и Шерлока Холмса до героев Агаты Кристи, Дэшила Хэмметта и Реймонда Чандлера. Как известно, существуют различные модели детектива: классический интеллектуальный, в котором преступление расследует гениальный сыщик-аналитик,

для него расследование — хобби, на жизнь он зарабатывает не этим; «крутой детектив» (hard-boiled detective story), с погоней и стрельбой, а то и морями крови, как в «Кровавой жатве» Хэмметта, герой такого произведения — выходец из куда менее обеспеченных слоев общества, чем сыщик-аналитик, для него его профессия — единственный способ существования; и наконец, полицейский роман, в котором главное — расследование, успех его зависит в первую очередь от успешной работы сотрудников полиции по сбору данных (таковы, например, романы Эда Макбейна).

Если классический детектив постигает разгадку в уютной тиши кабинета за счет логико-интуитивных построений, то «крутой» сыщик приходит к истине благодаря неустанному поиску, непрерывной работе с утра до вечера, тяжелому, нудному, а то и опасному расследованию, в ходе которого герой может быть ранен или покалечен. Но несмотря на постоянную опасность получить пулю, сыщик не бросает дело — ему мешает сделать это чувство ответственности, сама мысль о невозможности отступиться от того, кто доверился ему (точно так же рыцари короля Артура помогали слабым и безоружным). Впрочем, есть еще и материальная причина —

сыщик зарабатывает себе на жизнь, и довести дело до конца для него означает просто-напросто получить указанную в договоре сумму.

Таков и Конрад Меткалф. Он, подобно Филипу Марло Чандлера или Арчи Гудвину Рекса Стаута, тоже раньше служил в полиции, вернее, ее аналоге в мире будущего, и ушел оттуда, увидев (как эти герои), ее малую эффективность, бюрократизм, коррумпированность. Меткалф далек от идеала, он ошибается и попадает впросак, поддается человеческим слабостям (они понятны читателю и усиливают эффект сопереживания), но это человек, на которого можно положиться, которому можно довериться. Он работает один, у него, как у Филипа Марло или Сэма Спейда Хэмметта, нет помощников и друзей, а потому, казалось бы, шансы на успех весьма невысоки — по крайней мере так оценивают их его противники, на стороне которых финансовое и физическое превосходство. Но герой, согласно законам жанра, не может, не имеет права бездействовать, когда торжествует зло.

В 1944 году Реймонд Чандлер написал статью «Простое искусство убивать», в которой набросал портрет «крутого» детектива: «По нашим мерзким улицам должен пройти человек, который выше этой мерзости, который не запятнан и не запуган. Таким человеком является детектив-расследователь. Он простой смертный, и в то же время он не такой, как все, это настоящий человек. ...Человек чести по своей природе, по неизбежности, и, уж конечно, не размышляющий об этом вслух. ...Меня, признаться, мало интересует его частная жизнь, хотя, безусловно, он не евнух и не сатир. Он может соблазнить герцогиню, но ни за что не посягнет на невинность.

...Он относительно беден, ему не пришлось бы зарабатывать на жизнь ремеслом сыщика. Он обычный человек, иначе он не смог бы жить среди простых людей. У него есть характер, иначе он не смог бы стать профессионалом. Он не возьмет денег, если не будет уверен, что он их заработал, и он поставит на место хама, не теряя самообладания. ...Он изъясняется, как и подобает людям его возраста — с грубоватым остроумием, умением увидеть фальшивую сторону жизни, с отвращением к фальши и презрением к дешевке. В основе сюжета таких детективов — его приключения в поисках потаенной правды. ...Если бы у нас было побольше таких, как он, то, мне кажется, наш мир стал бы более безопасным, хотя и не настолько унылым местом на Земле, чтобы в нем не хотелось жить».

Таков и герой Летема. Конрад Меткалф энергичен, напорист, отменно стреляет и дерется, он сдержан в выражении своих чувств, немногословен, но остроумен и при необходимости разговорит любого. Но было бы полуправдой сказать, что Меткалф полностью соответствует набросанному Чандлером портрету. Герой Летема может быть и вялым, апатичным, равнодушным, словно опустошенным. Меткалф одинок — и это не только дань литературной традиции (у сыщика не должно быть мешающих работе привязанностей, женатый Мегрэ и герой Лоренса Блока Мэт Скаддер с постоянной подружкой — исключения). У него нет ни семьи, ни друзей, он словно обречен на одиночество, и лишь на миг обретая счастье с Кэтрин, он тут же теряет ее; при этом отношения Меткалфа и Кэтрин — трагедийно-иронический парафраз (на которые Летем мастер) Ромео и Джульетты, принадлежащих, как известно, к враждующим родам. Меткалф словно раздвоен: он одновременно деятелен, наступателен — и пассивен, апатичен. И это делает его еще более понятным читателю.

Мир будущего, в котором живут герои Летема (причем не такого уж далекого будущего — это не «галактическая история человечества»), знаком нам по книгам современных

американских писателей: такие же политический строй (во главе страны — президент) и система денежного исчисления, у людей те же профессии, мало изменились вкусы, взгляды, интересы.

Но иной стала структура общества — появились так называемые обращенные животные (домашние и дикие), которые, подвергшись воздействию нейрохирургии и генной инженерии, приобрели дар речи и стали походить на людей (выписаны эти псевдолюди превосходно — пожалуй, это лучшее в мировой фантастике повторение сюжетного хода Уэллса из «Острова доктора Моро»). Общественный статус обращенных животных крайне низок — они находятся на положении нынешних цветных иммигрантов Америки, обладая ограниченными социальными правами и получая гораздо меньшую, по сравнению с людьми, оплату за свой труд. Берут их на работу «второго сорта»: сторожем на автостоянке, швейцаром, разносчиком; охотно рекрутирует их криминальный мир, как можно видеть на примере кенгуру Джоя.

Не менее привлекательное социальное явление — башкунчики — дети, которые в результате «терапии» ускоренного развития достигли интеллектуального уровня взрослых, сохраняя физический облик детей (и пере-

став расти). Летем не говорит, как и почему появились башкунчики, но самый факт их существования — весомый показатель нездорового психологического климата общества.

Будущее, описываемое Летемом, не сухая схема, но живой мир, наполненный запахами, звуками, красками, многоцветьем жизни, которую мы видим глазами главного героя. Наверное, автор мог бы изобразить все это и через восприятие другого героя, скажем, башкунчика — задача эта была бы, бесспорно, крайне сложной, но в высшей степени благодарной, но тогда бы мы получили не просто крепко сколоченный фантастический триллер, а одну из величайших книг НФ, роман, подобный «Шуму и ярости» Фолкнера, где повествование идет от лица слабоумного глухонемого. И все действующие лица предстают живыми, полнокровными: люди, обращенные животные (особенно хороши котенок Саша и, конечно же, кенгуру Джой), даже башкунчики, сюрреалистически выразительные. У Летема вообще нет лишних, посторонних персонажей, чье появление тормозило бы, нарушало действие, все важны — каждый, разумеется, по-своему, и нужны автору.

Появились в этом мире и новые органы правопорядка, напоминающие прежнюю полицию, но действующие куда более жестко и

обладающие неограниченными полномочиями. Инквизиция Летема (примечательно название — так называлась судебно-полицейская, по сути, служба, учрежденная для борьбы с религиозным, а затем и политическим инакомыслием в XIII веке) аналогична таким известным в фантастике социальным институтам, как Хранители Замятина, полиция мысли Орвелла и пожарные Брэдбери. Прерогатива Инквизиции — одновременно профилактика преступлений и наказание за них, что производится с помощью имеющейся у каждого человека карточки, на которой отмечается уровень его социальной лояльности. Название шкалы лояльности — изящная и при этом жутковатая насмешка (Летем — мастер такой детали).

Ведь понятие кармы — само слово на санскрите означает «действие» — в древнеиндийской философии использовалось для обозначения поступков человека, намерений, с каким он совершает их, и их последствий. В более обобщенном смысле карма — закон воздаяния человеку за все, что он делает в жизни, закон возмездия, но справедливого, устанавливающий непрерывную цепь причин и следствий, ведущий к высшей, космической справедливости, высшей правде. Каждым нашим поступком — или отсутствием

его — мы, согласно представлениям древних, творим свою карму, хорошую или плохую.

Работа же Инквизиции вовсе не воздаяние, а наказание, осуществляемое без суда и следствия, исходя их, мягко говоря, субъективных представлений о добре и зле каждого инквизитора. Сами инквизиторы похожи на некоторых наших милиционеров (впрочем, надо полагать, и на американских полицейских тоже), грубых, озлобленных, недалеких, одним словом, «ментов», к которым всегда можно найти подход — в зависимости от толщины бумажника нарушителя или подозреваемого. Немало инквизиторов (как это видно на примере Корнфельда) связаны с преступным миром, хотя усердно прикидываются служителями Истины и Справедливости.

Само же наказание — помещение в «морозильную камеру», в которой человек проводит несколько лет, — еще один парафраз Летема, на этот раз известного в НФ хода: замораживание человека (нередко — неизлечимо больного) и сохранение его тела при сверхнизкой температуре в течение неопределенно долгого времени, перенестись в будущее (когда будет найдено спасительное лечение). Сюжетные возможности такого хода видны на примере различных произведений: «Когда

спящий проснется» Уэллса, «Вести их будущего» Амосова, «Зачем звать их назад с небес?» Саймака. У Летема этот прием имеет совершенно иной характер: «замораживание используется» не для исцеления человека, но наказания его — ломается судьба того, чья карма стала нулевой, рвутся все связи с родными и близкими, при выходе из «морозилки» он лишается имущества и жилья.

И еще одна, весьма важная примета мира будущего — легализация наркотиков (правда, они называются по-другому, но суть от этого не меняется). Государство взяло под контроль производство и продажу наркотических веществ, открыв специальные магазинчики. С помощью получаемого там порошка можно расслабиться, можно успокоиться, а можно и забыть о мучающем прошлом (там поступал Стенхант, но, не рассчитав дозировку, оказался в трагической ситуации доктора Джекила — и сам, в сущности, заказал свое убийство).

Работа Инквизиции, легализированные наркотики, множество других незначительных, на первый взгляд, и существенных примет будущего (некоторые из них выявляются в диалогах, на первый взгляд, многочисленных, избыточных, но на деле необходимых, так как они не только четче показывают ха-

рактер героев, но и помогают понять общественный психологический и моральный климат) — все это образует своего рода мозаичную картину жизни тоталитарного общества. Государство с помощью всесильной инквизиции, «карточек судьбы» и наркотиков не просто манипулирует общественным сознанием, не просто подавляет человека. Как видит герой (после выхода из «морозильной камеры»), государство идет дальше, низводя личность до придатка к механической памяти. Для людей, обладающих такой памятью, хранящей только положительные воспоминания, существует только настоящее, в котором не надо ни о чем думать и беспокоиться. У людей отнято прошлое — и таким образом возникает идеальная модель социума, в котором отныне и вовеки все довольны и умиротворены (характерно, что в этом мире, как в знаменитом романе Брэдбери, запрещена книжная культура).

Вопрос о счастье и свободе человеческой личности — центральный вопрос общественного развития — в мире, нарисованном Летемом, решен в тоталитарном обществе окончательно. Оскоплены не только сознание, но и души людей, отныне каждый человек — остров, вопреки великой формуле Джона Донна, отделенный от других непреодолимым океаном равнодушия и безразличия к чему бы то ни было на свете, кроме собственной персоны; общество загнано в тупик — развитие хомо сапиэнса остановлено, остановлено историческое время. И этот мир более благостен и покоен, чем любое из десяти небес дантовского рая, и более страшен, чем любой из девяти кругов ада великого флорентийца.

Интересно, что Летем не говорит ничего о том, кто стоит за этими процессами, кто манипулирует изменениями в жизни социума, кому, иными словами, выгодно все, что происходит с жителями страны. Мы не знаем, кто правит в мире Летема, какой принцип лежит в основе изображенного им общества: «олигархический коллективизм», как у Орвелла, деление на классы, как у Хаксли, господство технократии, как у Замятина или Азимова в «Конце Вечности». Но эта обезличенность власти страшнее, чем ее персонификация, чем те воплощения социального зла, которые мы видим в великих антиутопиях нашего века.

Герой романа Летема не выступает против этого мироустройства. Меткалф — не борец с антигуманной системой, она, вообще-то говоря, его до поры до времени устраивала, и он не пытался ее изменить, поскольку нашел

в обществе свою «экологическую нишу». В отличие от героя классической антиутопии, начинающего сомневаться в непогрешимости общества, Меткалф не выражает гражданского неповиновения. И если классическая антиутопия начиналась с неведения героя и заканчивалась его прозрением (а потому — чаще всего — его смертью), то герой Летема хорошо знаком с окружающим его миром, его закулисными пружинами, не питая никаких иллюзий относительно его морали.

Хотя Меткалф не восстает против общества, но, столкнувшись с порожденными им несправедливостью и жестокостью, начинает борьбу, защищая право человека быть свободным и счастливым. После «пробуждения» герой понимает, что бóльшая и, наверное, лучшая часть его жизни уже прошла, дальше его ждет доживание, а потому он не думает о себе. Меткалф приходит к пониманию того, что нет ничего важнее, чем делать добро, помогать тем, кто слаб и немощен. Собственно, это и авторская позиция тоже, которую мы воспринимаем опосредованно. Сам Летем ни разу на протяжении повествования не морализирует и не поучает, но нет сомнения в том, что он — на стороне Меткалфа. И автор поддерживает героя в его стремлении восстановить справедливость в «отдельно взятой» ячейке социума, карая Джоя — конкретного носителя социального зла.

Протест героя против бесчеловечности системы бесперспективен, но не протестовать герой не мог. Противостоя злу, он утверждает человечность, нравственное начало в бездушном мире. Потому роман Летема не о грядущем, а о нынешнем — впрочем, как и вся хорошая фантастика, как это сформулировал в свое время Рей Брэдбери: «Мы будущее не предсказываем — мы его предотвращаем».

Детектив, по сути дела, утопия: писатель создает мир, в котором добро одерживает верх (или по крайней мере не терпит поражения). Такая модель сама по себе фантастична, ибо в мире реальном, нам знакомом, чаще, увы, происходит обратное. Но в литературе, в мире вымышленном, добро торжествует, зло побеждено, и мы закрываем книгу с надеждой и верой.

В. Гопман

Литературно-художественное издание

Летем Джонатан

Пистолет с музыкой

Составители серии *Н.А.Науменко, С.Н.Герцева*
Редакторы *Г.Г.Мурадян, Е.А.Барзова*
Художественный редактор *С.Н.Герцева*
Компьютерный дизайн: *А.А.Кудрявцев*
Технический редактор *Н.Н.Хотулева*

Подписано в печать с оригинал-макета 04.12.96.
Формат 84 х 108 $^{1}/_{32}$. Бумага типографская.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 15 000 экз.
Заказ 644

ТКО АСТ. Лицензия ЛР № 060519.
143900, г. Балашиха Московской обл., ул. Фадеева, 8

При участии ООО "Издательство АСТ"
Лицензия ПИМ № 01372 от 16.04.96.
366720, РИ, г. Назрань, ул.Фабричная, 3

Отпечатано с оригинал-макета в Тульской типографии, 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

